

ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС НИКОЛАЯ II

П.Е.Щеголев

П.Е.Щеголев

ПОСЛЕДНИЙ

РЕЙС

НИКОЛАЯ II

Москва "Книга" 1991

ББК 84Р
Щ 34

Подготовка текста, послесловие, именной указатель
кандидата исторических наук Ю.Н.Емельянова

Оформление В.В. Рыжова

Текст печатается по изданию: Щеголев П.Е.
Последний рейс Николая Второго. М.; Л., 1928

Издание подготовлено редакционно-издательским
центром «Истоки»

Щ $\frac{4702010201-023}{002(01)-91}$ Без объявл.

ISBN 5-212-00616-3

© Послесловие, именной указатель.
Емельянов Ю.Н., 1991

ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС НИКОЛАЯ ВТОРОГО

Глава 1

НАКАНУНЕ

1

16 декабря 1916 года был убит Распутин. Его смерть — настоящий удар для семьи Романовых. Александра и Николай лишились друга, советника, целителя, духовной опоры. Почва выскользнула из-под их ног. Николай бросил Ставку и военные дела, 19 декабря примчался в Петербург и пробыл здесь до 22 февраля. Два месяца ушло на восстановление душевного равновесия, нарушенного убийством старца, и на сколачивание разрушавшегося корабля государственного управления при деятельном содействии министра А.Д.Протопопова. Он хотел заменить Распутина при дворе собственной особой и уже в это время, несомненно, носил в себе серьезную душевную болезнь. Александра Федоровна укрепляла свои позиции в борьбе за власть Николая, самодержавную и неограниченную, — против всех родственников, двора, Думы, народа. Твердость настроения она страстно хотела влить в душу своего мужа. «Будь львом в битве против маленькой кучки негодяев и республиканцев», — твердила царица. «Будь Петром Великим, Иваном Грозным, Павлом Первым, сокруши их всех». Всех: это — Родзянко, и Николашу (великого князя Николая Николаевича), и егермейстера Балашова — всех. За что бороться? За самодержавие, за власть — против лозунга, выброшенного буржуазной Думой, — против ответственного министерства. Но... «глупец тот, кто хочет ответственного министерства», — говорит царица и ссылается в подтверждение на самый великий для нее и царя авторитет — на шарлатана Филиппа, предтечу при дворе Распутина. «Вспомни, даже т-г Филипп сказал, что нельзя давать конституции, так как это будет гибелью России и твоей, и в с е истинно русские люди говорят то же»... «Мы Богом поставлены на трон и должны сохранить его крепким и передать непоколебленным нашему сыну. Если ты это будешь помнить, то не забудешь, что ты властелин, и насколько это легче самодержавному монарху, чем тому, который присягал конституции».

22 февраля царь отбыл из Царского Села в Ставку. В вагоне, на диванчике, в своем купе он нашел письмо от жены. «Мне так страшно,— писала она,— хотелось бы помочь тебе нести твоё бремя!.. Что я могу сделать? Только молиться и молиться. Наш дорогой Друг [речь идет о Распутине.— П.Щ.] в ином мире тоже молится за тебя — так Он еще ближе к нам. Но все же как хочется услышать Его утешающий и ободряющий голос!» Императрица думает, что дела поправляются. «Только, дорогой, будь тверд, покажи властную руку, вот что надо русским... Надеюсь ... что ты очень скоро можешь вернуться... Я знаю слишком хорошо, как «ревущие толпы» ведут себя, когда ты близко. Они еще боятся тебя и должны бояться еще больше, так что, где бы ты ни был, их должен охватывать все тот же трепет. И для министров ты тоже т а к а я с и л а и руководитель!.. Вернись домой дней через десять... Боже, как я люблю тебя! Все больше и больше, глубоко, как море, с безмерной нежностью... Да хранят тебя светлые ангелы, Христос да будет с тобой, и Пречистая Дева да не оставит тебя! Наш Друг [Распутин.— П.Щ.] поручил нас Ес знамени... Чувствуй мои руки, обвивающие тебя, мои губы, нежно прижатые к твоим,— вечно вместе, всегда неразлучны. Прощай, моя любовь!..»

Царь прочел это письмо с жадностью перед сном. Перечел, поцеловал дорогие строки и присоединил к перевязанной ленточкой пачке писем, тщательно занумерованных. Он привык к письмам своей женушки, солнышка и друга, к ее наставлениям, советам, напоминаниям о твердости. Несмотря на многократную повторяемость, они действовали на него. Хотя он и подписывался «маленький, слабый, безвольный муженек», но про себя он не думал так. Конечно, он покажет твердую руку. Наставления в письмах жены были пересыпаны всегда милыми словами о любовных ласках. Несмотря на двадцать с лишком лет брачной жизни, на многосемейность, любовные интимности продолжали его волновать. Когда он уезжал в Ставку, ему приходилось по почтам терзаться в одиночестве, вспоминать беспокойные жгучие поцелуи, любящие, пламенные, нервной, экзальтированной женщины и по утрам приводить в исполнение ее наказания...

По приезде в Ставку, телеграфировал в Царское: «Ясно, хлодно, ветрено... Чувствую себя очень твердым, но очень одиноким». После бурной столицы — провинциальное затишье Могилева. «Здесь в доме [пишет в первом по прибытии в Ставку письме.— П.Щ.] так спокойно, ни шума, ни возбужденных криков!.. Мне очень не хватает 1/2-часового пасьянса каждый вечер. В свободное время я здесь опять примусь за

домино... Ты пишешь о том, чтобы быть твердым — повелителем, это совершенно верно. Будь уверена, я не забываю...»

Чувство спокойствия было нарушено только известием о том, что наследник, а затем и его сестры захворали корью.

«Историограф», призванный описывать жизнь Верховного главнокомандующего и сопровождавший царя во всех его поездках в действующую армию, генерал Дубенский, на второй день после прибытия в Ставку записал в своем дневнике: «Тихая, бесталанная жизнь, все будет по-старому. От «Него» [с большой буквы — Николай.— П.Щ.] ничего не будет, могут быть только случайные внешние причины, кои заставят что-либо изменить».

Жизнь Ставки текла однообразно. В половине десятого утра царь входил в штаб и был там до половины первого с Алексеевым, начальником штаба. С половины первого до половины второго завтрак, потом прогулка и катанье на моторах. В пять — чай, потом царь разбирал петроградскую почту и занимался до половины восьмого. С половины восьмого — обед, на который уходил час времени; затем царь занимался в кабинете до вечернего чая, до половины двенадцатого, и потом уходил к себе. Так изо дня в день, 23, 24, 25 февраля. Николаю нравилась эта размеренная жизнь. «Мой мозг отдыхает здесь — ни министров, ни хлопотливых вопросов, требующих обдумывания. Я считаю, что это мне полезно, но только для мозга». Типичная черта Николая: процесс обдумывания был для него тягостен, мучителен. Из его записей в дневнике мы знаем, как трудно давались ему решения, требовавшие обдумывания. Так, подписав манифест 17 октября 1905 года, он записал: «После такого дня голова стала тяжелой и мысли стали путаться...»

3

В Петербурге тем временем уж началась революция. О том, что пришла революция, никто не знал в правящих кругах. И, несмотря на то что революция развивалась без перебоев, охватывая и присоединяя к себе все бóльшие и бóльшие массы народа, все те, кому надлежало ведать — от заурядного сыщика до императрицы, — думали, что это беспорядки, к которым привыкли, которые кончатся, лишь только пустить кавалерию и войска. И Александра Федоровна сообщила мужу, что это хулиганское движение мальчишек, девчонок, рабочих, не желавших работать, конечно, не существовало бы, если бы была холодная погода: тогда все сидели бы по домам. И, когда царица сравнивала февральские «беспорядки» 1917 года с движением 1905 года, ей казалось, что 17 год совсем не похож на 5 год и разница в том, что в 17 году «все обожают

царя и только хотят хлеба». Конечно, и такие «кроткие» волнения вызывали неприятные эмоции, но царице казалось, что все будет хорошо. Чувство уверенности в хорошем исходе она черпала у могилы Распутина. «Солнце светит так ярко, и я ощущала такое спокойствие и мир на Его дорогой могиле! Он умер, чтобы спасти нас», — писала царица мужу. И муж, веривший своей жене, как никому в мире, не придавал значения известиям о беспорядках в Петрограде, он отдыхал от министров и столичного шума и не хотел допустить никаких волнующих нот в свое настроение отдыха и покоя.

Первая запись в дневнике о петроградских событиях сделана Николаем только 27 февраля. Понятно, в Ставку приходили газеты, приезжали из Петрограда, проникали слухи о событиях в столице. Окружавшие царя члены свиты волновались и беспокоились больше царя, но, вглядываясь с тревожным любопытством в лицо своего повелителя, они не находили в нем признаков тревоги: приветлив, спокоен, сдержан. Таким безмятежным был и главный его осведомитель, страж его жизни и благополучия, дворцовый комендант В.Н.Воейков. В его руках были все сведения о политическом движении, но он был настроен бодро и занимался устройством квартиры для своей жены, которую он ждал в Могилев. «Эти дни, — записал в дневнике Дубенский, — государь как будто встревожен, хотя сегодня по виду был весел... Он ходит в казачьей кавказской форме, вечером (25-го) был у всенощной и шел туда и обратно без пальто».

4

26 февраля в 1 ч 40 мин в Ставке была получена телеграмма генерала Хабалова, главнокомандующего Петроградским военным округом. По его сообщению, дела шли неважно днем 25-го, но к вечеру поправились. Хотя бастовало 240 тысяч рабочих, происходили демонстрации и столкновения рабочих и войск с жертвами с обеих сторон, но войска одерживали верх над рабочими, и вечер 25-го прошел «относительно спокойно», да и с утра 26-го в городе было спокойно. Особенной тревоги донесение Хабалова не внушило царю. Резкой бесконечной нотой прозвучала огромная (303 слова) телеграмма председателя Государственной думы М.В.Родзянко, полученная в 10 ч 40 мин вечера.

«Волнения, начавшиеся в Петрограде, принимают стихийный характер и угрожающие размеры, — доносил Родзянко. — Основы их — недостаток печеного хлеба и слабый подвоз муки, внушающий панику, но, главным образом, полное недоверие к власти, не способной вывести страну из тяжелого положения. На этой почве, несомненно, разовьют-

ся события, сдержат которые можно временно ценою пролития крови мирных граждан, но которых при повторении сдержать будет невозможно. Движение может переброситься на железные дороги, и жизнь страны замрет в самую тяжелую минуту...

Правительственная власть находится в полном параличе и совершенно бессильна восстановить порядок...»

«Государь, — заканчивал свою телеграмму Родзянко, — спасите Россию, ей грозит унижение и позор». Война «при таких условиях не может быть победоносно окончена», так как брожение распространилось уже на армию и грозит развиться, если безначалию и беспорядку власти не будет положен решительный конец. «Государь, безотлагательно призовите лицо, которому может верить вся страна и которому будет поручено составить правительство, пользующееся доверием всего населения. За таким правительством пойдет вся Россия, воодушевившись вновь верою в себя и в своих руководителей. В этот небывалый по ужасающим последствиям, и страшный час иного выхода нет и медлить невозможно».

По-прежнему царь был ровен и сдержан. Вечером 26 февраля по его инициативе генерал-адъютант К.Д.Нилов, граф Граббе, Мордвинов и он сыграли две партии в домино. А в 10 часов вечера царь реагировал наконец на сообщение из Петербурга, отправив генералу Хабалову следующую телеграмму: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией. Николай».

А Родзянко в ночь на 27 февраля получил указ о роспуске Думы.

Про себя Николай уже решил, что он поедет в Петроград. В 9 ч 20 мин была отправлена телеграмма в Царское Село: «Выезжаю послезавтра. Покончил здесь со всеми важными вопросами. Спи спокойно. Да благословит вас всех Бог!»

5

В своем дневнике Николай необычайно кратко описал день 27 февраля. «В Петрограде начались беспорядки несколько дней тому назад, к прискорбию, в них стали принимать участие и войска. Отвратительное чувство быть так далеко и получать отрывочные нехорошие известия! ... После обеда решил ехать в Ц[арское] С[ело] поскорее и в час ночи перебрался в поезд...»

Нельзя не подивиться такой краткости! В действительности в этот день были получены и доложены Николаю следующие известия. От военного министра М.А.Беляева о том, что начавшиеся в некоторых войсковых частях волнения

твердо и энергично подавляются верными частями. Бунт еще не подавлен, но военный министр выражает уверенность в скором наступлении спокойствия, для достижения коего принимаются беспощадные меры. В этом донесении мелькнул луч надежды на подавление (беспощадное) беспорядков, но мелькнул на момент. Дальше пошло хуже. В час двенадцать минут получена новая телеграмма Родзянко, в тонах энергичных и резких. «Занятия Государственной думы указом вашего величества прерваны до апреля. Последний оплот порядка устранен. Правительство совершенно бессильно подавить беспорядок. На войска гарнизона надежды нет. Запасные батальоны гвардейских полков охвачены бунтом. Убивают офицеров. Примкнув к толпе и народному движению, они направляются к дому Министерства внутренних дел и Государственной думе. Гражданская война началась и разгорается. Повелите немедленно призвать новую власть на началах, доложенных мною вашему величеству во вчерашней телеграмме. Повелите в отмену вашего высочайшего указа вновь создавать законодательные палаты. Возвестите безотлагательно эти меры высочайшим манифестом. Государь, не медлите. Если движение перебросится в армию, восторжествует немец, и крушение России, а с ней и династии, неминуемо. От имени всей России прошу ваше величество об исполнении изложенного. Час, решающий судьбу вашу и родины, настал. Завтра может быть уже поздно».

Подтверждения фактическим сообщениям Родзянко принесли новые телеграммы Хабалова и военного министра Беляева. Алексеев охарактеризовал их кратко: «Плохие вести, новые явления, войска переходят на сторону восставшего народа». Действительно, Хабалов сообщил об отказе войск стрелять в народ и о переходе некоторых частей на сторону народа, требовал присылки надежных частей с фронта.

Молнии петроградского восстания прорезали серую, бесталанную жизнь Ставки. Чины свиты всполошились. С языка старого пьяницы, друга Николая, флаг-капитана Нилова сорвалось то, что было на уме у всех свитских: «Все будем висеть на фонарях, у нас будет такая революция, какой еще нигде не было».

Ну, а Николай? Смущение окружающих не укрылось от его взора. «После вчерашних известий из города [26 февраля.— П.Щ.],— писал он жене в последнем письме из Ставки,— я видел здесь много испуганных лиц». За этими строками надо читать ненаписанное — «ну, а я не испугался». Еще не пришло время и ему испугаться. Мордвинов должен был вручить царю телеграммы Хабалова и Беляева. Он прочел их и был потрясен их содержанием. С волнением он постучал в дверь царского кабинета: «Его величество стоял около своего

письменного стола и разбирал какие-то бумаги. «В чем дело, Мордвинов?» — спросил государь. Наружно он был совершенно спокоен, но я чувствовал по тону его голоса, что ему не по себе и что внутренне его что-то очень заботит и волнует. «Ваше величество, — начал я, — генерал Алексеев просил вам представить эти, только что полученные, телеграммы... они ужасны... в Петрограде с запасными творится что-то невозможное...» — Государь молча взял телеграммы, бегло просмотрел их, положил на стол и немного задумался. «Ваше величество, что прикажете передать генералу Алексееву?» — прервал я эту мучительную до физической боли паузу. «Я уже знаю об этом и сделал нужные распоряжения генералу Алексееву. Надо надеяться, что все это безобразие будет скоро прекращено», — ответил с сильной горечью и немного раздраженно государь. «Ваше величество, мне дежурный штаб-офицер сказал, что видел в штабе новые, уже после этих полученные, телеграммы, где говорится, что положение стало еще хуже, и просят поторопить присылкою подкреплений...» — «Я еще увижу генерала Алексеева и переговорю с ним», — спокойно, но, как мне почувствовалось, тоже довольно нетерпеливо сказал государь и снова взял со стола положенные телеграммы, чтобы их перечитать.

Я вышел, как сейчас помню, с мучительной болью за своего дорогого государя, со жгучим стыдом за изменившие ему и родине хотя и запасные, но все же гвардейские части. Я хотел верить и успокаивал себя, что присланные настоящие военные части сумеют восстановить порядок и образумить свихнувшихся мирных тыловиков... Я не помню, как прошел остаток этого тяжелого волнующего дня.

Волны революции уже захлестывали Петроград. Буржуазные круги, которым, как Родзянко, казалось, что они руководят движением, начали терять голову, чувствуя, что теряют руль управления. Стоявшие за ними массы, рабочие и солдатские, толкали буржуазию к разрыву с Николаем и династией во имя личной безопасности. Надо было заставить Николая пойти на уступки. Ответственное перед Думой министерство — вот все, чего желала думская буржуазия. Родзянко высказал это определенно в своих телеграммах. Такой же совет дал Николаю великий князь Михаил Александрович в беседе по прямому проводу с генералом Алексеевым — ответственный кабинет под председательством князя Львова или Родзянко. Алексеев передал царю мнение великого князя. Царь приказал сообщить своему брату, что он благодарит за совет, но он сам знает, как поступить.

К вечеру поступила телеграмма председателя Совета министров князя Н.Д. Голицына. Совет министров признавал собственное бессилие справиться с создавшимся положением.

ем, предлагал распустить себя и поручить лицу, пользующемуся доверием, составить новый кабинет — князю Львову или Родзянко. Помощник Алексеева, генерал Лукомский, передает любопытный рассказ о том, как царь принял эту телеграмму:

«Генерал Алексеев хотел эту телеграмму послать с офицером для передачи ее государю через дежурного флигель-адъютанта.

Но я сказал генералу Алексееву, что положение слишком серьезно и надо ему идти самому, что, по моему мнению, мы здесь не отдаем себе достаточного отчета в том, что делается в Петрограде; что, по-видимому, единственный выход — это поступить так, как рекомендует Родзянко, великий князь и князь Голицын; что он, генерал Алексеев, должен уговорить государя. Генерал Алексеев пошел.

Вернувшись через минут десять, генерал Алексеев сказал, что государь остался очень недоволен содержанием телеграммы кн. Голицына и сказал, что составит сам ответ.

— Но вы пробовали уговорить государя согласиться на просьбу председателя Совета министров? Вы сказали, что и вы разделяете ту же точку зрения?

— Государь со мной просто не хотел говорить. Я чувствую себя совсем плохо и сейчас прилягу. Если государь пришлет какой-нибудь ответ, сейчас же придите мне сказать.

Действительно, у генерала Алексеева температура была более 39 градусов».

Отмеченное в этих воспоминаниях настроение Николая — совершенно определенного характера. Этот маленький человек с мирозерцанием среднего армейского офицера не хотел ничем поступаться. Он вспоминал в этот момент свою жену, императрицу, и ее наказ и призыв к твердости. С упрямством, чисто животным, он отвергал все советы. Из двух путей, открывавшихся перед ним — пути уступок и пути активной борьбы, — он явно выбирал последний. Последний путь диктовал к принятию определенную программу действий — надо показать твердую руку, надо дать диктатора, который утопил бы в крови народное восстание. Во главе надежных боевых частей он должен был войти в Петроград и беспощадно раздавить «беспорядки». Такого человека Николай нашел в лице обитавшего тут же в вагоне на железнодорожных путях генерала Н.И.Иванова, бывшего главнокомандующего Западным фронтом. Правду сказать, выбор был смешной, генерал был недалеко и ни в какие диктаторы не годился. Хорош диктатор, который, отправляясь в срочный карательный рейс, счел нужным запастись в Могилеве продуктами для своих петроградских знакомых и родственников! Но этот недалекий генерал не прочь был покрасоваться

в мантии диктатора и был доволен верноподданнически принять предложение отправиться на покорение Петрограда, сделанное ему царем во время обеда 27 февраля.

Камень свалился с плеч, выход найден, диктатор назначен, можно было легче вздохнуть, а между тем и дать ответ князю Голицыну. Ответ был такой:

«О главном начальнике для Петрограда мною дано повеление начальнику моего штаба с указанием немедленно прибыть в столицу. То же и относительно войск. Лично вам предоставляю все необходимые права по гражданскому управлению. Относительно перемен в личном составе, при данных обстоятельствах, считаю их недопустимыми. Николай»

Предоставим слово генералу Лукомскому:

«Часа через два [после визита Алексеева к царю.— П. Ш.] ко мне в кабинет прибежал дежурный офицер и сказал, что наше помещение идет государь. Я пошел навстречу. Спускаюсь с лестницы, я увидел государя уже на первой площадке. Его величество спросил меня:

— Где генерал Алексеев?

— Он у себя в комнате; чувствует себя плохо и прилег. Прошу вас, императорское величество, пройти в ваш кабинет, а я сейчас позову генерала Алексеева.

— Нет, не надо. Сейчас же передайте генералу Алексееву эту телеграмму и скажите, что я прошу ее немедленно передать по прямому проводу. При этом скажите, что это мое окончательное решение, которое я не изменю, а поэтому бесполезно мне докладывать еще что-либо по этому вопросу

Передав мне, как теперь помню, сложенный пополам синий телеграфный бланк, государь ушел.

Я понес телеграмму начальнику штаба. Телеграмма была написана карандашом собственноручно государем и адресована председателю Совета министров».

Телеграмма царя так поразила генерала Лукомского, что он снова обратился с просьбой к генералу Алексееву идти к царю и умолять его изменить решение. Алексеев, после некоторых колебаний, пошел к царю, убеждал, но решения своего царь не изменил.

Алексееву и его штабу ничего не оставалось делать, как подчиниться и телеграфировать главнокомандующим Северного и Западного фронтов об отправлении в Петроград с каждого фронта по два кавалерийских, по два пехотных полка и по одной пулеметной команде. Генерал Иванов должен был отправиться во главе Георгиевского батальона в ночь на 28 февраля.

Для Николая срочно снаряжался поезд. Он уезжал со свитой в Царское Село.

Историограф генерал Дубенский записал в дневнике:

«После вечернего чая, в 12 часов ночи, государь простился со всеми и ушел к себе. Вслед за ним к нему пошли Фредерикс и Воейков, пробыли у царя недолго и вышли, причем Воейков объявил, что отъезд в Царское Село его величество назначил безотлагательно в эту ночь. Все стали собираться и уже к 2 часам ночи были в поезде. Государь любезен, ласков, тих и, видимо, волнуется, хотя, как всегда, все скрывает».

В поезде ждал царя генерал Иванов для последних распоряжений. Очевидцу, Мордвинову, генерал-адъютант Иванов показался «спокойным, видимо, уверенным в себе» и в возможности справиться с бунтом, и защитить царскую семью.

Иванов откланялся. Царь записал в дневнике: «Лег спать в 3 ¹/₄, т.к. долго говорил с Н.И.Ивановым, кот[орого] посылаю в Петроград с войском водворить порядок. Спал до 10 час. Ушли из Могилева в 5 час утра. Погода была морозная, солнечная...»

Начался последний рейс последнего императора и самодержца всея Руси.

Глава II

ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС ИМПЕРАТОРА

1

28 февраля в 5 часов утра императорский поезд, литерный А, стошел от Могилева. К моменту отхода в поезде все спали, спала свита, спал и сам император и самодержец все-российский. В 3 ¹/₄ утра он отпустил, после долгой беседы, генерал-адъютанта Николая Иудовича Иванова, на которого он возложил свои надежды. Когда-то, в октябре 1905 года, Николай II тягостно и мучительно раздумывал, какой из двух путей выбрать: 1) «назначить энергичного военного человека и всеми силами постараться раздавить крамолу» или 2) предоставить гражданские права населению и даже обязательство проводить всякие законопроекты через Государственную думу — «это, в сущности, и есть конституция». (Так определял два пути Николай в письмах к матери.) Но в 1905 году, когда над ним стоял Витте и, убеждая его, насильствовал его волю и действовал на его разум, он выбрал второй путь, уступая насилью и собираясь при лучших обстоятельствах отобрать свое обязательство.

В феврале 1917 года опять пришлось делать выбор. Когда-то, в 1905 году, Николай старался уяснить жившей за

границей матери, в какой трудной обстановке он находится, он делал это весьма наивно: «Ты, конечно, помнишь январские дни [январская забастовка 1905 года.— П.Щ.], они были неприятны, не правда ли? Но они н и ч т о в сравнении с теперешними днями» [дни октябрьской забастовки 1905 года.— П.Щ.]. Любопытно бы дать точный ответ на вопрос: а как оценивал Николай обстановку февраля 1917 года? В 1905 году войска не вышли из подчинения, а теперь они восстают и переходят на сторону народа. Обстановка много грознее, чем в 1905 году, но Николай, очевидно, недооценивал ее. Он отмежевался от всех сообщений, которые передавал ему начальник его штаба, генерал Алексеев; быть может, он даже подозревал, что все эти генералы преувеличивают опасность, желая вынудить его на уступки. Около него не было Витте, но за его спиной, в Царском Селе, жила она, его жена; ее влияние было бесспорным, исключительным. Она твердила: «Дай почувствовать свой кулак», и эта фраза врезалась в мозг, запомнилась так, как запоминаются привычными пьяницами гипнотизирующие их волю формулы с запретом пить. К тому же нашелся и диктатор в лице генерала Иванова. Царствование Николая полно фигур контрастного, так сказать, порядка: поражает несоответствие играемой роли способностям и дарованиям. Генерал Иванов дал образец комического контраста: нельзя было выбрать для роли диктатора более несоответственного исполнителя, чем генерал, совсем недалекий, не мужественный, хозяйственный по преимуществу генерал. И кажется, не он сам вызвался на такую роль, а втравили его свитские господа, соболезновавшие своему государю, вроде генерала Дубенского. И лишь только генерал Иванов доехал до линии революционного фронта, как сейчас же сдрейфил. Но Николаю он показался подходящим диктатором. Он назначил его, распорядился о посылке подкреплений с фронта... В феврале 1917 года царь выбрал первый путь, как раз тот, который по душе ему больше пришелся. Но не думаем, что он вступил на этот путь с безоглядной решительностью, напролом. Он был лукав и труслив. «Если б Бог дал Николаю Иудовичу наладить спокойствие в Петербурге» — чего лучше, и уступок не пришлось бы делать. Но и короткий ум Николая должен был заглядывать в будущее: а если? А если генерал Иванов не справится и сам будет раздавлен, тогда что? Тогда можно и уступить. Это будет очень неприятно (а уж как от «солнышка» — жены достанется), но уступить можно будет поменьше, как можно меньше!

В те самые часы, когда Николай беседовал с генералом Ивановым и после беседы отходил ко сну, революция вершила свое дело. Сопротивление правительства было сломлено, и ночью шли одновременно заседания Временного комитета Государственной думы, образовавшегося днем 27 февраля, и только что возникавшего первого Совета рабочих депутатов. Совет выделил Временный исполнительный комитет, первое заседание которого кончилось в четвертом часу утра (царь засыпал в это время). Временный комитет Государственной думы решил взять власть в свои руки или, как осторожно возвещала прокламация Комитета, «нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка и выражал уверенность, что население и армия помогут ему в трудной задаче создания нового правительства, соответствующего желаниям населения и могущего пользоваться доверием его». В Ставку неслись одна за другой телеграммы военного министра Беляева и командующего Петроградским военным округом Хабалова о том, как слабеет сила их сопротивления и как возрастают силы восставших. Последняя телеграмма Хабалова приводила к заключению, что фактически влиять на события он не может.

Поезда уносились вдаль — впереди свитский, за ним императорский. В императорском спали дольше обыкновенного. Флигель-адъютант Мордвинов, ехавший в этом поезде, вспоминал впоследствии: «28 февраля утром я проснулся, когда поезд был уже в движении. Погода изменилась. В окно вагона светило солнце, и как-то невольно стало спокойнее на душе после мучительной, в полузабытьи проведенной ночи. Размеренная обычная жизнь вступала в свои права и, хоть ненадолго, вместе с надеждой отгоняла тяжелые мысли от всего того, что совершалось тогда далеко еще за пределами моего уютного вагона. Я быстро оделся и вышел в столовую. Государь был уже там, более бледный, чем обыкновенно, но спокойно ровный и приветливый как всегда. Разговор был очень не оживлен и касался самых обыкновенных вещей».

А в это время в Петербурге расклеивался по стенам и раздавался первый номер «Известий Петроградского Совета рабочих депутатов». На первой странице было напечатано воззвание Совета, и в нем читались следующие строки: «Борьба должна быть доведена до конца. Старая власть должна быть окончательно низвергнута и должна уступить место

народному правлению... Все вместе общими силами будем бороться за полное устранение старого правительства и созыв Учредительного собрания...»

Станции проносились за станциями. На одной из них царский поезд встретил выстроившийся на платформе эшелон идущего на фронт пехотного полка. Царь подошел к окну. Звуки гимна и громкое «ура» встретили его и наполнили чувством надежды сердце его флигель-адъютанта Мордвинова, но только на одно мгновение. Его приятель, К.А.Нарышкин, начальник Военно-походной канцелярии, сейчас же шепнул ему: «Кто знает, быть может, это последнее «ура» государю, которое мы слышим!»

Николай совсем кратко описал в своем дневнике день 28 февраля: «Погода была морозная, солнечная. Днем проехали Вязьму, Ржев, а Лихославль в 9 час[ов]». Из Вязьмы в 3 часа дня царь отправил телеграмму жене: «Выехал сегодня утром в 5 ч[асов]. Мысленно постоянно с тобою. Дивная погода. Надеюсь, что вы себя хорошо чувствуете и спокойны. Много войск послано с фронта. Сердечнейший привет. Ники».

По-видимому, этот день 28 февраля Николай до вечера не имел информации и провел его в полном отдохновении от беспокойств и тревог.

Если даже предположить, что грозные сведения, полученные Алексеевым после отъезда из Ставки, и были им переданы вслед поезду, то они, очевидно, не изменили ни настроения Николая, ни его отношения к главному вопросу. Но скорее надо думать, что Алексеев сознательно оставлял царя в покое, наткнувшись накануне на решительный отказ царя от каких-либо уступок. Защитник буржуазной Думы, Алексеев разделял и ее программу. Ответственное министерство должно было быть вырвано у Николая, и Алексеев очень осторожно сейчас же после отъезда царя стал готовить главнокомандующих фронтами к мысли о неизбежности передачи власти Государственной думе.

Сообщая о событиях 26—28 февраля для ориентировки главнокомандующим фронтам, генерал Алексеев заканчивал: «На всех нас лег священный долг перед государем и родиной сохранить верность долгу и присяге в войсках действующих армий, обеспечить железнодорожное движение и прилив продовольственных запасов». О сохранении строя, верности самодержавию, о политических задачах момента в ориентировочном сообщении Алексеева ни слова.

Люди, ехавшие в литерных поездах, стали волноваться к вечеру этого дня, а настоящий испуг начался со станции Лихославль Николаевской железной дороги. Вести пошли от участковых путейских инженеров, которые по обязанности службы должны были в служебном вагоне сопровождать литерные поезда в пределах своих участков. Они-то и приносили с воли свежие новости людям, изолированным от каких-либо сношений с внешним миром в литерных поездах. В час пятьдесят по всем линиям полетела телеграмма комиссара Бубликова, члена Думы: «По поручению Комитета Государственной думы сего числа занял Министерство путей сообщения и объявляю следующий приказ председателя Думы». Дальше следовало обращение Родзянко к железнодорожникам с просьбой поддержать транспорт и с указанием на то, что Дума взяла в свои руки создание новой власти. В свитском поезде, шедшем впереди императорского, о телеграмме Бубликова узнали от инженеров уже после 4 часов дня, а в императорском — на станции Лихославль, куда поезд пришел в 9 часов вечера. Мордвинов вспоминает: «В Лихославле в служебный вагон вошел кто-то из местных железнодорожных инженеров и, обращаясь ко всем, сказал: “Вот, посмотрите, что получено” — и показал телеграмму Бубликова». Мордвинов не сразу схватил ее содержание. Он даже подумал, не действует ли Родзянко уже в силу назначения его министром (Мордвинов полагал, что царь послал телеграмму с назначением Родзянко председателем Совета министров) и не поставил ли он Бубликова министром путей сообщения. Мордвинов вспоминал впоследствии: «Видя сначала недоумение, а потом какую-то растерянность остальных и воцарившееся затем молчание, я взял телеграмму и перечитал ее сам. Помню — фраза «занял сего числа министерство» меня особенно поразила боевым тоном генерала, уведомлявшего о занятии важной неприятельской крепости. Приевшиеся уже давно слова «приказа» Родзянко о власти, создавшей разруху, о новой власти, необходимой для спасения родины, на меня произвели гораздо меньше впечатления, и только потом, через несколько мгновений, поняв наконец, о каких действиях шла речь, эти слова легли на мое сознание тем гнетущим чувством, от которого я не могу отделаться и до сих пор... Впечатление от этой телеграммы на остальных, видимо, сказалось не менее сильно, но мне было не до обмена впечатлениями. Я ушел к себе в купе и забился в угол дивана».

Мордвинов, преданный царский слуга и верный монархист, ощутил наконец трагизм момента, почувствовал... Власть ушла, власть обросшего мохом русского самодержа-

вия ушла, пала. Они, слуги самодержца, еще несколько минут тому назад в поезде говорили промеж себя, что вот согласится царь на полуответственное министерство и все пойдет как по маслу. И вдруг оказалось, обошлись без царя, создана новая власть в руках Думы. Разволновался Мордвинов, расстроились и другие члены свиты. Ну, а сам носитель верховной власти? Его ближайшие слуги, имевшие непосредственный к нему доступ, — «генерал-секрет» Воейков, министр двора барон Фредерикс? Они... об этом еще не знали. Да, это так — не знали. В изолированном от внешнего мира царском поезде был изолированный от всего поезда царский вагон. В поезде шла размеренная по часам и минутам жизнь. Чины свиты, казалось, столь близкие царю, встречались в определенные моменты: за завтраком, чаем, обедом; шел обыденный ничтожный разговор. Можно было только отвечать на вопросы царя и говорить в пределах своей специальности. На темы, которые всех так волновали, на политические темы говорить в присутствии царя было неприлично, непозволительно.

Поезд уносился в неизвестную даль, в ярко освещенной столовой сидит группа военных, хозяин — царь — ровен, спокоен, приветлив, разговор как будто и оживленный, но не о том, что у каждого в мыслях. Думы невеселые, тревожные, а говорят, как будто ничего не случилось. Ну, как тут доложить о страшной новости, как бросить в размеренную, чинную тишину беседы в высочайшем присутствии два слова: «Власть ушла!» Так никто в Лихославле и не сказал ни слова ни царю, ни Воейкову. Последнему не говорили, думая, очевидно, что этот начальник охраны все знает и без них. Но жалкий, растерявшийся дворцовый комендант счел за лучшее принять конспиративный вид и шутливо-важно отмалчиваться от вопросов. В действительности, он ничегошеньки не знал. Главный его осведомитель, министр Протопопов, уже вышел из игры и метался по улицам Петрограда, ища спасения.

Из Лихославля поезд пошел дальше на Бологое, Малую Вишеру; отсюда должен был двигаться на Любань, Тосно, к конечной цели — Царскому Селу.

5

На одной из станций за Лихославлем в служебный вагон царского поезда — здесь сидело железнодорожное начальство — была доставлена разосланная по линии телеграмма за подписью сотника Грекова, коменданта станции Петроград. Не ведомый никому сотник Греков, «какой-то комендант», предлагал железнодорожникам направить литерные поезда

А и Б не в Тосно, а прямо в Петроград, в его распоряжение. Это предложение сотника показалось необычайно нелепым: «какой-то комендант», какой-то Греков указывает путь поезду императора. Столь несуразную телеграмму инженеры не сочли нужным даже доложить Воейкову. Начальник императорских поездов инженер Ежов объяснил потом, что телеграмма была разослана по линии, но, конечно, никто не обратил на нее внимания. Еще бы: сотник Греков и император Николай II!

С переездом на станции Лихославль на путь Николаевской железной дороги литерные поезда попали в полосу частых и безмерно тревожных сообщений из Петрограда, уже торжествовавшего победу революции. В свитском поезде, который прибывал на станцию на час раньше царского и был доступнее всяческим сообщениям, начался переполох. Шли слухи о том, что революционеры заняли Тосно, займут вот-вот Любань. Чувство страха охватило мелкую служилую челядь, заполнявшую свитский поезд; мозг прорезала мысль: надо спастись. Но что делать? Генерал Дубенский вспоминал впоследствии: «Постановили, чтобы я написал обо всем, что нами узнано, письмо профессору С.П.Федорову, едущему в поезде государя, с которым я был близок, с просьбой сообщить дворцовому коменданту для доклада его величеству» Вот эта записка, написанная в 10 часов вечера: «Дальше Тосно поезда не пойдут. По моему глубокому убеждению, надо его величеству из Бологого повернуть на Псков (320 верст) и там, опираясь на фронт ген.-адъютанта Рузского, начать действовать против Петрограда. Там, в Пскове, скорей можно сделать распоряжение о составе отряда для отправки в Петроград. Псков — старый губернский город, население его не взволновано. Оттуда скорей и лучше можно помочь царской семье. В Тосно его величество может подвергнуться опасности. Пишу вам все это, считая невозможным скрыть; мне кажется, это мысль, которая в эту страшную минуту может помочь делу спасения государя и его семьи. Если мою мысль не одобрите — разорвите записку». Эту записку офицер, сошедший со свитского поезда, передал по адресу на станции Бологое. Но Воейков не придал значения сообщению Дубенского и телеграммой дал распоряжение свитскому поезду «пробраться во что бы то ни стало в Царское Село». Свитский поезд доехал до Малой Вишеры. «Здесь, — рассказывает Дубенский, — в наш поезд вошел офицер (не помню его фамилии) собственного его величества железнодорожного полка и доложил командиру генералу Цабелю, что станция Любань, а равно и Тосно заняты уже революционными войсками, там находятся, кажется, роты л.-гв. Литовского полка с пулеметами, что люди этой роты в Любани уже сняли с постов

людей железнодорожного полка и что он едва мог уехать на дрезине сюда, чтобы доложить о том, что случилось».

Телеграммы Бубликова и Грекова взволновали свиту, но рассказ очевидца был уже нестерпим. Дело зашло далеко. «Было сделано немедленно распоряжение по ст[анции] М[алая] Вишера занять телефоны, телеграф и дежурную комнату; выставлены наши посты, указано железнодорожным жандармам охранять станцию от всяких случайностей, и она стала изолированной от сношений с кем бы то ни было без нашего ведома. Решено было дальше не двигаться и ожидать здесь подхода «собственного» поезда для доклада полученных известий его величеству».

6

Была ясная, тихая, морозная ночь. На платформе станции Малая Вишера испуганные люди ждали прибытия царского поезда. В два часа ночи он тихо подошел. Ожидавшие бросились к поезду. Там все спали. И только генерал Нарышкин вышел на платформу, да потом Мордвинов.

«— Где дворцовый комендант? Где свита? — летят возбужденные вопросы.

— Все спят в поезде, — отвечал Нарышкин.

— Как спят? Вы знаете, что Любань и Госно заняты революционными войсками? Ведь мы сообщали, что наши поезда приказано отправить не в Царское, а прямо в Петроград, где уже есть какое-то «Временное правительство».

Бросились в вагон, где ехал Воейков, начали стучать в купе, разбудили дворцового коменданта. Он принял доклад генерала Цабеля, вышел к испуганным чинам свиты. Началось обсуждение. Что делать? Одни советовали ехать сейчас же обратно в Ставку, другие — в Псков. Сам Воейков не высказывал своего мнения. Затем он пошел в царский вагон и очень скоро вернулся от царя, который «повелел поездам следовать назад на Бологое, а оттуда на Псков» [выражение Дубенского.— П.Щ.]. «Государь,— вспоминал Дубенский,— вообще отнесся к задержкам в пути и к этим грозным явлениям необычайно спокойно. Он, мне кажется, предполагал, что это случайный эпизод, который не будет иметь последствий и не помешает ему доехать, с некоторым только опозданием, до Царского Села».

В Чрезвычайной комиссии Временного правительства при допросе Воейкова в апреле 1917 года между ним и председателем состоялся следующий диалог:

Председатель. Вы не знаете, кто посоветовал бывшему императору ехать в Псков? Вы утверждаете, что это было его желание?

Воейков. Это было в три часа ночи. Я разбудил его в Вишере, он приказал ехать к ближайшему юзу, до Ставки было дальше, потому решили ехать на Псков.

Председатель. А почему нельзя было ехать прямо в Петроград?

Воейков. Потому что было сообщено, по поручению поручика Грекова, что литерные поезда следуют не на Тосно, а прямо на Петроград. Это распоряжение было дано по линии и не сообщено мне; мне случайно показали телеграмму; вторая телеграмма была от железнодорожного полка. Мне был сделан доклад, что Тосно занята.

Председатель. Какой разговор произошел у вас с государем по поводу этой телеграммы?

Воейков. Я его разбудил и сообщил, что Тосно занята революционными войсками и что поэтому ехать туда рискованно.

Председатель. Как он отнесся к известию, что революционные войска препятствуют его проезду?

Воейков. Он отнесся совершенно спокойно. Он тут же надел халат, встал с кровати и сказал: «Ну, тогда поедemте до первого юза». Он вообще относился очень спокойно ко всему

Председатель. Вообще, да. Но ведь это было в первый раз в жизни и государства и главы государства.

Воейков. Лично мне он ничего не сказал.

Председатель никак не может понять, а Воейков не может объяснить спокойствие Николая в этот момент. Что это — выдержка или что-то иное? Спокоен, ровен... Да когда же он обеспокоится? И нас, перебирающих документы, записи в дневниках, рассказы очевидцев, восстанавливающих день за днем, час за часом историю отречения, начинает невыносимо раздражать чудеснейшее спокойствие Николая Романова. Но нет, это не выдержка, а действительно нечто иное...

Поезда пошли обратно на Бологос. Теперь впереди шел царский поезд, позади свитский.

Началось отступление. Не отдаваться же в самом деле в распоряжение сотника Грекова! Телеграммы Грекова были первым физическим оскорблением Николая Романова. Пожалуй, настал момент ответственного министерства. Но ведь жена говорит: «Если придется покориться обстоятельствам, то Бог поможет освободиться от них!»

7

День первого марта начался как все дни в императорском поезде. «День был ясный, чувствовалось начало весны, на станциях, и в частности в Старой Руссе, текла обычная мирная жизнь, задержек в пути не было, государь не выходил

во время остановок для прогулок, а то короткое время, которое мы обыкновенно проводили с его величеством, ничем не отличалось в разговорах от обыденных, не тревожных дней. Не легко, конечно, было и нам и ему говорить о ничтожных вещах, поддерживать разговор и лишь думать о том, что «как мучительно волновало каждого из нас, и его в особенности» (Мордвинов).

Так как поезд продвигался теперь без предупреждений, то сношения с ним были затруднены. Только у Старой Руссы в 1 ч 5 мин дня Воейков дал телеграмму главнокомандующему Северным фронтом генерал-адъютанту Рузскому с извещением о том, что царь следует через Дно в Псков, и с просьбой распоряжений беспрепятственного проезда. Блуждающий царский поезд нашелся, и в 3 ч 45 мин дня Данилов запрашивал Алексева о некоторых сведениях для ориентировки его «ввиду ожидающегося через два часа проследования через Псков поезда литеры А и для возможности соответствующего доклада».

Царь томительно раздумывал над открывавшимися перспективами. Была надежда на генерала Иванова; по расчетам он должен был прибыть в Царское Село. Но надо было думать и об отступлении на заранее подготовленные позиции. Ведь он мог, наконец, согласиться на ответственное министерство, и тогда все могло уладиться. Но зачем же сразу на ответственное? Нельзя ли обойтись полуответственным? И тут Николай не без лукавства создал проект: Родзянко предоставить выбор лишь некоторых министров, самому назначать министров двора, иностранных дел, военного и морского, и всему министерству быть ответственным не перед Думой, а перед ним, государем. Мордвинов вспоминает, что царь телеграфировал из поезда Родзянко, назначая его председателем Совета министров, и предлагал ему выехать для доклада на одну из промежуточных станций. Родзянко в своих воспоминаниях ни слова не говорит о телеграмме, назначающей его председателем Совета министров. Но приглашительная телеграмма была послана, и Родзянко ожидался 1 марта на станцию Дно, а затем в Псков. В 3 ч 5 мин на станции Дно была получена телеграмма: «Его императорскому величеству. Сейчас экстренным поездом выезжаю на ст. Дно для доклада вам, государь, о положении дел и необходимых мерах для спасения России. Убедительно прошу дождаться моего приезда, ибо дорога каждая минута». Но царь не захотел ждать на станции Дно. Воейков, вообще плохо помнящий обстоятельства отречения, рассказывал так: «На ст[анцию] Дно телеграмму о согласии государя принять Родзянко Алексеев доложил сам [о согласии принять, а не о назначении председателем Совета! — П.Ш.]. Он получил от-

вет, что Родзянко едет на ст[анцию] Дно. Я подошел к телеграфному аппарату, чтобы соединиться с Петроградом и узнать, вышел ли поезд. Мне ответили, что поезд готов, но что с Царскосельского вокзала телефонировали в Думу и там сказали, что Родзянко еще не выезжал. До Дна 6 часов езды, и государю надо 6 часов ждать; государь решил в Дне не ждать, а ехать в Псков; тогда я послал телеграмму Родзянке, чтобы он ехал в Псков». Забегая немного вперед, можем сказать, что и в Псков Родзянко не приехал, а в 8 ч 41 мин телеграфировал в Псков: «Чрезвычайные обстоятельства не позволяют мне выехать, о чем доношу вашему величеству»

В сторону — о Родзянко. В первые дни революции Родзянко действовал, в сущности, по своей собственной инициативе, сносился с Алексеевым, Рузским, давил их авторитетом председателя Думы, державшего революцию в руках, обильно телеграфировал царю, — словом, вел свою собственную политику. И к царю ехать он решился по собственному почину, без совещания с своими коллегами по Исполнительному комитету Государственной думы. Но он должен был раскрыть свои карты, когда по распоряжению Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов ему, всемогущему Родзянко, не дали поезда. «Сегодня утром, — рассказывал Родзянко [в передаче В.В.Шульгина. — П.Ш.], — я должен был ехать в Ставку для свидания с государем-императором... Но эти мерзавцы узнали... и, когда я собирался ехать, сообщили мне, что ими дано приказание не выпускать поезда... Не пустят поезда! Ну, как вам это нравится?! Они заявили, что одного меня они не пустят, а что должен ехать со мною Чхеидзе и еще какие-то... Ну, слуга покорный, — я с ними к государю не поеду...» Вот в чем заключались чрезвычайные обстоятельства Родзянко.

Итак, хотя и нет документальных доказательств существования проекта полуответственного министерства, но похоже на истину. В мыслях именно Николая могла возникнуть такая «уступочка» общественному мнению. Такую «уступочку» могло изобрести присущее Николаю лукавство, опирающееся на поразительное невежество в конституционных вопросах.

Но для свиты самый факт ожидания Родзянко в царском поезде уже свидетельствовал о сдвиге в настроениях царя, о «скате» его психологии. У всех полегчало на душе; никто из них не говорил, не смел говорить с царем о его намерениях. Дубенский сделал 1 марта в своем дневнике любопытнейшую запись: «Все больше и больше определяется, насколько правильно было решение ехать в Псков и избежать поездки в Петроград, где, наверно, произошли бы события, во всяком случае, неожиданные. Теперь Воейков и другие уже явно

одобряют мысль ехать на Псков. Все признают, что этот ночной поворот в Вишере есть историческая ночь в дни нашей революции. Государь по-прежнему спокоен и мало говорит о событиях. Для меня совершенно ясно, что вопрос о конституции окончен, она будет введена, наверное. Царь и не думает спорить и протестовать. Все его приближенные за это... все говорят, что надо только сговориться с ними, членами Временного правительства. Я, свидетель этих исторических событий, должен сказать, по совести, что даже попыток протеста не было. Все говорили одно и то же: надо переговорить с Временным правительством и выработать условия. Уже 1 марта едет к государю Родзянко в Псков для переговоров».

И даже Воейков приободрился. К нему вернулась способность весело шутить.

Так продвигались литерные поезда к Пскову.

Глава III

ОТВЕТСТВЕННОЕ

1

В 7 ч 5 мин императорский поезд прибыл на станцию Псков. На платформе показался генерал Рузский в сопровождении начальника своего штаба генерала Ю.Н.Данилова и адъютанта. «Рузский шел согбенный, седой, старый, в резиновых калошах; он был в форме Генерального штаба. Лицо у него бледное, болезненное, и глаза из-под очков смотрели неприветливо». Таким запомнил его Дубенский; почти такое же впечатление произвел он и на другого очевидца, Мордвинова: «Я увидел, наконец, генерала Рузского, переходящего рельсы и направляющегося в нашу сторону; шел медленно, как бы нехотя и, как нам всем невольно показалось, будто нарочно не спеша. Голова его, видимо, в раздумье, была низко опущена».

От 7 ч 10 мин (этот час указан в записях дворцовой комендатуры) царь принимал Рузского. По-видимому, в это свидание с царем дальше рапорта дело не пошло. По словам Рузского, государь при встрече сохранял свое всегдашнее спокойствие и пригласил его к обеду. Государь задавал обычные вопросы о положении Северного фронта, о событиях в Петрограде. О пути своем до Вишеры и о повороте на Псков он лишь кратко рассказал и сказал, что надеется, наконец, точно узнать от Родзянко, который вызван в Псков, ибо положение настолько серьезно, что он выехал из Ставки, чтобы

быть ближе к месту, где разыгрываются события, и иметь возможность лично говорить с нужными людьми и выиграть время. После этого Рузский испросил у государя аудиенцию для важного доклада по поручению Алексеева об общем положении вещей еще до приезда Родзянко, и государь назначил ему время около девяти вечера.

Рузский недолго пробыл у царя; по окончании приема он вышел в вагон, где толпилась свита, и «в раздраженном утомлении откинулся на спинку дивана». Царская свита столпилась вокруг него. Сохранилось два рассказа о беседе Рузского со свитой, Дубенского и Мордвинова. Рассказы совпадают в общих линиях. Даем слово Мордвинову:

«Граф Фредерикс и мы столпились около него, желая узнать, что происходит, по его сведениям, в Петрограде и какое его мнение о всем происходящем.

— Теперь уже трудно что-нибудь сделать,— с раздраженной досадой говорил Рузский,— давно настаивали на реформах, которых вся страна требовала... не слушались... голос хлыста Распутина имел большой вес... вот и дошли до Протопопова, до неизвестного премьера Голицына... до всего того, что сейчас... посылать войска в Петроград уже поздно, выйдет лишнее кровопролитие и лишнее раздражение... надо их вернуть...

— Меня удивляет, причем тут Распутин? — спокойно возразил граф Фредерикс.— Какое он мог иметь влияние на дела? Я, например, даже совершенно его не знал.

— О вас, граф, никто не говорит, вы были в стороне,— вставил Рузский.

— Что же, по-вашему, теперь делать? — спросили несколько голосов.

— Что делать? — переспросил Рузский.— Теперь придется, быть может, сдаваться на милость победителя.

Что дальше говорил Рузский — я не помню; кажется, ничего, так как вошедший скороход доложил, что государь собирается выходить к обеду, и мы все направились в столовую».

Самым ярким моментом в этой беседе была одна фраза, врезавшаяся в память и Дубенскому: «Теперь надо сдаться на милость победителя». А на допросе в следственной комиссии Временного правительства Дубенский передал о разговоре свиты с Рузским: «Рузский в купе налево сидел в уголке. Тут стояли мы все, тут стоял Данилов, начальник штаба, и когда мы говорили: «Николай Константинович, что-нибудь сделайте, придите на помощь, это ужасно, что свершается», — он на это сказал: «Ну, господа, поздно, ничего нельзя теперь сделать; теперь нужно сдаваться на милость победителя и согласиться на те условия, кои предложат».

Беседу с Рузским прервал скороход, доложивший, что царь собирается выходить к обеду.

«После разговора с Рузским [слова Дубенского.— П.Щ.] мы стояли потрясенные и как в воду опущенные».

«— Обед прошел быстро»,— рассказывал впоследствии Рузский. Мордвинов припомнил об обеде немного больше. «Обед, хотя и короткий, тянулся мучительно долго. Моим соседом был Данилов, и я с ним не сказал ни одного слова. Остальным тоже было, видимо, не по себе. Государь спокойно поддерживал разговор с Рузским и графом Фредериксом».

День 1 марта царь описал в дневнике так:

«Ночью повернули с М.Вишеры назад, т.к. Любань и Тосно оказались занятыми восставшими. Поехали на Валдай, Дно и Псков, где остановились на ночь. Видел Рузского. Он, Данилов и Саввич обедали. Гатчина и Луга тоже оказались занятыми. Стыд и позор! Доехать до Царского не удалось. А мысли и чувства все время там. Как бедной Аликс, должно быть, тягостно одной переживать все эти события. Помогите нам Господь!»

Как скуп, ах, как скуп на слова Николай III! Как будто ничего не случилось. «Рузский, Данилов и Саввич обедали» — и больше ничего не было. Царь не записал самонаиважнейшего, не обмолвился словом о том, что было после обеда, о той беседе, которую он вел с Рузским в течение нескольких часов. А беседа вышла, по существу, о самом главном!

После обеда Рузский ушел в свой поезд собрать бумаги, нужные для доклада; через час он вернулся и, встретив по пути Воейкова, просил его доложить царю, что он явился с докладом. Воейков ушел в царский вагон, а Рузский ходил по коридору и ждал, волнуясь и обдумывая, что он должен сказать царю, чтобы принудить его к ответственному министерству. Он знал, что царь был против ответственного министерства («не подходяще оно для его верноподданных»). Воейков долго не возвращался, терпение Рузского истощилось, и он направился разыскивать дворцового коменданта. Можно представить себе удивление Рузского, когда, войдя в купе, он застал Воейкова в разгаре работы: он развешивал по стенам купе какие-то фотографии. «Каков барин, таков и слуга». Николай любил наклеивать картинки в альбом и развешивать их, не стесняясь остротой момента. Разыгралась любопытная прелюдия к докладу об ответственном министерстве — сценка, о которой, со слов Рузского, рассказал генерал Вильчаковский. «Воейков весело встретил его словами: «А, ваше высокопревосходительство, пожалуйста, садитесь. Хотите чаю или сигарку: устраивайтесь, где удобнее; вот я не могу справиться с этой рамкой, все криво висит». Кровь бросилась в голову Рузскому, и он, не садясь и сильно повысив голос от

негодования и волнения, высказал Воейкову свое удивление, что тот занят таким вздором в такие серьезные минуты и, видимо, забыл доложить о нем государю, когда он уже час ждет приема. Воейков попробовал обидеться и возразить, что вовсе не его обязанность докладывать его величеству. Тогда Рузский окончательно вышел из себя и, подхватив слово «обязанность», чрезвычайно резко высказал Воейкову, что его прямая обязанность заботиться, как дворцовому коменданту, об особе государя, а настал момент, когда события таковы, что государю, может быть, придется «сдаться на милость победителей», если люди, обязанные всю жизнь за царя положить и своевременно помогать государю, будут бездействовать, курить сигары и перевешивать картинки... Воейков побледнел, и они вместе вышли в коридор, а через несколько мгновений Рузский был у государя».

2

Беседа генерала Рузского с царем началась около 10 часов*. Генерал Рузский не был таким своим и домашним человеком, как Алексеев. Он был далек от придворной жизни и не пользовался приязнью царя. Рузский начал с предупреждения, что доклад выходит за пределы его компетенции, решению подлежит вопрос не войны, а государственного управления. «Может быть, государю вовсе не угодно слушать его доклад, который он взялся сделать по настоянию генерала Алексеева?» Царь прервал генерала и предложил ему высказаться с полной откровенностью. Какой поворот в самодержавии! Еще месяца три тому назад он писал жене: «Как ты можешь думать, что генералы на военном совете станут обсуждать политические вопросы? Послушал бы я, как кто-нибудь из них затронул бы такую тему в моем присутствии?» Но времена переменились. Д о л ж е н был слушать.

Что же говорил Рузский? Он с жаром доказывал царю необходимость немедленного образования перед палатами министерства. Какими аргументами он убеждал царя? Аргументы Рузского распадалась на две группы — от теории и от жизни.

В позднейшем рассказе Рузский пригладил, конечно, и слишком фиксировал доводы Николая против ответственного министерства, но зерно действительности, несомненно,

* Единственным источником наших сведений об этой беседе служит позднейший рассказ Рузского, записанный в 1918 году в Кисловодске. Надо принимать в расчет, что обстоятельства переменились, и Рузский уже чувствовал свою вину в падении династии и оправдывал себя. (Прим. П.Е.Щеголева. — Ю.Е.)

осталось. Это — упор в нелепость, в мистицизм, упор, пред которым падает всякая логика. «Я ответствен пред Богом и, передав ответственность за управление ответственному министерству, не могу считать, что я не ответствен перед Богом» — вот смысл речей Николая. Верил ли он сам тому, что говорил? Или такие выражения соответствовали одной особенноти его психики — лености ума — и были достаточным основанием к прекращению мыслительных процессов — не надо мыслить, спорить, доказывать, раз такова Божья воля. Мы не можем не привести рассказа Рузского, хотя и позднейшего, хотя и приукрашенного.

«Государь возражал спокойно, хладнокровно и с чувством глубокого убеждения. Первый и единственный раз в жизни... я имел возможность высказать государю все, что думал и об отдельных лицах, занимавших ответственные посты за последние годы, и о том, что казалось мне великими ошибками общего управления и деятельности Ставки. Государь со многим соглашался, многое объяснил и оспаривал. Основная мысль государя была, что он для себя в своих интересах ничего не желает, ни за что не держится, но считает себя не вправе передать все дело управления Россией в руки людей, которые сегодня, будучи у власти, могут нанести величайший вред родине, а завтра умоют руки, «подав с кабинетом в отставку». «Я ответствен перед Богом и Россией за все, что случилось и случится, — сказал государь, — будут ли министры ответственны перед Думой и Государственным советом — безразлично. Я никогда не буду в состоянии, видя, что делается министрами не ко благу России, с ними соглашаться, утешаясь мыслью, что это не моих рук дело, не моя ответственность». Я старался доказать государю, что его мысль ошибочна, что следует принять формулу: «государь царствует, а правительство управляет». Государь говорил, что эта формула ему не понятна, что надо было иначе быть воспитанным, переродиться, и опять оттенил, что он лично не держится за власть, но только не может принять решения против своей совести и, сложив с себя ответственность за течение дел перед людьми, не может считать, что он сам не ответствен перед Богом. Государь перебирал с необыкновенной ясностью взгляды всех лиц, которые могли бы управлять Россией в ближайшие времена в качестве ответственных перед палатами министров, и высказывал свое убеждение, что общественные деятели, которые, несомненно, составят первый же кабинет, все люди совершенно неопытные в деле управления и, получив бремя власти, не сумеют справиться со своей задачей».

Конечно, на глупейшие рассуждения Николая Рузский мог бы ответить, почему совесть позволяла ему нести ответственность перед Богом за негодных министров, не сумевших справиться с своей задачей, и т.д. и т.д. Но рассуждать с Николаем о власти было последним делом. У Рузского были и еще доводы от жизни — упор в жизнь, перед которым рассеивается мираж мистического убеждения. В начале своего доклада Рузский последовательно изложил перед царем все те сведения, которые он в течение последних трех дней получал из Ставки и от Родзянко: к тому, что было известно царю, прибавилось и новое, возникшее за время блуждания императорского поезда. В Петербурге образовался Временный комитет Государственной думы, к которому перешла правительственная власть ввиду устранения от управления всего состава Совета министров. Революция побеждала, и от генерала Иванова нельзя было ждать, что он приостановит ее победное шествие. Впрочем, Ставка приняла свои меры и против генерала Иванова. По отъезде царя, Алексеев телеграфировал всем главнокомандующим фронтами и генералу Иванову о создании Временного правительства во главе с Родзянко и о его заботах по поддержанию порядка. Любопытно, что генерал Алексеев допустил в своей телеграмме явную передержку: «Воззвание к населению, выпущенное Временным правительством, говорит о незыблемости монархического начала России [ничего подобного не было! — П.Щ.] ...Ждут с нетерпением приезда его величества, чтобы представить ему изложенное и просьбу принять это пожелание народа. [Откуда взял генерал Алексеев, что ждут с нетерпением царя! — П.Щ.] Если эти сведения верны, то изменяются способы ваших действий, переговоры приведут к умиротворению, дабы избежать позорной междоусобицы, столь желанной нашему врагу, дабы сохранить учреждения, заводы и пустить в ход работы. Воззвание нового министра путей Бубликова к железнодорожникам, мною полученное кружным путем, зовет к усиленной работе всех, дабы наладить расстроенный транспорт. Доложите его величеству все это и убеждение, что дело может привести к хорошему концу, который укрепит Россию».

Если у генерала Иванова и был в какой-либо мере воинственный пыл, подобное телеграфическое сообщение било на погашение воинственного азарта, понижало активное сопротивление. Рузский предъявил царю и телеграмму, полученную им из Ставки в этот же день 1 марта, с сообщениями для доклада царю.

«Первое. В Кронштадте беспорядки. Части ходят по улицам с музыкой. Вице-адмирал Курош доносит, что принять меры к усмирению с тем составом, который имеется в гарнизоне, он не находит возможным, так как не может ругаться ни за одну часть.

Второе. Генерал Мрозовский сообщает, что Москва охвачена восстанием и войска переходят на сторону мятежников.

Третье. Адмирал Непенин доносит, что он не признал возможным протестовать против призыва Временного комитета Государственной думы и, таким образом, Балтийский флот признал Временный комитет. Если будет хоть малейшее сомнение, что литерные поезда могут не дойти до Пскова, надлежит принять все меры для доставления доклада по принадлежности, послав хотя бы с экстренным поездом с надежным офицером и командой нижних чинов для исправления пути, если бы это имело место».

Ставка уже пришла к твердому решению поставить неподатливого царя лицом к лицу с фактом и предложить ему выбор... один и единственный путь — ответственное министерство. Телеграмма, которую мы дальше процитируем, уже передавалась по телеграфным проводам, но по прямому проводу в 5 ч 45 мин генерал из Ставки Клембовский говорил генералу Болдыреву из штаба Рузского:

«Начальник штаба Верховного главнокомандующего и великий князь Сергей Михайлович просят главнокомандующего всеподданнейше доложить его величеству о безусловной необходимости принятия тех мер, которые указаны в телеграмме генерала Алексеева его величеству, так как им это представляется единственным выходом из создавшегося положения. Так как главнокомандующий, по-видимому, держится тех же взглядов, как и начальник штаба Верховного главнокомандующего, то исполнение просьбы их не представит затруднений для него и, быть может, закончится успешно».

Великий князь Сергей Михайлович со своей стороны полагает, что наиболее подходящим лицом был бы Родзянко, пользующийся доверием.

Передайте, пожалуйста, все это на вокзал главнокомандующему по возможности безотлагательно, до прихода поезда».

В фактических сообщениях Рузского был центр давления, был действительный палочный аргумент — *argumentum baculinum*. Николай все надеялся... на генерала Иванова, который подавит восстание, на войска, которые разнесут его врагов, рабочих и крестьян. Ехал царь в своем поезде, смотрел в окно, следил за изменениями погоды и надеялся, и

вдруг генерал, сухой, неприветливый, не совсем даже вежливый по-придворному, лишил его всех надежд и продолжал действовать на его ограниченный ум и влиять на его неограниченную волю. Совсем как Витте в 1905 году. Тогда было лучше. Можно было выйти из кабинета, освежить затуманенную логическими убеждениями голову, поговорить с верными приближенными, найти поддержку в друге-жене, а здесь не уйти из вагона. Приближенные, правда, были, но чего они стоили,— слабоумный старик Фредерикс; дурак, краснолицый, с выпученными глазами, Воейков; черносотенный пьяница Нилов — не могли ему помочь. А главное, не хватало жены. В ней не было его нерешительности. Она была умнее его, она подумала бы за него, поняла бы его и отстояла. У нее воли хватило бы... Но с ней и снестись никаким образом нельзя было...

А она в это время, в Царском Селе, у постели детей, больных корью, переживала все гораздо острее. «Все отвратительно,— писала она царю, не зная, куда переслать письмо — ...но я твердо верю — и ничто не поколеблет этой веры — все будет хорошо... Не зная, где ты, я действовала, наконец, через *Ставку*, ибо Родз[янку] притворялся, что не знает, почему тебя задержали. Ясно, что они хотят не допустить тебя увидаться со мной прежде, чем ты не подпишешь какую-нибудь бумагу, конституцию или еще какой-нибудь ужас в этом роде. А ты один, не имея за собой армии, пойманный, как мышь, в западню, что ты можешь сделать? Это — величайшая низость и подлость, неслыханная в истории,— задерживать своего государя... Может быть, ты покажешься войскам в *Пскове* и в других местах и соберешь их вокруг себя? Если тебя принудят к уступкам, то ты ни в каком случае не обязан их исполнять, потому что они были добыты недостойным способом».

Но если бы Николай и получил в свое время взволнованные строчки гневно раздраженной жены, он не мог уже помочь самому себе, в вагоне императорского поезда. Податься некуда, не ускользнешь от сухого и неласкового генерала. Алексеев не лучше, да и все эти генералы, которые прежде так нравились своей беспредельной субординацией, все они давят на его волю. Пойди тут, покажись войскам! Как капля точит камень, так Рузский медленно, но верно подтачивал его уверенность, его волю. Воздействие Рузского становилось длительным, все более настойчивым, непереносимым. Надо было кончать. «Генерал Рузский возражал, спорил, доказывал и, наконец, после полутора часов, получил от государя соизволение на объявление через Родзянку, что государь согласен на ответственное министерство и предлагает ему формировать первый кабинет. Рузский добился этого, доказав

государю, что он должен пойти на компромисс с своей совестью ради блага России и своего наследника».

На уступки Николай пошел не добровольно, а вынужденно. А то, что вынужденно, можно взять и обратно. И с ответственным министерством можно, конечно, проделывать всякие комбинации, вроде как с Думой. «Если тебя принудят к уступкам, то ты ни в каком случае не обязан их исполнять, потому что они были добыты недостойным способом». Эта фраза была в неполученном еще письме жены, но он был всегда убежден в истине этого утверждения и проводил его на практике не раз. Самый крупный случай — с манифестом 17 октября.

4

Лишь только царь вымолвил свое согласие, Рузский немедленно вышел из вагона и распорядился: дать приказание вызвать к аппарату для разговора по прямому проводу Родзянко и телеграфировать в Ставку о царском решении. В это время Рузскому передали ту телеграмму Алексеева, о которой он знал уже из разговора по прямому проводу генерала Болдырева и Клембовского. Царю представлялся на выбор единственный путь — ответственное министерство и — совсем не по-придворному — требовалось подписать готовый манифест. Вот текст телеграммы:

«Ежеминутно растущая опасность распространения анархии во всей стране, дальнейшего разложения армии и невозможности продолжения войны при создавшейся обстановке настоятельно требуют немедленного издания высочайшего акта, могущего успокоить умы, что возможно только путем призвания ответственного министерства и поручения составления его председателю Государственной думы. Поступающие сведения дают основание надеяться на то, что думские деятели, руководимые Родзянко, еще могут остановить всеобщий развал и что работа с ними может пойти. Но утрата всякого часа уменьшает последние шансы на сохранение и восстановление порядка и способствует захвату власти крайними левыми элементами. Ввиду этого усердно умоляю ваше императорское величество соизволить на немедленное опубликование из Ставки нижеследующего манифеста: «Объявляем всем верным нашим подданным. Грозный и жестокий враг напрягает последние силы для борьбы с нашей родиной. Близок решительный час. Судьба России, честь геройской нашей армии, благополучие народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны, во что бы то ни стало, до победного конца.

Стремясь сильнее сплотить все силы народные для скорейшего достижения победы, Я признал необходимым призвать ответственное перед представителями народа министерство, возложив образование его на председателя Государственной думы Родзянко из лиц, пользующихся доверием всей России.

Уповаю, что все верные сыны России, тесно объединившись вокруг престола и народного представительства, дружно помогут доблестной нашей армии завершить ее великий подвиг.

Во имя нашей возлюбленной родины призываю всех русских людей к исполнению своего святого долга перед ней, дабы вновь явить, что Россия столь же несокрушима, как и всегда, и что никакие козни врагов не одолеют ее. Да поможет нам Господь бог»».

Вернувшись в вагон, Рузский предложил вниманию Николая телеграмму Алексеева и продолжал свой доклад. От царя надо было добиться еще и определенного решения о генерале Иванове, который мог по своему почину завязать междоусобную войну и натворить глупостей. Ну, раз ответственное министерство, можно, конечно, и задержать активное выступление диктатора. Рузский добился от царя телеграммы Иванову: «Надеюсь, прибыли благополучно. Прошу до моего приезда и доклада мне никаких мер не принимать». Рузский на четверть часа оставил вагон царя, чтобы распорядиться посылкой этой телеграммы, которая и была отправлена в 20 минут первого в ночь на 2 марта.

Психологически царю было труднее, горше послать эту телеграмму Иванову, чем согласиться на ответственное министерство. Телеграфируя Иванову, он собственноручно рубил сук, на котором сидел. Акт посылки телеграммы завершил осознание момента. Почувствовалось решительное и полное одиночество. Дрогнул Николай II и как-то сразу осел.

Рузскому бросилась в глаза перемена, происшедшая в царя за четверть часа, когда он отсутствовал, давая приказание об отправке телеграммы генералу Иванову. «Государь внимательно выслушал и обсуждал проект манифеста, переспрашивал подробности текста, но по вопросу главному — в манифесте — о его последствиях проявлял что-то, похожее на безразличие». Рузский даже испугался, не пошел ли царь на попятный двор, не передумал ли, и спросил царя, не будет ли он действовать против его воли, сообщив в Ставку и в Петроград о согласии его на манифест. Царь ответил, что принял решение, ибо Рузский и Алексеев, с которым он много на эту тему ранее говорил, одного мнения, а ему, государю, известно, что они редко сходятся на чем-либо вполне. «Госу-

дарь добавил, что ему это решение очень тяжело, но раз этого требует благо России, он на это, по чувству долга, обязан согласиться».

Рузский продолжал доклад уже на операционные и фронтовые темы, но он видел, что царь не так внимателен, как обычно на докладах, что его мысли заняты чем-то другим. Рузский счел нужным прекратить доклад и откланяться. Был на исходе второй час ночи.

В 5 ч 25 мин утра в Ставку генералу Алексееву была отправлена высочайшая телеграмма: «Можно объявить представленный манифест, пометив его Псковом».

Однажды Николай II выразил свое мнение о сущности управления в краткой и сжатой резолюции: «Предупреждать и не опаздывать — вот в чем суть управления». Не размышлял ли в эту ночь на 2 марта Николай о сути управления? И предупредил, и не опоздал!

Глава IV

ПРЕДУПРЕЖДАТЬ И НЕ ОПАЗДЫВАТЬ — ВОТ В ЧЕМ СУТЬ УПРАВЛЕНИЯ

1

Ответственное министерство было дано. Генерал Рузский должен был известить об этом Родзянко, который был вызван по прямому проводу в три с половиной часа утра. Состоялся длиннейший и примечательнейший разговор, продолжавшийся целых три часа. Мы не занимаемся сейчас психологическим истолкованием поведения Родзянко, но мы не можем пройти мимо той характеристики, которую он дал сам себе в течение этого разговора. Выпукло рисуется фигура необычайно зычного нахала, Хлестакова, фанфарона. Врет, не стесняясь. Рузский начинает разговор просьбой осведомить об истинной причине его неприбытия в Псков. Напомним, что Исполком Совета рабочих депутатов просто-напросто не дал ему поезда. Что же отвечает Родзянко? Причин две. Во-первых, «эшелоны, высланные вами в Петроград, взбунтовались, вышли в Луге из вагонов, объявили себя присоединившимися к Государственной думе и решили отнять оружие и никого не пропускать, даже литерные поезда». «Мною немедленно были приняты меры, чтобы путь для поезда его величества был свободен». Во-вторых: «мой приезд может повлечь за собой нежелательные последствия; невозможность оставить разбушевавшиеся народные страсти без личного присутствия, так как до сих пор верят только мне и

исполняют только мои приказания». Великолепное нахальство!

Рузский передал Родзянко приглашение образовать ответственный кабинет. Родзянко рассердился и страшно вознегодовал. Когда он посылал первые свои телеграммы, ведь это самое он предлагал, он бы и образовал. А теперь поздно. Все ушло из его рук, да и из царских рук. Опоздал манифест; надо было издать его в первый же момент. «А меня не послушали! Я говорил!» А теперь ему, Родзянко, не управиться. Он должен был попытаться взять движение в свои руки и стать во главе его, чтобы избежать такой анархии при таком расслоении, которая грозила бы гибелью государству. Родзянко сознает, что это ему далеко не удалось. «Я сам вишу на волоске. Анархия достигает таких размеров, что я вынужден сегодня ночью назначить Временное правительство. Время упущено, и возврата нет». Вынужден был, во избежание кровопролития, всех министров — кроме военного и морского — заключить в Петропавловскую крепость. В течение двух с половиной лет он, Родзянко, предупреждал царя о надвигающейся грозе, и вот что вышло. Династический вопрос поставлен ребром. Ответственное ничего не устроит, нужно устранение царя; «грозное требование отречения в пользу сына, при регентстве Михаила Александровича, становится определенным требованием». Тут Родзянко великолепно врет. Когда Милюков на митинге в Екатерининском зале высказал это требование буржуазной Думы, поднялись такие шум и крики протеста, что Милюков должен был заявить, что это его личное убеждение. Рабочие и солдатские массы требовали полного и решительного устранения всей династии, республиканского строя. А буржуазные думцы стояли на необходимости сохранения монархии, спасительной для России. Они жертвовали Николаем и полагали, что регентство Михаила при царе-наследнике поведет только к укреплению конституционной монархии.

При таких заявлениях Родзянко Рузский должен был стушеваться с только что данным манифестом. Правда, он прочел его Родзянко, но всемогущий отнесся совершенно равнодушно и не выразил восторга; впрочем, он ничего не имел против посылки манифеста в Ставку и его оглашения. Но, когда Рузский выразил опасение, как бы насильственный переворот не перекинулся в армию, Родзянко величаво закончил разговор: «Не забудьте, что переворот может быть добровольный и вполне безболезненный для всех, и тогда все кончится в несколько дней. Одно могу сказать: ни кровопролитий, ни ненужных жертв не будет — я этого не допущу».

Разговор Рузского с Родзянко по прямому проводу был закончен в 7 1/2 часа утра. Одновременно с ведением разговора телеграф передавал его в Ставку генералу Алексееву. Ставке не понадобилось много времени, чтобы составить определенное мнение о том, что должен был делать царь по изменившимся обстоятельствам. Уже в 9 часов утра генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего Лукомский начал разговор по прямому проводу с начальником штаба Северного фронта генералом Даниловым. Лукомский сказал Данилову:

«— Здравствуй, Юрий Никифорович. Генерал Алексей просит сейчас же доложить главкоसेву, что необходимо разбудить государя и сейчас же доложить ему о разговоре генерала Рузского с Родзянко. Переживаем слишком серьезный момент, когда решается вопрос не одного государя, а всего царствующего дома в России. Генерал Алексей убедительно просит безотлагательно это сделать, так как теперь важна всякая минута и всякие этикетки должны быть отброшены.

Ген[ерал] Алексей просит, по выяснении вопроса, немедленно сообщить, дабы официально и со стороны высших военных властей сделать необходимое сообщение в армии, ибо неизвестность хуже всего и грозит тому, что начнется анархия в армии.

Это официально, а теперь прошу тебя доложить от меня генералу Рузскому, что, по моему глубокому убеждению, выбора нет и отречение должно состояться. Надо помнить, что вся царская семья находится в руках мятежных войск, ибо, по полученным сведениям, дворец в Царском Селе занят войсками, как об этом вчера уже сообщал вам генерал Клембовский. Если не согласится, то, вероятно, произойдут дальнейшие эксцессы, которые будут угрожать царским детям, а затем начнется междоусобная война, и Россия погибнет под ударами Германии, и погибнет вся династия. Мне больно это говорить, но другого выхода нет. Я буду ждать твоего ответа».

Генерал Данилов хладнокровнее и спокойнее отнесся к делу, он не верил в то, что царя можно будет подвинуть на новые уступки. Он отвечал Лукомскому:

«— Генерал Рузский через час будет с докладом у государя, и поэтому я не вижу надобности будить главнокомандующего, который только что, сию минуту, заснул и через полчаса встанет. Выигрыша во времени не будет никакого. Что касается неизвестности, то она, конечно, не только тяжка, но грозна. Однако и ты, и генерал Алексей отлично знаете характер государя и трудность получить от него определенное решение. Вчера весь вечер до глубокой ночи прошел в

убеждениях поступиться в пользу ответственного министерства. Согласие было дано только к двум часам ночи, но, к глубокому сожалению, оно — как это, в сущности, и предвидел главнокомандующий — явилось запоздалым. Очень осложнила дело посылка войск ген[ерал]-адъютанта Иванова. Я убежден, к сожалению, почти в том, что, несмотря на убедительность речей Николая Владимировича и прямого его, едва ли возможно будет получить определенное решение. Время безнадежно будет тянуться. Вот та тяжкая картина и та драма, которая происходит здесь...

Между тем Исполнительный комитет Государственной думы шлет ряд извещений и заявлений, остановить поток которых нет никакой возможности. Два часа тому назад главнокомандующий вынужден был отдать распоряжение о том, чтобы не препятствовать распространению таких заявлений, которые клонятся к сохранению спокойствия среди населения и к приливу продовольственных средств. Другого исхода не было...

Много горячих доводов высказал генерал Рузский в разговоре с Родзянко в пользу оставления во главе государя с ответственным перед народом министерством, но, видимо, время упущено, и едва ли возможно рассчитывать на такое сохранение...

Вот пока все, что я могу сказать.

Повторяю, от доклада ген[ерала] Рузского я не жду определенных решений».

Последнее слово в разговоре осталось за Лукомским.

«— Дай Бог, чтобы генералу Рузскому удалось убедить государя. В его руках теперь судьба России и царской семьи».

Глава V

«ДАЕШЬ ОТРЕЧЕНИЕ»

1

Настало утро 2 марта. Жизнь в царском поезде началась раньше обыкновенного. Камердинер сказывал: «С 6 часов слышно было, как их величество поднялись и все перебирали записки и бумаги». Чины свиты, проснувшись, не знали, чем кончились разговоры царя с Рузским; ведь они отошли ко сну до выхода Рузского из вагона. Мордвинов, узнав от своего слуги, что никаких распоряжений об отъезде нет, встревожился, быстро оделся и отправился пить утренний кофе в столовую.

«В ней находились уже Кира Нарышкин, Валя Долгорукий и профессор Федоров. Они, как и я, ничего не знали ни об отъезде, ни о переговорах Рузского и высказывали предположение, что, вероятно, прямой провод был испорчен и переговоры поэтому не могли состояться.

Государь вышел позднее обыкновенного. Он был бледен и, как казалось по лицу, очень плохо спал, но был спокоен и приветлив, как всегда. Его величество недолго оставался с нами в столовой и, сказав, что ожидает Рузского, удалился к себе».

2

На платформе показался генерал Рузский. На вокзале начал собираться народ, но особого скопления не было. Бежавшие из Петрограда гвардейские офицеры добежали до Пскова, пробираясь к своим частям на фронт. Эти беглецы рассказывали о петроградских ужасах, спрашивали у свитских о государе и высказывали искреннее желание, чтобы государь приехал к войскам гвардии. «Там совсем другое».

В 10 ч 15 мин Рузский вошел в царский вагон. Царь ждал доклада о магическом действии своего манифеста об ответственном министерстве и дне и часе прибытия Родзянко. Рузский спокойно, «стиснув зубы» (его слова), но в душе страшно волнуясь, положил перед царем лежгу своего разговора с Родзянко. Царь предложил ему прочесть разговор. Царь молча, внимательно слушал. Потом, когда он делал запись в дневнике, он отметил одну особенность разговора — его продолжительность. «Рузский... прочел свой длинейший разговор по аппарату с Родзянко». Должно быть, не все подробности охватил царь, но главное он усвоил. От остального осталось общее впечатление необычайной длинноты. А главное усвоил. Позади была жалкая словесность о полуответственном, ответственном министерстве, но впереди нечто неслыханное, ужасное!

Царь встал с кресла и отошел к окну вагона. Рузский тоже встал. Наступила ужасная тишина. Прошло несколько мгновений, показавшихся вечностью и Рузскому, и царю. Царь смотрел в окно вагона, стараясь собрать свои чувства и мысли; наконец, овладел собой, вернулся к столу, указал генералу стул и стал говорить.

В его голосе нашлись спокойные ноты. Но мысли были прерывисты, разбегались: наряду с важным, лезло в голову мелкое, маленькое. «Если надо, чтобы я отошел в сторону для блага России, я готов на это, но я опасюсь, что народ этого не поймет... Но как же, как же: казаки обвинят меня, что я бросил фронт... Я рожден для несчастья, я приношу несчастье

России... Но как же, как же, мне не простят старообрядцы, что я изменил своей клятве в день коронавания...» Царь спрашивал Рузского о подробностях отречения, вслух обдумывал возможное решение...

Argumentum baculum был доведен до полного развития. Еще вчера царя убеждали во имя блага России, ради ее военного счастья, а сегодня говорят: помните, вся ваша семья находится в руках мятежных войск, дворец в Царском Селе занят войсками. (Безответственное заявление генерала Лукомского!)

В это время разговор царя с Рузским был прерван телеграммой генерала Эверта, адресованной Рузскому. Эверт ставил вопрос без всяких экивоков. «Войну можно продолжать до победного конца лишь при исполнении предъявляемых требований относительно отречения от престола в пользу сына при регентстве Михаила Александровича.

Обстановка, по-видимому, не допускает иного решения, и каждая минута дальнейших колебаний повысит только притязания, основанные на том, что существование армии и работа железных дорог находятся фактически в руках петроградского Временного правительства. Необходимо спасти действующую армию от развала, продолжать до конца борьбу с внешним врагом, спасти независимость России и судьбу династии нужно поставить на первом плане, хотя бы ценою дорогих уступок. Если вы разделяете этот взгляд, то не благоволите ли телеграфировать весьма спешно свою верноподданническую просьбу его величеству через главкосева, известив меня.

Повторяю, что потеря каждой минуты может стать роковой для существования России и что между высшими начальниками действующей армии нужно установить единство мыслей и целей и спасти армию от колебаний и возможных случаев измены долгу. Армия должна всеми силами бороться с внешним врагом, а решения относительно внутренних дел должны избавить ее от искушения принять участие в перевороте, который более безболезненно совершится при решении сверху».

Рузский, бледный, прочел вслух телеграмму. «Что же вы думаете, Николай Владимирович? — спросил государь. — Вопрос так важен и так ужасен, что я прошу разрешения вашего величества обдумать эту депешу раньше, чем отвечать. Депеша циркулярная. Посмотрим, что скажут главнокомандующие остальных фронтов. Тогда выяснится вся обстановка». Государь встал, внимательно и грустно взглянул на Рузского и, сказав: «Да, и мне надо подумать», отпустил его до завтрака.

Перед завтраком царь гулял по платформе. К высочайшему завтраку были приглашены псковский губернатор Кошкарев, инспектор царских поездов Ежов. В 2 часа царь потребовал Рузского. Рузский тотчас же явился, с согласия царя, с двумя генералами — начальником его штаба Ю.Н. Даниловым и генерал-квартирмейстером С.С.Саввичем. Рузский взял их на подкрепление. «Я вижу,— сказал он им,— царь мне не верит, пускай он помимо меня выслушает и вас». Три генерала были немедленно приняты в салон-вагоне. Кроме них, не было никого, и все двери плотно закрыты. Царь сначала стоял, потом сел, предложил всем сесть. Сел Рузский, а генералы стояли навытяжку. Царь и Рузский много курили.

Рузский доложил царю новые известия, полученные в разговоре по прямому проводу со Ставкой,— о прибытии собственного его величества конвоя (самая преданная и верная войсковая часть, телохранители!) в Думу с предложением своих услуг, о желании царицы переговорить с Родзянко (вот это должно было подействовать!), о прибытии в Государственную думу с покорностью великого князя Кирилла Владимировича (это было сверхъестественно!), о подчинении главнокомандующего Московского военного округа Мрозовского Временному правительству, об арестах министров. В 2 ч 30 мин — пришла телеграмма Алексеева с ответами командующих фронтами. Не хватало ответа от начальника штаба войск Румынского фронта Сахарова, но и он пришел через 20 минут.

Все генералы оказались предателями и изменниками своему государю. Все рухнуло. Как бы ни раблепны, ни почтительны были их слова, но все они отказывались от своего царя. И на первом месте — родственник, Николаша (великий князь Николай Николаевич). Ну, правда, от этого всего можно было ждать, после того, как по настоянию Григория Ефимовича, ввиду узурпаторских склонностей, он был смещен с поста Верховного главнокомандующего. Жена была права, постоянно возбуждая его против Николаши. А теперь Николаша — извольте ли видеть — телеграфирует:

«Я, как верноподданный, считаю по долгу присяги и по духу присяги необходимым коленопреклоненно молить ваше императорское величество спасти Россию и вашего наследника, зная чувство святой любви вашей к России и к нему.

Осенив себя крестным знаменем, передайте ему ваше наследие. Другого выхода нет.

Как никогда в жизни, с особо горячею молитвою, молю Бога подкрепить и направить вас».

Генерал Брусиллов так всеми буквами и пишет: «В данную минуту единственный исход, могущий спасти положение и дать возможность дальше бороться с внешним врагом, без чего Россия пропадет,— отказаться от престола в пользу наследника цесаревича при регентстве великого князя Михаила Александровича. Другого исхода нет».

Телеграмма генерала Эверта еще страшнее: «Ваше величество, на армию, в настоящем ее составе, рассчитывать при подавлении внутренних беспорядков нельзя... При создавшейся обстановке, не находя иного исхода, безгранично преданный вашему величеству верноподданный умоляет ваше величество, во имя спасения родины и династии, принять решение, согласованное с заявлением председателя Гос[ударственной] думы».

Впечатление утешительное получалось от чтения первых строк телеграммы генерала Сахарова. Генерал говорил решительным языком: «Генерал-адъютант Алексеев передал мне преступный и возмутительный ответ председателя Государственной думы вам на высокомилоостивое решение государя императора даровать стране ответственное министерство и пригласил главнокомандующих доложить его величеству через вас о положении данного вопроса в зависимости от создавшегося положения. Горячая любовь моя к его величеству не допускает душе моей мириться с возможностью осуществления гнусного предложения, переданного вам председателем Думы. Я уверен, что не русский народ, никогда не касавшийся царя своего, задумал это злодейство, а разбойная кучка людей, именуемая Государственной думой, предательски воспользовалась удобной минутой для проведения своих преступных целей».

И что же, что же предлагает благородный генерал? Он оказался таким же предателем. «Переходя же к логике разума и учтя создавшуюся безвыходность положения, я, непоколебимо верный подданный его величества, рыдая, вынужден сказать, что, пожалуй, наиболее безболезненным выходом для страны и для сохранения возможности биться с внешним врагом является решение пойти навстречу уже высказанным условиям, дабы промедление не дало пищу к предъявлению дальнейших и еще гнуснейших притязаний».

И все телеграммы были одобрены генералом Алексеевым, застенчивым и молчаливым Михаилом Васильевичем. Тоже недаром и против него предупреждала жена. Тихоня, а у него козни на уме. «Умоляю безотлагательно принять решение, которое Господь Бог внушит вам. Промедление грозит гибелью России. Пока армию удастся спасти от проник-

новения болезни, охватившей Петроград, Москву, Кронштадт и другие города. Но ручаться за дальнейшее сохранение высшей дисциплины нельзя. Прикосновение же армии к делу внутренней политики будет знаменовать неизбежный конец войны, позор России и развал ее.

Ваше императорское величество, горячо любите родину и ради ее целостности, независимости, ради достижения победы соизволите принять решение, которое может дать мирный и благополучный исход из создавшегося, более, чем тяжкого, положения. Ожидаю повелений».

Предали генералы. И жены нет. Где же взять твердость бедному, маленькому, слабенькому муженьку?

4

Телеграммы были доложены, царь прочел их. «Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг», — совершенно правильно изложил царь в дневнике смысл телеграммы. Рузский обрисовал обстановку и присоединил свое мнение: выход один — отречение от престола в пользу наследника.

— Но я не знаю, хочет ли этого вся Россия, — пробовал увиливать не хотевший этого царь.

Рузский ответил:

— Ваше величество, заниматься сейчас анкетой обстановка не представляет возможности, но события несутся с такой быстротой и так ухудшают положение, что всякое промедление грозит неисчислимыми бедствиями. Я вас прошу выслушать мнение моих помощников, они оба в высшей степени самостоятельные и притом прямые люди.

Предложение царю не понравилось, и он не сразу согласился выслушивать мнение генералов. Только после второго или третьего напоминания Рузского царь повернулся к стоявшим навытяжку генералам и разрешил им говорить: «Хорошо, но только я прошу откровенного изложения». Первым говорил Данилов, заявивший, что он тоже не видит другого выхода из создавшегося тяжкого положения, кроме принятия предложения Государственной думы. Царь обратился к другому генералу: «А вы такого же мнения?»

Передаем рассказ, записанный со слов Саввича.

«Генерал этот страшно волновался. Приступ рыданий сдавливал его горло. Он ответил:

— Ваше императорское величество, вы меня не знаете, но вы слышали обо мне отзывы от человека, которому вы верили.

Государь. Кто это?

Генерал. Я говорю о генерале Дедюлине.

Государь. О, да.

Генерал чувствовал, что он не в силах больше говорить, так как сейчас разрыдается, поэтому он поспешил кончить:

— Я человек прямой, и поэтому я вполне присоединяюсь к тому, что сказал генерал Данилов.

Наступило общее молчание, длившееся одну-две минуты.

Государь сказал: «Я решил. Я отказываюсь от престола» — и перекрестился. Перекрестились генералы.

Обратясь к Рузскому, государь сказал: «Благодарю вас за доблестную и верную службу» — и поцеловал его».

5

Царь взял блок с телеграфными бланками и написал две телеграммы.

Одну — Родзянко: «Нет той жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родной матушки России. Посему я готов отречься от престола в пользу моего сына с тем, чтобы он оставался при мне до совершеннолетия, при регентстве брата моего великого князя Михаила Александровича».

Другую — Алексееву: «Во имя блага, спокойствия и спасения горячо любимой России я готов отречься от престола в пользу моего сына. Прошу всех служить ему верно и нелицемерно».

Телеграммы эти царь передал Рузскому.

Было 3 часа дня 2 марта 1917 года.

6

Когда генералы оставались еще в вагоне, вошел Воейков. Он пытался расспросить генералов о том, что произошло, и получил неохотные и недружелюбные ответы, а Рузский напомнил, как его «Куваку» употребляли в Петрограде, какая шумиха против конной полиции. «Затем, — вспоминает Саввич, — вошел министр граф Фредерикс. Воейков сейчас же вышел. Фредерикс был страшно расстроен. Он заявил, что государь ему передал свой разговор с присутствующими и спросил его мнения, но раньше, чем ответить на такой ужасный вопрос, он, Фредерикс, хочет выслушать присутствующих».

Фредериксу повторили то, что было сказано государю. Старик был страшно подавлен и сказал: «Никогда не ожидал, что доживу до такого ужасного конца. Вот что бывает, когда переживешь самого себя».

В свитском вагоне, в купе С.П.Федорова, собрались сопровождавшие царя. Шли вялые разговоры, создавались разные предположения. Вдруг в дверях купе показался возвращавшийся от царя граф Фредерикс. Почти обычным голосом он произнес по-французски одну фразу:

— *Savez vous, l'Empereur a abdiqué**.

Мордвинов живо передает впечатление свитских:

«Слова эти заставили нас всех вскочить...

Я лично мог предположить все, что угодно, но отречение от престола, столь внезапное, ничем пока не вызванное, не задуманное только, а уж исполненное, показалось такой кричащей несообразностью, что в словах преклонного старика Фредерикса в первое мгновение почудилось или старческое слабоумие или явная путаница.

— Как, когда, что такое да почему? — слышались возбужденные вопросы.

Граф Фредерикс на всю эту бурю восклицаний, пожимая сам недоуменно плечами, ответил только:

— Государь получил телеграммы от главнокомандующих... и сказал, что раз войска этого хотят, то не хочет никому мешать.

— Какие войска хотят? Что такое? Ну, а вы что же, граф, что вы-то ответили его величеству на это?

Опять безнадежное пожимание плечами:

— Что я мог изменить? Государь сказал, что он решил это уже раньше и долго об этом думал...

— Не может этого быть, ведь у нас война. Отречься так внезапно, здесь, в вагоне, и перед кем и отчего, да верно ли это, нет ли тут какого-либо недоразумения, граф? — слышались снова возбужденные возражения со всех сторон, смешанные и у меня с надеждой на путаницу и на возможность еще отсрочить только что принятое решение.

Но, взглянув на лицо Фредерикса, я почувствовал, что путаницы нет, что он говорит серьезно, отдавая себе отчет во всем, так как и он сам был глубоко взволнован, и руки его дрожали.

— Государь уже подписал две телеграммы, — ответил Фредерикс, — одну Родзянке, уведомляя его о своем отречении в пользу наследника при регентстве Михаила Александровича и оставляя Алексея Николаевича при себе до совершеннолетия, а другую о том же Алексею в Ставку, назначая вместо себя Верховным главнокомандующим великого князя Николая Николаевича...

— Эти телеграммы у вас, граф, вы еще их не отправили? — вырвалось у нас с новой силой, с воскресавшей надеждой.

* Знаете ли вы, император отрекся (фр.). — Ю.Е.

— Телеграммы взял у государя Рузский,— с какой-то, как мне показалось, безнадежностью ответил Фредерикс и, чтобы скрыть свое волнение, отвернулся и прошел в свое купе.

Бедный старик, по его искренним словам, нежно любивший государя, как “сына”, заперся в своем отделении, а мы все продолжали стоять в изумлении, отказываясь верить в неотвратимость всего нахлынувшего».

7

В начале 4-го Рузский вышел из императорского вагона с историческими телеграммами. При выходе ему вручили телеграмму о приезде в этот день вечером членов Государственной думы Гучкова и Шульгина. Рузский вернулся в вагон и доложил царю телеграмму. По рассказу Рузского, царь взял из его рук сейчас обратно телеграмму на имя Алексева, а с первой телеграммой вышла целая история.

И Дубенский, и Мордвинов, расходясь в подробностях, вспоминают о любопытной попытке подействовать на царя и убедить его взять телеграмму обратно. Дубенский в патетическом тоне вспоминает: «Невольный ужас охватил нас, и мы громко в один голос воскликнули, обращаясь к Воейкову: «Владимир Николаевич, ступайте сейчас, сию минуту, к его величеству и просите его остановить, вернуть эту телеграмму». Мордвинов приписывает мысль о приостановке телеграммы графу Граббе. Граббе подбил присутствовавших членов свиты отправиться в купе к графу Фредериксу и предложил ему немедленно идти к царю и «испросить у государя разрешение потребовать эти телеграммы от Рузского и не посылать их». Фредерикс, убежденный доводами свиты, пошел к государю и через несколько минут вернулся обратно и сказал, что государь приказал сейчас же взять телеграммы от Рузского и передать ему.

Опять мелькнул луч надежды. А может, обойдется без отречения; может быть, с депутатами удастся и сговориться! И слабовольный, шкодливый повелитель тешит себя надеждой убежать от судьбы.

Начальнику Военно-полевой канцелярии было поручено взять телеграмму у Рузского. Он вернулся с пустыми руками. Рузский ему не отдал телеграммы Родзянко и сказал, что он идет к царю и лично переговорит с ним. Рузский не хотел выпускать из своих рук козыря и, встретив царя на платформе, предложил ему оставить телеграмму у него до прибытия Гучкова и Шульгина. Таким образом, попытка аннулировать отречение не удалась: правда, телеграмма не была послана, но и не была возвращена. Желая упредить

царя, Рузский приказал, как только подойдет поезд с депутатами, направить их прежде всего к нему, до разговора с царем. Но свита продолжала волноваться. Вновь пошли к Фредериксу и просили его настоять перед царем о возвращении телеграммы. Направился к царю и лейб-хирург проф. С.П.Федоров. Беседа Федорова с царем внесла новый момент в историю отречения.

Мордвинов рассказывает:

«Было около четырех часов дня, когда Сергей Петрович вернулся обратно в свое купе, где большинство из нас его ожидало. Он нам сказал, что вышла перемена и что все равно прежних телеграмм теперь нельзя посылать.

— Я во время разговора о поразившем всех событии,— пояснил он,— спросил у государя:

— Разве, ваше величество, вы полагаете, что Алексея Николаевича оставят при вас и после отречения?

— А отчего же нет? — с некоторым удивлением спросил государь.— Он еще ребенок и естественно должен оставаться в своей семье, пока не станет взрослым. До тех пор будет регентом Михаил Александрович.

— Нет, ваше величество,— ответил Федоров,— это вряд ли будет возможно, и по всему видно, что надеяться на это вам совершенно нельзя.

Государь, по словам Федорова, немного задумался и спросил:

— Скажите, Сергей Петрович, откровенно, как вы находите, действительно ли болезнь Алексея такая неизлечимая?..

— Ваше величество, наука нам говорит, что эта болезнь неизлечима, но многие доживают при ней до значительного возраста, хотя здоровье Алексея Николаевича и будет всегда зависеть от всякой случайности.

— Когда так,— как бы про себя сказал государь,— то я не могу расстаться с Алексеем. Это было бы уже сверх моих сил... К тому же раз его здоровье не позволяет, то я буду иметь право оставить его при себе...»

8

Итак, слово сказано. Отрекся. Окружавшие его пережили отречение гораздо острее и тягостнее. «Трудно было поймать даже мысль в голове, так тяжело было на душе. Было то же самое, когда на ваших глазах скончается близкий, дорогой вам человек, на которого были все упования и надежды». Герой отречения был много спокойнее. «Вдруг мимо нашего вагона,— вспоминал генерал, чьи переживания им

только что описаны, — по узкой деревянной платформе между путей я заметил идущего государя с дежурным флигель-адъютантом, герцогом Лейхтенбергским. Его величество в форме кубанских пластунов, в одной черкеске и башлыке, не спеша шел, разговаривая с герцогом. Проходя мимо моего вагона, государь взглянул на меня и приветливо кивнул головою. Лицо у его величества было бледное, но спокойное». А у генерала на глазах еще не высохли слезы: он плакал над гибелью династии! Отречение Николая, которое, в его мнении, должно было быть великой трагедией, странным образом напомнило ему, военному человеку, такую частую и обыкновенную процедуру: сдачу эскадрона. Что же это! «Царь отказался от российского престола просто, как сдал эскадрон».

А в дневнике своем генерал Дубенский записал: «Долгое время государь гулял между нашими поездами, на вид спокойный, и сказал только: мне стыдно будет увидеть иностранных военных агентов в Ставке и им неловко будет видеть меня».

Царь вернулся в столовую к чаю, подававшемуся в пять часов. Скороход доложил свите, и все направились туда. «С непередаваемым тягостным чувством, облегчавшимся все же мыслью о возможности еще и другого решения, входил я в столовую, — вспоминал впоследствии Мордвинов. — Мне было и физически больно увидеть моего любимого государя после нравственной пытки, вызвавшей его решение, но я и надеялся, что обычная сдержанность и ничтожные разговоры о посторонних, столь «никчемных» теперь вещах, прорвутся, наконец, в эти трагические минуты чем-нибудь горячим, искренним, заботливым, дающим возможность обща обсудить положение; что теперь в столовой, когда никого кроме ближайшей свиты не было, государь невольно и сам упомянет об обстоятельствах, вызвавших его ужасное решение. Эти подробности нам были совершенно неизвестны и так поэтому непонятны. Мы к ним были не только не подготовлены, но, конечно, не могли и догадываться, и только, кажется, граф Фредерикс и В.Н.Воейков были более или менее осведомлены о переговорах Рузского и о последних телеграммах, полученных через Рузского и генерала Алексева от командующих фронтами». [И далее]:

«Нас, по обычаю, продолжали держать в полной неизвестности и, вероятно, по привычке же даже и на этот раз забыли о нашем существовании. А мы были такие же русские, жили тут же, рядом, под одной кровлей вагона, и так же могли волноваться, страдать и мучиться не только за себя, как «пустые и в большинстве эгоистические люди», но и за нашего государя, за нашу Россию.

Но, войдя в столовую и сев на незанятое место, с краю стола, я сейчас же почувствовал, что и этот час нашего обычного общения с государем пройдет точно так же, как и подобные часы минувших «обыкновенных» дней...

Шел самый незначительный разговор, прерывавшийся на этот раз только более продолжительными паузами.

Государь сидел спокойный, ровный, поддерживал разговор, и только по его глазам, печальным, задумчивым, как-то сосредоточенным, да по нервному движению, когда он доставал папиросу, можно было чувствовать, насколько тяжело у него на душе...

Ни одного слова, ни одного намека на то, что всех нас мучило, не было, да, пожалуй, и не могло быть произнесено. Такая обстановка заставляла лишь уходить в себя, несправедливо негодовать на других, «зачем говорят о пустяках», и мучительно думать: «Когда же наконец кончится это сиденье за чаем!»

Оно наконец кончилось. Государь встал и удалился к себе в вагон».

Глава VI

КРАХ

1

Зачем Гучков и Шульгин выехали в Ставку? А затем, чтобы, пожертвовав монархом, спасти монархию. Надо сказать, что Шульгин, паладин монархии, был потрясен и напуган стихией революционного народа. И в этот момент Шульгин потерял свою волю; решения, которые он принимал, были продиктованы революционным экстазом масс, переполнивших Таврический дворец.

«Мысль об отречении созрела в умах и сердцах как-то сама по себе. Она росла из ненависти к монарху, не говоря о всех прочих чувствах, которыми день и ночь хлестала нам в лицо революционная толпа. На третий день революции вопрос о том, может ли царствовать дальше государь, которому безнаказанно брошены в лицо все оскорбления, был уже, очевидно, решен в глубине души каждого из нас».

Буржуазные думцы, которых прекрасно удовлетворило бы ответственное перед ними министерство, уже видели себя в необходимости ставить вопрос об отречении Николая. Убежденные монархисты, они вынуждены были собственными руками подготовить отречение. Мысль об отречении оформилась в ночь на 2 марта. Шульгин занимательно рас-

сказывает, как развивал свои мысли по этому поводу Гучков: «Надо принять какое-нибудь решение. Положение ухудшится с каждой минутой. Идучи сюда, я видел много офицеров в разных комнатах Государственной думы: они просто спрятались сюда... Они боятся за свою жизнь... Они умоляют спасти их... Надо на что-нибудь решиться... На что-то большое, что могло бы произвести впечатление... что дало бы исход... что могло бы вывести из ужасного положения с наименьшими потерями... В этом хаосе, во всем, что делается, надо прежде всего думать о том, чтобы спасти монархию... Без монархии Россия не может жить... Но, видимо, нынешнему государю царствовать больше нельзя... Высочайшее повеление от его лица — уже не повеление: его не исполняют... Если это так, то можем ли мы спокойно и безучастно дожидаться той минуты, когда весь этот революционный сброд начнет сам искать выхода... И сам расправится с монархией... Меж тем это неизбежно будет, если мы выпустим инициативу из наших рук... Надо действовать тайно и быстро, никого не спрашивая... ни с кем не советуясь... Если мы сделаем по соглашению с «ними», то это непременно будет наименее выгодно для нас. Надо поставить их перед свершившимся фактом... *Надо дать России нового государя...* Надо под этим новым знаменем собрать то, что можно собрать... для отпора... Для этого надо действовать быстро и решительно...»

2

Была особая острота в встрече Николая с Гучковым и Шульгиным.

«Как унизили тебя, послав этих двух скотов!» — яростно выражалась Александра Федоровна.

В глазах Александры Федоровны и ее мужа Гучков был непримиримым врагом не только их лично, но и династии. Они глухо чувствовали, что Гучков в среде высшего командования завязывал какие-то прочные связи, что его «скверное, коварное влияние» отрывает от них вернопреданных им до сих пор генералов. Гучков, писала царица мужу, «это такая умная скотина», «которая начиняет» Алексева «всякими мерзостями». Царица спала и во сне видела, как бы отделаться от Гучкова. Она как-то советовалась с мужем: «Следовало бы отделаться от Гучкова, но только как — вот в чем вопрос. *Военное время* — нельзя ли выудить что-нибудь, на основании чего его можно было бы засадить? Он добивается анархии — он против нашей династии. Ведь омерзительно видеть его игру, речи и подпольную работу». А в другом письме к мужу царица мечтала: «Ах, если б только можно было повесить Гучкова!» Вообще она была глубоко и искренно убежде-

на в том, что «Гучкову место на высоком дереве». И вдруг судьба бросила кости, и Гучкову вышло место за столиком отречения, супротив самого Николая. А.И.Гучков был человек крепкий, лично храбрый и отважный. Его жизнь была богата авантюрами всякого рода (участие в подавлении боксерского восстания, в войне с бурами), и последней смелой авантюрой было устройство военного заговора против самодержца. Революция опередила этот заговор. Несомненно, этот купец из раскольниковской семьи был свободен от каких-либо следов рабского страха и восторженного пресмыкательства — чувств, проницавших сердца наивных монархистов. Этими чувствами были проникнуты буржуазные товарищи Гучкова по Думе родзянки, шидловские; шульгины. Гучков видел, как трудно их раскатать на требование отречения, и решил, что за это дело может взяться только он.

«1 марта в Думском комитете я заявил, что, будучи убежден в необходимости этого шага, я решил его предпринять во что бы то ни стало, и, если мне не будут даны полномочия от думского комитета, я готов сделать это за свой страх и риск, поеду как политический деятель, как русский человек и буду советовать и настаивать, чтобы этот шаг был сделан». Н а д о ехать к царю и привезти отречение. Как его получить, как добиться от него отречения, Гучков еще не представлял себе, но он весь был во власти н а д о.

Шульгин был помельче Гучкова. Наивный монархист «по крови», он привык рабски вздрагивать при одном приближении — даже мысленном — к его величеству. Ноздри его расширялись в атмосфере, окружавшей венценосца и самодержца, «атмосфере, которую (по его же словам) испытывают, так сказать, монархисты по крови, да еще провинциальные, когда они приближаются к тому, кому после Бога одному повинуются». Несколько раз видел Шульгин Николая и всякий раз впадал в блаженное состояние собачонки, которой щекочут за ухом. Уже к Шульгину пришили эпитет «искренний», пусть он при нем и остается, но в момент революции искренний монархист был искренне и здорово напуган. Когда прошли гражданские войны и Шульгину остались одни воспоминания — плоды сердечной пустоты, он всячески старался объяснить себе, как это он, искренний монархист, замахнулся — на кого же? — на монарха; и так и сяк он хочет выставить величие души Романова, на которого он покусился; лирическими криками, воплями покаяния заговорил трехсотлетний раб. Как побитая собака бежит за господином, так и он, Шульгин, повинувшись тому же чувству, побежал, по зову Гучкова, к господину. «Я отлично понимал, почему я еду. Я чувствовал, что отречение случится неизбежно, и чувствовал, что невозможно поставить государя лицом

к лицу с Чхеидзе... Отречение должно быть передано в руки монархистов и ради спасения монархии». Было чувство сатирического надрыва во всем этом.

Гучков и Шульгин ехали, как обреченные. «Как все самые большие вещи в жизни человека, и это совершалось не при полном блеске сознания», — вспоминает Шульгин. В грандиозных чертах рисовалось их воспаленному воображению событие, участниками которого они собирались быть. Такой важный акт в истории России — перемена власти, крушение трехсотлетней династии, падение трона! Да, тут был материал для любителей сильных ощущений.

3

В три часа дня, как раз в то время, когда Гучков и Шульгин выезжали из Петербурга, царь подписал две телеграммы — в Ставку и Родзянко — об отречении за себя в пользу наследника, с великим князем Михаилом Александровичем в роли регента. Лишь только получены были сведения о выезде членов Думы, царь потребовал телеграммы обратно; правда, Рузский удержал у себя одну, но она, по приказу отрекшегося царя, осталась не посланной. Разговор с лейб-медиком проф. Федоровым убедил царя в том, что если уж отречься, так не только за себя, а и за немощного сына. Но все действия были отложены до приезда депутатов Думы.

В ответ на нетерпеливое ожидание генерала Алексева (отрекся ли, наконец!) Данилов только всего и мог сообщить: «Около 19 часов сегодня его величество примет члена Государственного совета Гучкова и члена Государственной думы Шульгина, выехавших экстренным поездом из Петрограда. Государь император в длительной беседе с генерал-адъютантом Рузским, в присутствии моем и генерала Саввича, выразил, что нет той жертвы, которой его величество не принес бы для истинного блага родины. Телеграммы ваши и главнокомандующих были все доложены».

Рузский отдал строгий наказ — депутатов прежде всего направить к нему, а затем к царю. Свита решила, что у Рузского есть свой замысел и что он настроит депутатов по-своему, и потому было постановлено среди свитских следить за прибытием поезда и из-под носа у Рузского перехватить депутатов и поставить их перед царские очи. Им все казалось, что депутаты скажут что-нибудь новое и с ними можно будет договориться и отречения не надо будет. И Николай, ошарашенный доводами и сообщениями Рузского и вынужденный к отречению, все же в глубине души не верил картине, нарисованной Рузским и генералами, и надеялся, а вдруг думцы, вспомнив трехсотлетнюю преданность, в единении с

ним и народом пойдут вместе с ним против генералов! А может быть? Ни одного шансика терять не нужно. Ну, а если думцы настроены так же, как Алексеев с своими генералами — «давай им отречение», так ведь он уже пережил психологическую подготовку, он уже отрекся, — и можно будет поразить их великим спокойствием и чинной обрядностью отречения. В сущности, на отречение никакого чина и обряда не было создано; но Николай любил делать все округло и аккуратно.

4

Флигель-адъютант Мордвинов перехватил депутатов. Еще не остановился поезд, как он уже был в обширном темном купе, слабо освещенном огарком свечи. «Его величество вас ожидает и изволит тотчас же принять», — сказал Мордвинов Гучкову и Шульгину. Гучков вспоминал потом: «Я хотел сперва повидать генерала Рузского для того, чтобы немножко ознакомиться с настроением, которое господствовало в Пскове, узнать, какого рода аргументацию следовало успешнее применить, но полковник очень настойчиво передал желание государя, чтобы я непосредственно прошел к нему». А Шульгин, почувствовав на расстоянии приближение особы царя, совсем ослабел от различных волнений, совсем развинулся и мог только нервно причитать. Вот его рассказ: «Поезд стал... Сейчас же кто-то подошел... Государь ждет вас... И повел нас через рельсы. Значит, сейчас все это произойдет. И нельзя отворотить? Нет, нельзя... Так надо... Нет выхода... Мы пошли, как идут люди на все самое страшное, — не совсем понимая... Иначе не пошли бы...»

Мордвинов повел по железнодорожным путям депутатов. По дороге вышел небольшой разговор, сохраненный Мордвиновым, очень характерный для одного из депутатов, приехавших требовать отречения, — для Шульгина.

«— Что делается в Петрограде? — спросил я их.

Ответил Шульгин. Гучков все время молчал и, как в вагоне, так и идя до императорского поезда, держал голову низко опущенною.

— В Петрограде творится что-то невообразимое, — говорил волнуясь Шульгин. — Мы находимся всецело в их руках, и нас, наверно, арестуют, когда мы вернемся.

«Хороши же вы, народные избранники, облеченные всеобщим доверием», — как сейчас помню, нехорошо шевельнулось в душе при этих словах. — «Не прошло и двух дней, как вам приходится уже дрожать перед этим народом»; хорош и сам «народ», так относящийся к своим избранникам.

— Что же вы теперь думаете делать, с каким поручением приехали, на что надеетесь? — спросил я волнуясь шедшего рядом Шульгина.

Он с какою-то, смутившею меня, не то неопределенностью, не то безнадежностью от собственного бессилия и как-то тоскливо и смущенно понизив голос, почти шепотом, сказал:

— Знаете, мы надеемся только на то, что, быть может, государь нам поможет...

— В чем поможет? — вырвалось у меня, но получить ответа я не успел».

Мордвинов привел депутатов в вагон-столовую императорского поезда. Сняли платье, ввели в салон. Их встретил старый, высокий, худой, изжелта седой генерал-адъютант барон Фредерикс. В салоне был еще и начальник Военно-походной канцелярии К.А.Нарышкин, которому поручено было вести запись разговора. Царь находился в своем вагоне. Воейков доложил ему о приезде депутатов, и через некоторое время, — вспоминает Мордвинов, — в кавказской казачьей форме, спокойный и ровный, государь прошел своей обычной неторопливой походкой в соседний вагон, и двери салона закрылись.

Царь поздоровался за руку (пожатие руки запомнилось Шульгину, и притом скорее как «дружелюбное!»), осмотрелся, спросил об отсутствии Рузского, предложил начать без него. В это время Рузский уже подходил к вагону. «Мы (свитские), — вспоминает Мордвинов, — увидели Рузского, торопливо подымавшегося на входную площадку салона, и я подошел к нему, чтобы узнать, чем вызван его приход. Рузский был очень раздражен и, предупреждая мой вопрос, обращаясь в пространство, с нервной резкостью, начал совершенно по-начальнически кому-то выговаривать: «Всегда будет путаница, когда не исполняют приказаний. Ведь было ясно сказано — направить депутацию ко мне. Отчего этого не сделали, вечно не слушаются...»

Я хотел его предупредить, что его величество занят приемом, но Рузский, торопливо скинув пальто, решительно сам открыл дверь и вошел в салон».

5

Маленький четырехугольный столик, придвинутый к зеленой шелковой стенке вагона. По одну сторону, опершись слегка о шелковую стенку, сидит царь, рядом с ним Гучков. Напротив — Шульгин и Фредерикс; между ними сел, пришедший немного позже, Рузский.

Начал говорить Гучков. «Я боялся,— вспоминал Шульгин сейчас же после события,— что Гучков скажет царю что-нибудь злое, безжалостное, но этого не случилось. Гучков говорил довольно долго, гладко, даже стройно в расположении частей своей речи. Он совершенно не коснулся прошлого. Он изложил современное положение, стараясь выяснить, до какой бездны мы дошли. Он говорил, не глядя на царя, положив правую руку на стол и опустив глаза. Он не видел лица царя, и, вероятно, так ему было легче договорить все до конца. Он и сказал все до конца, закончив тем, что единственным выходом из положения было бы отречение царя от престола в пользу маленького Алексея, с назначением регентом великого князя Михаила. Когда он это сказал, генерал Рузский наклонился ко мне и шепнул: «Это уж дело решенное»».

Речь Гучкова проконспектирована, очевидно, очень сжато Нарышкиным в протоколе отречения и затем совсем уже сжато передана им самим в показаниях перед следственной комиссией Временного правительства 2 августа 1917 года. Вот что говорил Гучков (в его собственной передаче): «Я сказал, что приехал от имени Временного думского комитета, чтобы осветить ему положение дел и дать ему те советы, которые мы находим нужными для того, чтобы вывести страну из тяжелого положения. Я сказал, что Петроград уже совершенно в руках этого движения, что всякая борьба с этим движением безнадежна и поведет только к тяжелым жертвам, что всякие попытки со стороны фронта насильственным путем подавить это движение ни к чему не приведут, что, по моему глубокому убеждению, ни одна воинская часть не возьмет на себя выполнения этой задачи, что, как бы ни казалась та или другая воинская часть лояльна в руках своего начальника, как только она соприкоснется с петроградским гарнизоном и подышит тем общим воздухом, которым дышит Петроград, эта часть перейдет неминуемо на сторону движения, и поэтому,— прибавил я,— всякая борьба для вас бесполезна».

В этот момент Рузский поддержал Гучкова. Он сказал:

«— Ваше величество, я должен подтвердить то, что говорит Александр Иванович; никаких воинских частей я не мог бы послать в Петроград».

Продолжаем передачу Гучкова:

«Я рассказал государю тот эпизод, который имел место накануне вечером в Таврическом дворце. Эпизод заключался в следующем: я был председателем военной комиссии, и мне заявили, что пришли представители царскосельского гарнизона и желают сделать заявление. Я вышел к ним. Кажется, там были представители конвоя, представители сводного

гвардейского полка, железнодорожного полка, несущего охрану поездов и ветки, и представители царскосельской дворцовой полиции — человек 25—30. Все они заявили, что всецело присоединяются к новой власти, что будут по-прежнему охранять имущество и жизнь, которые им доверены, но просят выдать им документы с удостоверением, что они находятся на стороне движения. Я сказал государю: «Видите, вы ни на что рассчитывать не можете. Остается вам только одно — исполнить тот совет, который мы вам даем, а совет заключается в том, что вы должны отречься от престола. Большинство тех лиц, которые уполномочили меня на приезд к вам, стоят за укрепление у нас конституционной монархии, и мы советуем вам отречься в пользу вашего сына, с назначением в качестве регента кого-нибудь из великих князей, например Михаила Александровича».

С первых слов Гучкова Николаю стало ясно, куда он клонит. Последний шансик исчез теперь уж бесповоротно. Надо только соблюсти внешность, показать этим скотам императорскую выдержку.

Шульгин, наблюдавший за царем, записал впечатление: «Государь смотрел прямо перед собой, спокойно, совершенно непроницаемо. Единственное, что, мне казалось, можно было угадать в его лице: «Эта длинная речь — лишняя».

Речь Гучкова приходила к концу. «Когда я [передает Гучков.— П.Щ.] все свои соображения изложил, я закончил тем, что государю только один шаг остается сделать, это — отречься. Но я сказал государю: «Я знаю, ваше величество, что то, что я вам предлагаю, есть решение громадной важности, и я не жду, чтобы вы приняли его тотчас. Если вы хотите несколько обдумать этот шаг, я готов уйти из вагона, подождать, пока вы придете к этому решению, но, во всяком случае, все это должно совершиться сегодня вечером. Я останусь час или полтора, и ко времени моего отъезда нужно, чтобы документ был в моих руках».

Гучков кончил.

С шелковых зеленых стенок вагона опустилась тишина.

И вот начал отвечать царь.

В стенограмме доклада Шульгина этот момент описан так: «Когда Гучков кончил, заговорил царь. Его голос и манеры были гораздо спокойней и деловитей. Совершенно спокойно, как о самом обыкновенном деле, он сказал: «Я вчера и сегодня целый день обдумывал и принял решение отречься от престола. До 3 часов дня я готов был пойти на отречение в пользу моего сына, но затем я понял, что расстаться с моим сыном я не способен,— тут он сделал очень короткую остановку и продолжал: — Вы это, надеюсь, поймете. Поэтому я решил отречься в пользу брата».

Гораздо позже, в «Днях», Шульгин вспоминал:

«После взволнованных слов А[лександра] И[вановича] (казалось Шульгину.— П.Ш.) голос его звучал спокойно, просто и точно. Только акцент был немного чужой — гвардейский».

В протоколе ответ царя изложен уже в закругленных, отредактированных фразах: «Ранее вашего приезда и после разговора по прямому проводу генерал-адъютанта Рузского с председателем Государственной думы, я думал в течение утра, и, во имя блага, спокойствия и спасения России, я был готов на отречение от престола в пользу своего сына, но теперь, еще раз обдумав положение, я пришел к заключению, что, ввиду его болезненности, мне следует отречься одновременно и за себя и за него, так как разлучаться с ним я не могу».

6

Александр Иванович Гучков был окончательно разочарован. Он волновался, подбирал аргументы, готовился к небывалому напору, но «настаивать ему не пришлось, это вышло легко и просто». Давая показания 2 августа 1917 года, А.И.Гучков рассказал о чувствах, испытанных им 2 марта, и дал любопытнейшую оценку поведения Николая.

«Вообще я должен сказать, что вся эта сцена произвела в одном отношении очень тяжелое впечатление. Как же все-таки такой важный акт в истории России,— не правда ли? — перемена власти, крушение трехсотлетней династии, падение трона! И все это прошло в такой простой, обыденной форме и, я сказал бы, настолько без глубоко трагического понимания всего события со стороны того лица, которое являлось главным деятелем в этой сцене, что мне прямо пришло в голову, да имеем ли мы дело с нормальным человеком. У меня и раньше всегда было сомнение в этом отношении, но эта сцена, она меня еще глубже убедила в том, что человек этот просто до последнего момента не отдавал себе полного отчета в положении, в том акте, который он совершал. Все-таки при самом железном характере, при самообладании, которому равного нельзя найти, что-нибудь в человеке дрогнуло бы, зашевелилось, вы почувствовали бы тяжелое переживание. Но ничего этого не было. Я должен сказать, что с этого момента, хотя и раньше я относился с достаточной суровостью к его советникам и его окружающим, но с этого момента я стал относиться к ним с сугубой суровостью: мне казалось, что эти люди должны были понять, что они имеют дело с человеком, который не может считаться во всех отношениях нормальным. По-видимому, человек с пониженной сознательностью, я сказал бы — с пониженной чув-

ствительностью, которая не давала ему возможности проходить все стадии и чувства, которые мы, нормальные люди, переживаем».

Гучков дает совершенно правильную разгадку режущей глаз выдержки Николая. Да, это — не сила воли, не присутствие духа, не героическое спокойствие; это — пониженная сознательность; при наличии такого состояния — неполная восприимчивость происходящего вокруг, неместимость в сознании некоторых представлений и положений. Николай был совсем средний человек, без каких-либо горизонтов. Всероссийский престол застал его врасплох, и он принял царство, как чиновник должность. Нужно было принять и нужно было служить. При крайне незначительном образовании, без какой-либо подготовки к царствованию из Николая и вышел царь-чиновник. С утра начиналась служба: он принимал доклады, давал аудиенции, а затем читал всеподданнейшие рапорты, доношения в огромном количестве — иногда до одурения. Не только читал, но и должен был выражать свое отношение, ставить пометы. Но тут выручали трафареты, общие места:

Вполне справедливо
верно
и я то же думаю
очевидно
весьма полезно
согласен
утешительно
грустно
надеюсь, так и будет
но почему и т.д.

По молодости лет Николай отделялся трафаретами, с годами стал делать отписки по существу царевой мудрости. Мудрость оказалась совсем немудреная; по старинке от родителя, от окружающих родственников и придворных — очень сереньких дворян-помещиков — усвоил Николай и трафареты управления. «От Господа Бога вручена нам власть царская над народом нашим, пред престолом Его мы дадим ответ за судьбы державы Российской» — вот мистическая формула неограниченного самодержавия, замечательная своей яркой нелепостью, своим бессодержательным нигилизмом. Но эта формула была крепко усвоена Николаем: в сущности, власть — ниоткуда, и не перед кем за нее отчитываться. Психологическое освоение этого положения вело к полному квиетизму*. В конце концов, у Николая не было

* Квиетизм — от *лат.* *quietus* — спокойный, безмятежный, *quies* — покой.—Ю.Е.

вкуса к власти, не было плотоядного и сладострастного наслаждения неограниченной властью, как, скажем, это было у Петра Первого, у Николая I, у Александра II, у Александра III. Царь-чиновник с мировоззрением среднего гвардейского поручика, с органической неспособностью к длительным мыслительным процессам, с невинными утехами. Весь в лоне семьи. Его влекут радости семейного очага, и круг жизни был бы не полон, если бы не маленькие удовольствия, которым можно предаться в минуты досуга от трудов царствования. Хорошо подышать свежим воздухом, погулять, поохотиться в заповедных фазанниках или — еще скромнее — пострелять ворон; поиграть в домино, посмотреть фотографии и наклеить в альбом (горы альбомов переклеил!); поехать в привилегированный гвардейский полк на полковой праздник и здесь, в собрании, в кругу вернопреданных офицеров, немного «намазаться» — много ли царю надо! Вот и все маленькие «удовольствия» Николая. Впрочем, кроме этих удовольствий чисто физического порядка, были и духовные — самого высокого для Николая порядка: душеспасительные беседы с достопочтенным Григорием Ефимовичем Распутиным. Тщательно записывал царь в дневнике эти высочайшие моменты духовной жизни. «Вечером имел удовольствие побеседовать с Григорием — с 9 ч 45 мин до 11 ч 30 мин». «Вечером хорошо беседовали с Григорием» и т.д.

Вот он весь тут, всероссийский самодержец, в маленьких удовольствиях. Что с него взять? Взятки гладки. Ему по плечу Воейков, Фредерикс и прочие заведомые и патентованные ничтожества. И среди этих детей ничтожных мира, быть может, он всех ничтожней! Но он не поэт, не мечтатель; он без порывов, без крыльев. И события он воспринимает в своем сознании только обыкновенные, а если это — необыкновенные, то он обязательно должен или воспринять их как обыкновенные, снизить их до обычных, или же пройти величественно мимо них, не снизойдя до них, не нарушая безмятежного спокойствия ограниченных возможностей.

Так было и с отречением. Это Гучкову казалось необычайным — крушение трехсотлетней династии, падение трона, а Николаю все это представлялось делом обыкновенным. В примечании к своей личной жизни он понимал отречение так: труды царствования с него будут сняты, он будет обыкновенным человеком, будет вести обыкновенную жизнь, и обыкновенные утехи ему останутся. Дубенский рассказывает, что, когда царь говорил с С.П.Федоровым, «ведь он наивно думал, что он может отказаться от престола и остаться простым обывателем в России, и когда С.П.Федоров ему сказал: «Ваше величество, ведь это совершенно невозможно», — он ответил: «Неужели вы думаете, что я буду интриговать? Я

буду жить около Алексея и его воспитывать». Ведь он говорил: «Я должен прямо сказать, я не могу расстаться с Алексеем»».

Очевидно, и революция, лишь только он отказался от трона,— стала казаться ему тоже чем-то обыкновенным.

7

Депутаты не получили того, что они должны были привезти в Петроград. Царь спутал их карты, отказавшись от престола не только за себя, но и за сына. Престол он передавал брату Михаилу. Это не входило в планы буржуазных думцев и не устраивало положения, но, подумав, они решили остаться при добытых результатах и не развивать дальше энергии.

Главное было сделано. Предстояло оформить отречение. Гучков вручил царю проект отречения, набросанный Шульгиным. Царь ответил, что проект уже составлен, и удалился к себе. В 11 ч 40 мин царь вернулся в вагон и передал манифест об отречении Гучкову. «Депутаты,— записано в протоколе об отречении,— попросили вставить фразу о присяге конституции нового императора, что тут же было сделано его величеством. Одновременно были собственноручно написаны его величеством указы Правительствующему сенату о назначении председателем Совета министров князя Львова и Верховным главнокомандующим Николая Николаевича. Чтобы не казалось, что акт совершен под давлением приехавших депутатов, и так как самое решение об отречении от престола было принято его величеством еще днем, то днем по совету депутатов на манифесте было поставлено при подписи 3 часа дня, а на указах Правительствующему сенату — в 2 часа дня».

Главное было сделано. Присутствующие испытывали какую-то неловкость. Протокол сохранил следы разговоров, ненужных и лишних. Они характерны. Таков короткий диалог между царем и Гучковым:

«Царь. Давая свое согласие на отречение, я должен быть уверенным, что вы подумали о том впечатлении, какое оно произведет на всю остальную Россию. Не отзовется ли это некоторою опасностью?»

Гучков. Нет, ваше величество, опасность не здесь. Мы опасаемся, что если объявят республику, тогда возникнет междоусобие.

В этом диалоге хороши оба: и отрекшийся царь, решивший попутать своего врага возможностью восстания за него, и Гучков, уже знавший, что народные массы о династии и слышать не хотят. Диалог продолжался.

Гучков. У всех рабочих и солдат, принимавших участие в беспорядках, уверенность, что водворение старой власти —

это расправа с ними, а потому нужна полная перемена. Нужен на народное воображение такой удар хлыстом, который сразу переменял бы все. Я нахожу, что тот акт, на который вы решились, должен сопровождаться и назначением председателем Совета министров князя Львова.

Царь. Я хотел бы иметь гарантию, что вследствие моего ухода и по поводу его не было бы пролито еще лишней крови.

Шульгин. Может быть, со стороны тех элементов, которые будут вести борьбу против нового строя, и будут попытки, но их не следует опасаться. Я знаю, например, хорошо город Киев, который был всегда монархическим; теперь там полная перемена.

Царь. А вы думаете, что в казачьих областях могут возникнуть беспорядки?

Гучков. Нет, ваше величество, казаки все на стороне нового строя».

По просьбе депутатов был изготовлен еще один экземпляр отречения.

Все было кончено.

Слово Шульгину:

«Государь встал... Мы как-то в эту минуту были с ним вдвоем в глубине вагона, а остальные были там — ближе к выходу... Государь посмотрел на меня и, может быть, прочел в моих глазах чувства, меня волновавшие, потому что взгляд его стал каким-то приглашающим высказаться... И у меня вырвалось:

— Ах, ваше величество... Если бы вы это сделали раньше, ну, хоть до последнего созыва Думы, может быть, всего этого...

Я не договорил...

Государь посмотрел на меня как-то просто и сказал еще проще:

— Вы думаете — обошлось бы?

Государь смотрел на меня, как будто бы ожидая, что я еще что-нибудь скажу.

Я спросил:

— Разрешите узнать, ваше величество, ваши личные планы? Ваше величество поедете в Царское Село?

Государь ответил:

— Нет... Я хочу сначала проехать в Ставку... проститься... А потом я хотел бы повидать матушку... Поэтому я думаю или проехать в Киев, или просить ее приехать ко мне... А потом — в Царское...

Теперь, кажется, было уже все сделано. Часы показывали без двадцати минут двенадцать. Государь отпустил нас».

Мы уже приводили первую половину записи, сделанной в дневнике Николая за 2 марта. Воспроизводим конец записи: «Нужно мое отречение... Я согласился. Из Ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с кот[орыми] я переговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена, и трусость, и обман!» Стоит подчеркнуть одно слово: он «переговорил».

Глава VII

ПОСЛЕ ОТРЕЧЕНИЯ

1

В час ночи оплеванный императорский поезд тронулся в путь. Человек, который записал в своем дневнике только что процитированные строки, после тяжелых треволнений заснул. «Спал долго и крепко, проснулся далеко за Двинском. День стоял солнечный и морозный. Говорил со своими о вчерашнем дне. Читал много о Юлии Цезаре», — записал бывший царь в дневнике на следующий день, 3 марта. В этот же день он узнал, что великий князь Михаил отрекся от престола в пользу Учредительного собрания. Царь записал: «Оказывается, Миша отрекся. Его манифест кончается четыреххвосткой для выборов через 6 месяцев Учредительного собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость...»

2

«— А, и вы, Мордвинов, вышли подышать свежим воздухом!» — сказал Николай Романов, прогуливаясь во время остановки поезда на одной из глухих станций 3 марта. Сказал и продолжал идти вперед.

«Я пошел рядом с ним, — вспоминает Мордвинов. — Мы были совершенно одни — все мои товарищи по свите оставались в вагоне. Ординарец, урядник конвоя находились далеко.

Впервые за эти мучительные дни мне явилась неожиданная возможность остаться на несколько минут с глазу на

глаз с государем, олицетворявшим мне мою родину, с человеком, которого я так любил и за которого теперь так страдал...

Я чувствовал его душевное состояние, мне так хотелось его утешить, облегчить. Я посмотрел на него и вдруг заговорил почти бессознательно и так глупо и путано, что до сих пор краснею, когда вспоминаю эти взволнованные «успокоения», оставшиеся в наказание у меня в памяти.

— Ничего, ваше величество, — сказал я, — не волнуйтесь очень, ведь вы не напрашивались на престол, а, наоборот, вашего предка в такое же подлое время пришлось долго упрасивать, и, только уступая настойчивой воле народа, он, к счастью России, согласился нести этот тяжелый крест... нынешняя воля народа, говорят, думает иначе... что ж, пускай попробуют, пускай управляют сами, если хотят! Насильно мил не будешь, только что из этого выйдет. — При этих словах государь приостановился.

— Уж и хороша эта воля народа! — вдруг с болью и непередаваемой горечью вырвалось у него.

3

К ночи на 3 марта поезд пришел в Могилев, в Ставку. Гучков передает рассказ одного из старых великих князей о первой — после отречения — встрече с Николаем. «Господи, Господи, — говорил великий князь, — что это за человек! Я видел государя после отречения, и вы знаете, что он мне сказал: «Ну, что, как у тебя там-то?» — и назвал имение, где великий князь всегда живет». И опять Гучков возвращается к своим впечатлениям от акта отречения: «Мы [т.е. Гучков и Шульгин. — П.Щ.] могли подумать, что перед нами это была комедия, что он взял всю свою твердость и мужество в руки, чтобы не показаться ослабевшим, но ведь великий князь — «это человек свой, они встретились вдвоем с глазу на глаз, он сам принадлежал к царской семье из самых старых, человек, перед которым не надо было прикидываться, за которого он так же отрекся... так что, казалось бы, что отзвук хотя какой-нибудь переживаемой трагедии должен был быть».

Никаких отзвуков не было, потому что и самой трагедии не было.

А душа Александры Федоровны там, в Царском Селе, разрывалась на части от оскорблений, нанесенных семье Романовых. А самое отречение представлялось ей последовательным и логичным. По ее мнению, Николай не мог подписать «противного тому, в чем он клялся на своей корона-

ции»; не мог подписать конституции, ограничивающей самодержавие, данное Богом. В страстном письме бывшая царица посылала мужу совершенно экстатические утешения: «Я вполне понимаю твой поступок, о, мой герой!.. Мы в совершенстве знаем друг друга, нам не нужно слов, и, клянись жизнью, мы увидим тебя снова на твоём престоле, вознесенным обратно твоим народом и войсками во славу твоего царства. Ты спас царство, твоего сына, и страну, и свою святую чистоту, и (Иуда Рузский) ты будешь коронован самим Богом на этой земле, в своей стране».

В Ставке Николай свиделся со своей матушкой, вдовой Александра III, Марьей Федоровной. «Матушка приехала на два дня, так уютно, мило обедаем с нею в поезде. Опять снежная буря. В мыслях и молитвах с вами», — телеграфировал Николай взволнованной и раздраженной жене в ответ на ее успокоения. Разговоры с мамой были грустные, но нашлось время, и Николай Александрович Романов поиграл с матерью в безик. Ему казалось: все вошло в колею обыкновенной жизни обыкновенного человека.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ НИКОЛАЯ ВТОРОГО

Глава 1

МОЛОДОСТЬ

1

Последний царь из династии Романовых, последний русский самодержец император Николай, расстрелянный в Екатеринбурге в июле 1918 года, ждет своей характеристики. Бесспорной кажется его историческая роль; в темных и зловещих красках рисуется его образ в сознании народных масс... Кровь, кровь, кровь... Катастрофа при восшествии на престол на Ходынке, японская война, революция 1905 года, кровавая реакция, мировая война... Уже стал нарицательным эпитет «Николай II Кровавый». Но за этим эпитетом, за этим зловещим и темным образом надо почувствовать, освоить человека. С одной стороны, нам, современникам, легче понять и почувствовать личность Николая, но, с другой стороны, в руках исследователя мало еще проверенного, отстоявшегося материала. В самом деле, в нашем распоряжении имеются воспоминания, писанные или приближенными Николая, выброшенными за рубеж волнами русской революции, или дипломатами, находившимися при русском дворе. Мемуаристы русские, за малыми исключениями, хранят подобострастные чувства к особе в Бозе почившего, и в их характеристиках он является ангелом во плоти; если они про себя и знают, что этот ангел бывал временами мелким злым демоном, то сейчас они этого не скажут: не пришло еще время развязаться их языкам. Мемуаристы иностранные, дипломатические агенты и представители писали свои воспоминания по личным впечатлениям, но они тоже не беспристрастны: они оценивали личность русского монарха сквозь призму интересов своей страны. Все эти зарубежные воспоминания требуют чрезвычайно осторожного и критического отношения.

Этим материалам для характеристики Николая надо противопоставить другой источник первоклассного значения и подлинной достоверности: это — высказывания самого Николая. Они сохранились в письмах и дневниках. Нельзя не пожалеть, что дневники последнего царя не изданы до сих

пор полностью. Правда, средний читатель — и читатель не только наш советский средний, но и в масштабе европейском и мировом — вряд ли одолел бы эти десятки тетрадей, написанных ровным почерком и удивительно утомительных, нудно-однообразных. Но для историка знакомство с этими тетрадями совершенно необходимо.

Правда, для среднего читателя берлинское издательство Ульштейна выпустило краткую, но вразумительную выборку из этих дневников. Но помимо писем и дневников, высказывания Николая сохранились в многочисленных резолюциях, положенных им на всевозможнейших, так называемых всеподданнейших, докладах. Это те резолюции, которые покрывались лаком для сохранения на вечные времена, о которых нельзя было выражаться иначе как: «собственною его императорскою рукой начертать соизволил». Пишущий эти строки имел случай ознакомиться в 1917 году с резолюциями Николая II в количестве весьма почтенном и в дальнейшем изложении широко пользуется этим своеобразным биографическим источником.

2

Предварительно несколько слов о молодости Николая II, и прежде всего о его образовании. Николай II получил образование довольно легковесное. Если для его деда, Александра II, родители с особенным тщанием выбирали учителей и наставников, придавая особенное значение воспитанию наследника трона, то родители Николая II установили для него «пониженный» уровень. Правда, преподавал науки Николаю целый синклит: тут и проф. Замысловский (русская история), и Н.Х.Бунге (финансовая наука), и сам К.П.Победоносцев, и Н.Н.Бекетов (химия). Но за всем тем и это образование пониженного уровня не вызывало в нем приятных эмоций. По крайней мере, не без удовольствия записал он в дневнике за 1890 год: «Закончил образование окончательно и навсегда». В это время ему было 22 года. Витте и Победоносцев — невысокого мнения об образовательных результатах, достигнутых Николаем. Да и как их было достигнуть, когда профессорам запрещено было задавать вопросы ученику, а у ученика не было никакой охоты спрашивать. «А «августейшие» родители, когда им указывали на небыстрые успехи сына, говорили: «Да он еще маленький!» Витте, пристально наблюдавший за Николаем, пришел в конце концов к заключению: «Император Николай II по нашему времени обладает средним образованием гвардейского полковника хорошего семейства».

Общее образование сменилось специальным, конечно военным. Военные науки преподавали наследнику престола известные военные специалисты: генералы Пузыревский и Леер. Молодой наследник не чувствовал, очевидно, ни восторга, ни интереса к лекциям прославленных военных ученых; «был изведен Пузыревским», — заносил в дневник Николай после лекции генерала. А о Леере записывал: «Занимался с Леером, чуть не заснул от усталости» или: «Встал поздно, чем урезал Лееру его два часа».

3

Науке час, потехе время. Дни наследника были посвящены утехам и забавам. Дневник пестрит записями об обычном времяпрепровождении. Вот на выбор несколько записей.

«12 января. Пятница. Встал в 10 1/2; я уверен, что у меня сделалась своего рода болезнь — спячка, т.к. никакими средствами добудиться меня не могут. Принял поручика Машкова, проводшего два года в Абиссинии. Катались на катке без Воронцовых. После закуски поехали в Алекс[андринский] т[еатр]. Был бенефис Савиной «Бедная невеста». Отправились на ужин к Пете. Порядочно нализались и изрядно повеселились».

«23 января. Вторник. Сегодня было мое маленькое приемное утро. Завтракали: д[ядя] Альфред, Н.К.Гирс и Оболенские. На катке было очень весело. Я наконец одел коньки и валял во всю мочь за мячиками. Пили чай с Воронцовыми и Ольгой. Страшно дрались с ними у Ксении. В 7 часов обедали у Оболенских. Отлично танцевали у Воронцовых до 3 часов»

«21 февраля. Среда. Занимался менее часа с Пузыревским: он меня извел. Затем в 11 1/2 поехал к тетеньке на репетицию нашего спектакля. Сазонов (актер) присутствовал и давал советы. Завтракали. Солнце грело по-весеннему. Закусывали, в 8 часов приехали к Сандро [великий князь Александр Михайлович.— П.Ш.]. Играли форменно в рулетку: я проиграл 9 руб[лей]. После этого весело ужинали с песнями».

Число записей из дневника можно было бы увеличить, но все они похожи, как капля воды, все они с одинаковой монотонностью рисуют устойчивый и однообразный быт, окружавший Николая. Посещение театров, редко драмы, а чаще всего балеты, оперы французского театра... Веселый пляс на вечерах у августейших (Щереметьевых, Оболенских, Воронцовых). Здесь «веселились за разными танцами», устраивали возню, небольшую и большую, с женской молодежью этих домов в темных коридорах и комнатах... «У Щереметьевых много возились, бегая по всему дому по темным

коридорам». Или: «Пили чай вместе, что окончилось отчаянной возней». Читатель может сам разгадать, в чем состояла возня.

Обильными возлияниями сопровождалась эта жизнь. Пьянство было в ходу. То и дело читаем в дневнике: «Закусывали с подобающими винами и песнями...» «После завтрака было принято соответствующее количество влаги...» «Пили дружно...» «Пили хорошо...» «Засиделся за мадерой...» «(За охотой) пили из рога шампанское вкруговую» и т.д.

И когда, наконец, домашние забавы надоедали, Николай со своими родственниками находил еще одно занятие, совсем невинное: «Смотрели от скуки через забор на Невский», или «играли с Сандро и Оболенским, как малые дети, в прятки»... Или (в Крыму): «Утром, после кофе, дрались каштанами сначала перед домом и кончили на крыше».

Так изо дня в день жил двадцатидвухлетний наследник русского престола.

4

Зима сменялась летом. Зимние утехи уступали место летним, и наследник продолжал утешаться. По летам полк, в котором служил Николай, — л.-гвардии Гусарский, уходил в лагеря в Красное Село. Лагерное препровождение описано в царских дневниках. Оно мало чем отличалось от городского. Не в развитии воинских доблестей было дело. Веселиться — вот закон наследника.

1. «22 июня. Пятница. Бивак у Царской Славянки. Утром отдавал различные распоряжения насчет имущества, которое идет в лагерь. В 5 часов выступили всем полком в Царскую Славянку под командою дяди Павла... Замечательно весело провели всю ночь: обедали, возились на сене, бегали в саду, прыгали, лазили на крышу и после ужина рассказывали анекдоты. Вечер и ночь идеальны».

2. «29 июля. Воскресенье. В 10 часов поехал в Красное к обедне. Семейство завтракало одно в садовой палатке. В 2 часа были обязательные с качки, прошедшие благополучно. В 6 часов происходили Красносельские скачки: скоро и удачно. После основательной закуски у кавалергардов поехал в театр. На Горке был ужин с испанцами, цыганами и малороссиянами».

3. «30 июля. Понедельник. Вид вниз и восход солнца были превосходны. Дело на Горке разгорелось и продолжалось до 11 часов утра. Я был отнесен офицерами домой. Встал в 5 час[ов], совсем свежий. Подкрепившись чаем, поехал в Красное. Закусывал у папа. Были в театре. Разговаривал с маленькой Кшесинской через окно».

«31 июля. Вторник. Вчера выпили 125 бут. шамп[анско-го]».

Маленькая запись о Кшесинской вводит нас в новый круг утех и забав наследника. Как раз к красносельским лагерям 1890 года относится первая встреча с балериной императорского балета Матильдой Феликсовной Кшесинской. Летом 1890 года этой балерине суждено было войти в недра императорской фамилии и остаться в них. Она захватила Николая при первом же свидании. «Кшесинская 2-я мне положительно очень нравится» или «положительно Кшесинская 2-я меня очень занимает», — записывает Николай в дневнике. А в июле послушный сын уже ведет с отцом разговор о связи с Кшесинской. А когда полк покидал красносельский лагерь и около красносельского театра происходило освящение штандартов, Николай переживал любовь этого лета. «Стоянка у театра дразнила своими воспоминаниями». Но Кшесинская Кшесинской. Кроме связи, наследник должен был думать и о браке, о жене законной. У Николая как раз в медовый момент связи с Кшесинской были мечты о женитьбе как раз на той, кто стала его женой, — принцессе Алисе Гессенской. И в то время, когда воспоминания о любви Кшесинской дразнили и ласкали его воображение, он записывал: «Моя мечта — когда-либо жениться на Аликс Г[ессенской]. Я давно ее люблю, но еще глубже и сильнее с 1889 г[ода], когда она провела шесть недель в Петербурге». Поистине: за неимением гербовой — на простой. Матильда Кшесинская, как известно, и после женитьбы Николая осталась в доме: сначала она перешла к великому князю Сергею Михайловичу, а от него — к великому князю Андрею Владимировичу.

Но возвращаемся к военным занятиям наследника. Лагери заканчивались маневрами, а затем осенними охотами. Но времяпрепровождение не менялось. Так, 3 сентября 1890 года наследник записал:

«Спал. Приехали сюда в 5 часов. С папа и д[ядей] Владимиром отправился пешком к дому. День был серый, но теплый. Завтракали с прежним обществом в симпатичной столовой. Живу в прежней комнате. Гуляли в лесу и осматривали новый дом, в кот[ором] живет Николаша. Вечером приехала Апрак. За обедом пили из рога, отчего некоторые генералы намокли. После игры в бильярд ушел спать».

Но участие в лагерной жизни, в маневрах приносило, кроме любовных утех, еще и служебные отличия. Так, орден св.Владимира 4-й степени был пожалован наследнику «За четыре лагеря».

Так безмятежно, тихо, весело текли дни, недели, месяцы, годы «великой стези» от наследника цесаревича к государю императору.

Для окончательного завершения и отшлифовки образования попечительные родители решили отправить сына в путешествие на Восток. Идейным руководителем был выбран князь Э.Э.Ухтомский. Но записи дневника, сделанные Николаем во время путешествия, хранят красноречивое молчанье об образовательных результатах путешествия. Изумительные красоты природы, замечательные памятники искусств, неведомые страны и люди — все это проходило мимо царственного путешественника, оставалось невосприимчивым. Невосприимчивость психики Николая надо отметить: это — основная черта его психологии, чрезвычайно многое объясняющая в его действиях и поведении. Произведения искусств не трогали Николая. Вот он на Ниле перед Луксорским храмом — чудом света. Со всех концов мира стекались путешественники взглянуть на него. Николай тоже посмотрел и записал: «17 ноября. Суббота. На Ниле. В 6 часов пошли дальше и к завтраку, т.е. к 12 час., остановились в Луксоре. Пошли осматривать Луксорский храм, а затем на ослах Карнакский храм. Поражающая громадина...». И все. Да, все, ни слова больше. О тропической природе запись дневника не менее красноречива: «Странно находиться под тропиком. Температура была его достойна». Вдали от русского двора, под тропиками, пришлось вспомнить старые, привычные утехы — балет и вино. Балет на Востоке представлен альмеями — танцовщицами, предлагающими и танцы, и любовь. Сначала Николай не воспринял альмей. «Смотрели на танцы альмей. Ничего особенного». Но через день восприимчивость к альмеям сильно повысилась. «После обеда отправились тайно смотреть на танцы альмей. Этот раз было лучше, они разделись и выделывали всякие штуки с Ухтомским». На следующий день к альмеям уже потянуло: «Опять были у альмей. Немного выпили в Hotel «Luxor» и напоили нашего консула».

Так совершал образовательную поездку наследник. Впрочем, это путешествие сыграло большую роль в развитии политического миросозерцания Николая. Князь Ухтомский привил Николаю тягу на Восток, и без того суеверный ум Николая он окутал еще туманными мистериями на тему о царе и повелителе, которого ждет Восток, Тибет, Монголия и который явится в последнем воплощении дао-эхе — в белом царе.

Но были и государственные занятия. Наследник должен был присутствовать на заседаниях Государственного совета и изучать здесь на практике науку управления государством. Не тянуло наследника к заседаниям. «Сегодня не было заседания Госуд[арственного] совета, и я этого не оплакивал», — простодушно записал Николай в своем дневнике. Об умственных интересах записей в дневниках мы не находим. Совершенно нет упоминаний о прочитанных книгах, о каких-либо беседах на отвлеченные темы. Круг интересов, которыми жил Николай в своей молодости, крайне ничтожен, незначителен. Влияний сколько-нибудь благотворных и крупных он не испытывал. От родителей он тоже ничего не мог усвоить, да по духовной части мало что мог дать Александр III. В этой среде складывалось миросозерцание будущего императора и самодержца. Миросозерцание в конце концов оказалось среднеофицерским и даже просто среднеармейским. Николай стал царем раньше, чем можно было этого ожидать, и так и застыл в этом миросозерцании, и никакие уроки, ни роковые события царствования не внесли изменения.

Нелишнее привести характеристику, которую мы читаем в дневнике очень тонкого наблюдателя, впоследствии министра иностранных дел, графа Ламздорфа.

«Что бы не говорили, а его императорское высочество не вырос и не возмужал. Это довольно миловидный офицерик: белая, отороченная мехом форма гвардейских гусар ему идет, но в общем вид у него такой заурядный, что его трудно заметить в толпе; лицо его не выразительно; держит он себя просто, но в манерах нет ни элегантности, ни изысканности».

6

Весь в кругу семьи, поглощенный повседневными и однообразными утехами, Николай не воспитал вкуса и не приобрел интереса к жизни страны, народа, общества. Дневники поражают решительным отсутствием каких-либо записей о явлениях общественной жизни. Страна пережила в 1891—1892 годах голод и медленно начинала оправляться от его последствий в следующем году. И вот девизом Нового года наследник берет пожелание своего отца: «Дай Бог, чтобы наступивший год прошел так же счастливо и спокойно, как прошлый». Но этот год принес крупнейшие события. Заболел Александр III; его болезнь выдвинула вопрос о женитьбе наследника. Николай был верен своим мечтаниям об Алисе Гессенской, и на этот раз родители должны были уступить желаниям сына и дать согласие на брак. Трудно сказать, кто больше хотел этого брака — Николай или Алиса. Маленькая

немецкая принцесса, гостившая при русском дворе у своей сестры Елизаветы Федоровны, бывшей замужем за великим князем Сергеем Александровичем, не могла не отдать предпочтения широким русским горизонтам в сравнении с мизерной немецкой жизнью провинциальных принцесс. Она достигла своей цели, стала невестой наследника русского престола. В апреле 1894 года Николай с блестящей свитой, в сопровождении своих дядей — великих князей Владимира, Сергея, Павла, покатыл в Кобург делать предложение Алисе. Первое объяснение состоялось 5 апреля. «Нас оставили вдвоем и тогда начался между нами тот разговор, которого я давно сильно желал и вместе очень боялся. Говорили до 12 часов, но безуспешно, она все противится перемене религии. Она, бедная, много плакала. Расстались более спокойно». Но религия была, конечно, препятствием мнимым, и через три дня была объявлена помолвка. Привожу запись Николая: «8 апреля. Чудный, незабвенный день в моей жизни — день моей помолвки с дорогой, ненаглядной моей Аликс... Мы объяснились между собой. Боже, какая гора свалилась с плеч; какой радостью удалось обрадовать дорогих папа и мама! Я целый день ходил как в дурмане, не вполне сознавая, что, собственно, со мной приключилось! Вильгельм сидел в соседней комнате и ожидал окончания нашего разговора с дядями и тетями. Сейчас же пошел с Аликс к королеве (английской, Виктории) и зашел к тете Мари, где все семейство долго на радостях лизалось». — Так вошла в жизнь Николая Алиса Гессенская.

Через две недели после помолвки Николай поехал в Россию, а Алиса вместе с королевой Викторией в Англию. В июне 1894 года наследник на яхте «Полярная Звезда» совершил путешествие в Англию и провел несколько недель с невестой. Здесь произошло сближение с Алисой. Блаженное житье, хорошие, тихие вечера вдвоем с душкой Аликс и т.д. Николай показал невесте свои дневники; не понимая языка, она испещрила их записями о своей любви на немецком и английском языках. Записи — смесь сентиментальных излияний с религиозно-нравственными изречениями, свидетельствующая о наличии в чувстве религиозно-сентиментальной эротики: «Господь — любовь; ангел-хранитель — жаркий поцелуй; горячие молитвы — Господь ведет нас; я мечтаю о поцелуях, которые остаются навсегда». — Повышенный и обостренный эротизм на религиозной почве с патологическим оттенком характеризует любовное чувство Александры Федоровны на всем протяжении ее жизни с Николаем.

Этим чувством она захватила Николая навсегда; были измены, но основная верность была отдана ей. Николай под-

чинялся не только сладкому влиянию чувства, но и уму своей суженой. Она была умнее, много умнее Николая и образованнее. Она сознает свое умственное превосходство, но не дает заметить его. Она постепенно устраняет, одно за другим, все духовные влияния на Николая и приблизительно к середине царствования становится единым властителем его дум.

7

В сентябре осложнилась болезнь Александра III. Врачи отправили его в Крым. Семья переехала туда же. А в октябре родители разрешили сыну выписать невесту. Между заботами об отце и тихими любовными радостями протекали октябрьские дни 1894 года. Алиса уже усвоила основы православной веры, уже вышивала воздушы для Даров в день, когда она должна была причащаться по православному обряду, а Николай, заменяя отца, читал бумаги министров. И вот у одра умирающего отца начался удивительный и тончайший процесс воздействия на Николая. Маленькая немецкая принцесса сразу осмотрелась в новой обстановке, сразу увидела, что ее будущий муж вовсе не занимает среди своей семьи подобающего наследнику престола положения, что на него смотрят как на доброго, покладистого молодого человека, которому не до дел, не до власти. Раскрыв 16 октября свой дневник, Николай нашел в нем запись по-английски, сделанную рукой невесты. Вот она: «Дорогой мальчик! Люблю тебя, о, так нежно и глубоко! Будь стойким и прикажи д[октору] Лейдену и другому Г. приходить к тебе ежедневно и сообщать, в каком состоянии они его находят, а также все подробности относительно того, что они находят нужным для него сделать. Таким образом, ты обо всем всегда будешь знать первым. Ты тогда сможешь помочь убедить его делать то, что нужно. И если д[окто]ру что-либо нужно, пусть приходит прямо к тебе. Не позволяй другим быть первыми и обходить тебя. Ты — любимый сын отца, и тебя должны спрашивать и тебе говорить обо всем. Выяви твою личную волю и не позволяй другим забывать, кто ты. Прости меня, дорогой!» Эта формула внушения, впервые примененная в 1894 году, стала типичной в отношениях Александры Федоровны к Николаю. Их переписка прямо пестрит неоднократными повторениями этой формулы. И через 22 года, в феврале 1917 года, жена повторяет мужу ту же фразу: «Твори свою волю...» В действительности, делай, что я хочу, но думай, что этого хочешь ты.

Первый опыт применения внушения открывает нам и заветное ее желание. Принцесса Гессенская жаждала в л а с т и, в л а с т и; вдруг почувствовала, что ее жених не имеет

настоящего вкуса к власти, и тут же поставила целью жизни привить ему свое властолюбие. Можно с категоричностью утверждать, что, не встретив Николай на своем пути Алису, история его жизни сложилась бы совсем по-иному.

20 октября 1894 года умер Александр III, императором и самодержцем всея Руси стал двадцатипятилетний Николай. 14 ноября состоялось бракосочетание, и Алиса Гессенская стала русской императрицей. О ней говорили, что она въехала в Россию с гробом Александра III. Она никому не понравилась, гордая, неприятная, враждебная. Родственники не полюбили ее, придворные тоже. Молодая царица оставалась одинокой. Единственная опора — муж. Тем острее и напряженнее процесс психологического на него воздействия.

Николай — царь! Молодость окончилась. Началась стезя императорская.

В первые же дни царствования министр финансов, знаменитый С.Ю.Витте, разговорился с министром внутренних дел И.Н.Дурново. Витте вспоминает:

«Мы были, конечно, в довольно тяжелом и грустном расположении духа. Вот И[ван] Н[иколаевич] обратился ко мне и говорит: «Что же вы, С[ергей] Ю[льевич] думаете относительно нашего нового императора?» — Я ответил, что о делах говорил с ним мало, знаю, что он совсем неопытный, но и не глупый, и он на меня производил всегда впечатление хорошего и весьма воспитанного молодого человека. Действительно, я редко встречал так хорошо воспитанного человека, как Николай II, таким он и остался. Воспитание это скрывает все его недостатки. На это И.Н.Дурново мне заметил: «Ошибаетесь вы, Сергей Юльевич, вспомните меня — это будет нечто вроде копии Павла Петровича, но в настоящей современности». Я затем часто вспоминал этот разговор. Конечно, император Николай II не Павел Петрович, но в его характере немало черт последнего и даже Александра I (мистицизм, хитрость и даже коварство)».

Победоносцев, бывший преподавателем Николая II, высказывался неопределенно о своем ученике и больше всего боялся, чтобы он по молодости своей и неопытности не попал под дурное влияние.

1

Александр III наследовал своему отцу, разорванному бомбой революционера. Самодержавие сотрясилось в своих основах, и несколько недель молодой царь колебался между двумя политическими курсами — пойти на уступки, дать какое-то почти призрачное представительство или отрясти прах от каких-либо либеральных начинаний и загнуть по старинке, по дедовским обычаям. Александр III выбрал второй курс, и через тринадцать лет царствования он мог констатировать «успокоение» страны. Тишь да гладь, а о революции и не слышно. Николаю II не пришлось и раздумывать о политических курсах. Оставалось идти по стопам в Бозе почившего. В манифесте о восшествии так и значилось: «Мы в этот скорбный и торжественный час вступления нашего на прародительский престол Российской Империи и нераздельных с нею Царства Польского и Великого княжества Финляндского вспоминаем заветы усопшего родителя нашего и, проникшись ими, приемлем священный обет пред лицом Всевышнего всегда иметь единою целью мирное преуспевание, могущество и славу дорогой России и устроение счастья всех наших верноподданных». Кажется, никогда в истории не была действительность так далека от воплощения намеченной в манифесте единой цели. Царствование Николая оказалось самым воинственным, разрушило могущество и славу царской России и расстроило счастье верноподданных всех классов.

Николаю оставались для руководства и наставления заветы родителя, и конституционные поправки, идеи, веяния просто не воспринимались его сознанием, он оставался к ним нечувствительным. Он был искренен, когда, прочитав присланный ему конституционный доклад в первый месяц царствования, написал на нем «чепуха». Либеральные общественные круги, здорово разбитые реакцией Александра III, собрались было с духом и попробовали представить молодому царю пожелания введения самых скромных конституционных навыков. Николай дал отпор с места. Принимая 17 января 1895 года депутации от дворянства, земств и городских обществ, царь сказал свою замечательную речь о бессмысленных мечтаниях: «Я рад видеть представителей всех сословий, съехавшихся для заявления верноподданных чувств. Верю искренности этих чувств, искони присущих каждому русскому, но мне известно, что в последнее время

слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земств в делах управления. Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный родитель». Очевидцы рассказывают, что Николай читал речь по бумажке, а бумажка лежала в шапке, которую он держал перед собой. Читал тихо, немного волнуясь, а, прочитав, сказал вдруг неестественно громко, как бы обидевшись: «Я говорю это громко и открыто». В дневнике он записал: «Утомительный день... Был в страшных эмоциях перед тем, чтобы войти в Николаевскую залу к депутациям..., которым я сказал речь».

Этой программе охраны начал самодержавия Николай и был верен, только охранял он их нетвердо и с уклонами, но в душе, в чувствах, в разуме он был самодержцем.

2

Николай начал царствовать, начал управлять огромным государством. В чем заключалось управление, какие функции надо считать царскими? Он не был подготовлен к управлению и был всего лишь кустарем, но он не испугался царской работы и скоро овладел механизмом царского управления. Порядок был введен. Царь принимал министров и выслушивал их доклады в назначенные часы, а затем читал так называемые всеподданнейшие доклады. С начала царствования в дневнике появляется новое слово: читал, читал, читал. Откуда такой вкус к чтению? Но это чтение особое — как раз всех этих докладов, рапортов, отчетов. Оно производило удручающее впечатление на Николая, он изнемогал под бременем чтения, но делать было нечего: он хотел добросовестно отправлять царскую службу. Взялся за гуж. Записи дневника отразили борьбу царя с бумагами. «Читал без конца губернаторские рапорты»... «Безжалостно много бумаг для прочтения»... «Одолеваю отчет Государственного совета»... «Вечером окончил чтение отчета военного министра — в некотором роде одолел слона»... «Много пришлось читать: одно утешение, что кончились заседания Комитета министров»... «Опять начинает расти та кипа бумаг для прочтения, которая меня так смущала прошлой зимой»... «Очистил кипу бумаг»...

Читал Николай доклады по всем отраслям управления: самодержец должен быть специалистом по всем вопросам. Но надо было еще оставить и видимые доказательства прочтения бумаг. Практика выработала ряд общих мест, трафаретных фраз, которыми царь отделялся при чтении бумаг. Особенно в первые годы царствования вырочали эти общие

места, эти битые трафаретные слова и фразы. Вот они, залакированные, глядят на нас со страниц бесчисленных всеподданнейших рапортов и свидетельствуют об умственных трудах монарха: *вполне справедливо; верно; и я то же думаю; очевидно; и я в этом убежден; весьма полезно; согласен; что-нибудь должно быть сделано; важный вопрос; надо рассмотреть; утешительно; грустно; надеюсь — так и будет; но почему и т.д.* Надо еще отметить, что все эти сентенции в огромном большинстве случаев относятся как раз к самым обыкновенным случаям и не вызывающим иных заключений.

Пометы царя в конце концов бессодержательны, но их можно было ставить без особой затраты умственной энергии. Хуже было, когда приходилось давать заключение на устные доклады министров, да еще когда этих докладов было не один, а два и больше. В один такой день, после трех докладов, царь «вышел походить поглупевшим» — так он записал в дневнике.

3

Еще хуже было с речами. Монарху должно было выступать со своим царским словом. На первых порах речи давались ему с превеликим трудом и волнениями. Умственный труд был мучителен для Николая — эту особенность его духовной личности надо настойчиво подчеркнуть. «Утром встал с ужасными эмоциями, так как в 9 1/2 должен был сказать несколько слов собравшимся. Это сошло, слава Богу, благополучно». Еще запись: «Пришлось говорить при приеме депутаций — голова кругом ходила, погулял немного по саду». Но и тут ораторству Николая пришли на помощь опять трафареты. В 1906 году было издано, по официальным данным, «Полное собрание речей императора Николая II». Книжка эта, измышленная социалистами-революционерами, была немедленно конфискована, ибо нельзя было придумать большей иронии над опытами царского красноречия. «Собрание речей» поразительно убожеством их содержания и формы. Сердечно благодарю за прием, пью за здоровье и преуспевание дорогого мне (такого-то) дворянства, пью за здоровье и процветание (такой-то) бригады и т.п. Вот речи размером побольше: «Я уверен, что вы (л.- гв. резервный пехотный полк) будете так же честно и славно служить, как служили деды и отцы»... Или: «С удовольствием принимаю ваш хлеб-соль; уверен, что будете сохранять такие же верно-подданнические чувства и впредь. Передайте мою благодарность вашему (киргизскому) народу»... Или: «Я рад быть в Москве хоть несколько часов в годину серьезных испытаний». Такие речи с изменениями в обращениях Николай

говорил многократно; они спасали его от необходимости затрачивать умственную энергию на придумывание новых фраз.

Не сразу, понятно, овладел механизмом управления молодой царь. Помимо формы была и какая-то маленькая сущность, которой не всегда могли научить и заветы Александра III. Но тут пришли на помощь и испытанные слуги государевы — министры и признанные отцом авторитеты, от них же первым был К.П.Победоносцев. Первые годы он следил, как бы Николай не подпал дурным влияниям, и обучал его искусству царствовать. Советы Победоносцева Николай принимал с благодарностью. Только через несколько лет, когда Николай осознал, что он заправский царь, что он уже овладел всеми кунштюками управления, он стал тяготиться влиянием окружавших его сановников и устранять от общения с собой всех умственно его превосходивших. Надо отметить, что духовная руководительница царя, его жена, первые годы ушла с головой в семейную жизнь, в воспитание детей, и политикой не интересовалась и в дела управления не вмешивалась.

Так, год за годом «совершенствовался» в царской службе Николай II. Времяпрепровождение в царском быту в первые годы мало изменилось. Родственники, выезды, обеды. Для утех осталось мало досуга, да и утехи теперь пошли семейные. Прогулки с женой, катанье на коньках, развеска пошлейших картинок по стенкам, составление альбомов и охота... Выпивки, не столь частые и обильные. Вот чем заполнялись часы, свободные от «чтения» — от службы царской. Но и этой идиллии скоро должен был прийти конец.

Глава III

ЦАРЕВА МУДРОСТЬ

1

Источником для выяснения взглядов и мнений Николая II по важнейшим вопросам управления могут послужить многочисленные резолюции, которые царь писал на представляемых ему докладах и рапортах. Впрочем, прежде выражались высоко официозным языком: «его императорскому величеству собственноручно благоугодно было начертать». Все самые маленькие резолюции, даже просто отметки покрывались сейчас же лаком для вечного хранения в назидание и поучение потомству. Когда приходится бегло пересматривать царские резолюции на всеподданнейших докла-

дах по разным ведомствам, первое впечатление от высочайших собственноручных отзывов — их незначительность, несущественность, банальность; этому впечатлению соответствует и обилие трафаретных восклицаний, слов, фраз. Но среди сотен ничего не говорящих помет, бессодержательных резолюций вдруг мелькнет собственноручное восклицание, фраза, которые, как солнечный луч, прорезывают аравийскую пустыню царственных размышлений. Перед нами возникает царский облик: вот он, правитель великой страны! Но какой он маленький, этот Николай II, какой неоригинальный, повторяющий своего отца Александра III. У этого человека были твердые мысли, законченное мировоззрение, но оно далось ему без всякой борьбы, просто по наследству. Но, как в капле воды, оно отразилось в мировоззрении любого гвардейского поручика. «Не мною повелось», — мог бы сказать о себе Николай II. На основании просмотра множества всеподданнейших рапортов, докладов, отчетов министров, я извлеку перлы царской мудрости — его резолюции, иногда даже сентенции, которые в своей совокупности дадут не один яркий штрих к характеристике царского облика.

2

«От Господа Бога вручена нам власть царская над народом нашим, перед престолом Его мы дадим ответ за судьбы державы Российской» — вот мистическая формула неограниченного самодержавия, замечательная своей яркой нелепостью, своим бессодержательным нигилизмом. В сущности — власть ниоткуда и не перед кем за нее отчитываться. Если по временам в царских волеизъявлениях и звучит нота устроения счастья верноподданных, блага народа, то ведь по другой формуле сила и крепость Руси в единении царя с народом, и следовательно, царь устраивает счастье народа по своему усмотрению. И даже когда пришлось — хочешь, не хочешь — отречься, и тут нашлись слова: «Я-то отрекись, но не думаю, чтобы это полезно было для моих подданных, принесло благо народу». О том, каких благ желал царь своему народу, красноречиво говорят царевы резолюции.

Раз власть от Бога, а царь по прямой линии Божий наследник, Николай II был самого высокого мнения о своем я. 27 сентября 1912 года военный министр генерал Сухоминов докладывал царю об обеспечении церковными причтами некоторых частей войск гвардии и испрашивал высочайшего соизволения «на признание невозможным обеспечить в настоящее время церковными причтами те части, которые их по штатам не имеют». Как на причину Сухоминов указывал на отсутствие денежных средств: «Едва ли по-

следует согласие Министерства финансов и государственного контроля на ассигнование новых кредитов», — сомневался министр. Царь надписал: «Военное ведомство должно потребовать кредиты на удовлетворение важнейшей нужды в войсках. Упадок веры грозит началом нравственного разложения человека, особенно русского. Тут мало значит мнение того или другого — раз я этого хочу». Последние слова царь подчеркнул. А манифест 17 октября? Ведь эта резолюция написана позже манифеста. «Я этого хочу, так и должно быть».

3

С самодержавием тесно связано православие. Крепкую опору самодержавию Николай видел в религии. Только что приведенная резолюция как раз выражает твердое убеждение царя в огромном агитационном значении религии как средства обуздания народных масс. Упадок веры, по взгляду царя, ведет к нравственному разложению человека, а нравственное разложение неразрывно связано с ослаблением чувства подчиненности. «Горестно», — писал Николай на отчете владимирского губернатора за 1908 год против строк: «В среде самого православного населения, особенно сельской молодежи, за последнее время замечается упадок религиозности, сопровождающийся уклонением от посещения храмов Божиих и от исполнения установленных православной церковью обрядов». И понятно стремление к постройке новых церквей — новых очагов пропаганды устоев строя. «Вопрос о постройке церквей в Сибири, в особенности в новых поселках, очень близок моему сердцу», — начертил Николай на отчете томского губернатора за 1895 год. Раз речь зашла о взгляде царя на религию и церковь, нельзя не привести комической резолюции на отчете черниговского губернатора за 1896 год. «Истекший год, — пишет губернатор, — является важным в жизни города Чернигова и Черниговской губернии в том отношении, что в течение его, с высочайшего всемилостивейшего вашего императорского величества соизволения, 9 сентября состоялось открытие честных мощей святого Феодосия Черниговского». Царь пометил: «Знаменательное явление благодати Божией». Получилось противоречие: благодать Божия явилась... с всемилостивейшего на то разрешения.

Царское православие тесно связано с антисемитизмом. Николай II был матерым антисемитом. Это положение не требует доказательств и иллюстрируется рядом резолюций. Губернаторы Западного края, да и не только Западного, часто играли на любимой струне царя, зная его антисемитизм и

выдвигая наперебой то одно, то другое средство борьбы с еврейским засильем. Одному губернатору показалось, что борьба с еврейским засильем возможна лишь с уменьшением экономической зависимости крестьян от еврейских капиталов. В этом направлении, по мнению губернатора, многое может быть сделано распространением сети учреждений мелкого кредита. Царь следует за этим беспомощным мнением: «Да, должно быть сделано». Другому губернатору пришло в голову, что широкое развитие школьной сети могло бы дать сильное оружие для борьбы с эксплуатацией еврейством. «Разумеется», — пишет царь. Третий губернатор рисует картину проникновения еврейского влияния... через свекло-сахарные заводы. «Увеличение числа этих заводов на тех началах, на которых они возникают, нельзя не признать крайне нежелательным: большинство владельцев, не обладая достаточным капиталом, отдают свои земли под устройство свекло-сахарных заводов товариществам и обществам, пайщиками которых являются большею частью евреи; последние сперва участвуют в предприятии лишь своим капиталом, а затем проявляют и свое личное влияние на ход производства, служащими на заводы приглашаются тоже евреи, а так как заводы имеют непосредственную связь с населением, то влияние еврейства распространяется на обширные районы». Глубокомыслие губернатора было вознаграждено пометой царя: «Обращаю на это серьезное внимание министров внутренних дел и финансов». Особенно тяготили евреи царя, когда они попадали в армию, почти так же, как рабочие. Командующий войсками Одесского военного округа в отчете выразился категорически (в 1902 году) «по вопросу о нравственном состоянии войск»: «Худшим элементом являются евреи и фабричные рабочие». Царь присоединился к заключению: «Вполне в этом убежден». И когда херсонский губернатор указал на возможность возникновения мысли о необходимости освобождения евреев вовсе от зачисления в ряды войск, с заменой для них воинской повинности какой-либо другой, царь сразу воспринял эту мысль: «Вероятно, мы к этому придем».

4

Ясны и тверды взгляды Николая II на сущность и задачи народного образования.

Однажды полтавский губернатор похвастался школами своей губернии, которые все были приведены к одному знаменателю — и земские, и церковно-приходские. В своем отчете губернатор свидетельствовал, что «по духу и характеру преподавания все школы губернии, несмотря на различие

наименований, ничем не разнятся между собой; как в общественно-земских, так и в церковно-приходских преподавание ведется на одной общей основе православия и преданности царю и отечеству». Отмеченные слова дали повод царю изложить свой взгляд по этому вопросу: «В сохранении этих начал, присущих каждому русскому сердцу, зиждется залог настоящего развития у нас народных масс».

Но для проведения такой школьной программы нужны учителя. Губернаторы, можно сказать, выплакали очи, приглядываясь к народным учителям. Харьковский губернатор во всеподданнейшем отчете поделился с своим монархом соображениями о народных учителях. Он указывает на очень малое количество учителей, которые были бы проникнуты истинным патриотизмом, религиозностью и любовью к родине, и высказывает мнение, что, пока правительство не воспитает и не подготовит народного учителя, до тех пор школы, как бы они ни росли численно, не смогут воспитать народ и создать трезвое и трудолюбивое поколение. «В этом вся суть», — написал царь на полях доклада. Каких учителей хотели видеть в школах губернаторы? О, у них был высокий идеал. «Быстро растущие в количественном отношении школы только тогда сделаются светочами просвещения и нравственного возрождения народа, когда явятся и учителя, для которых понятия религии, патриотизма будут не пустым звуком, а самой сущностью их душевного склада». Царь дал оценку губернаторским грезам о народном учителе — «безусловно верно».

В поисках за учителями томский губернатор додумался до сельского писаря, который, по его мнению, мог бы ежедневно уделять несколько часов на обучение детей грамоте и молитвам. Но это практическое предложение было так далеко от воплощения идеала, что даже Николай II удивился и начертал следующую резолюцию: «? (на безрыбье и рак рыба!)».

5

Учителей подходящих было мало, и распространение образования среди крестьян и рабочих пугало Николая II. Он всем нутром чувствовал, что образование открывает народу глаза, и всячески старался ставить палки в колеса. Одно время земства развили большую деятельность в развитии школьной сети. Московский губернатор обращал в 1897 году царское внимание, что земство для осуществления общедоступности начального образования даст значительные материальные средства, и с лицемерной осторожностью соболезнующе высказывал опасение, как бы усилившаяся в этом

направлении деятельность земства не повлияла неблагоприятно на другие отрасли земского хозяйства или на платёжные средства населения, как бы не были тягостны для населения увеличивающиеся из года в год земские расходы. «Это и мое мнение», — написал царь. С лукавым коварством докладывает царю губернатор, что «земства получают от казны пособие на обучение и, следовательно, принимают на себя обязательство перед правительством за правильное расходование этих средств, а не внушая детям надлежащих нравственных понятий, тем самым прямо нарушают это обязательство». Эти фразы отчета дали толчок мысли императора. «Это самый серьезный вопрос», — написал он на докладе. Вологодский губернатор обратил внимание на то, что земства стремятся сократить кредиты на церковно-приходские школы с целью увеличения числа земских школ. С искренним простодушием Николай выразил свои чувства: «Это мне сильно не нравится».

Весьма подозрительно относился он к идее всеобщего обучения. Не раз возникал в царствование Николая вопрос о введении всеобщего обучения. В XX веке трудно — даже Николаю — возражать принципиально против этой идеи, но ему она не нравится, и он всяческими способами хочет от нее отвертеться. Одно из самых ранних высказываний по этому поводу находим в смешной резолюции на отчете харьковского губернатора, который указывал, что губернское земское собрание ассигновало 200 000 рублей на устройство новых школ и что оно имеет в виду создать удовлетворяющую потребностям населения школьную сеть и таким образом осуществить в губернии идею всеобщего обучения. «Мысль о всеобщем обучении, — пишет губернатор, — занимала также харьковское городское общественное управление, которое, впрочем, в отчетном году ограничилось принципиальными суждениями по этому вопросу, отложив окончательное разрешение его до всесторонней его разработки особо избранною на этот предмет комиссиею». Не понравилось это рвение Николаю, и он изрек на полях против этих строк: «Лучше было бы, если бы городское управление занималось своими городскими делами, чем обсуждением такого обширного вопроса, как вопрос всеобщего обучения».

Все время окольным путем Николай хочет обойти этот вопрос. Витебский губернатор докладывает, что земство постановило ввести в течение 10 лет всеобщее образование. Николай на полях отчета пишет: «А как справиться с нужным количеством надежных учителей при введении всеобщего обучения?» Курский губернатор доводит до царского сведения, что земство, стремящееся к введению всеобщего обучения, останавливается перед значительными затратами и вы-

нуждено мириться с более узкой задачей и только стремится заполнить выработанную нормальную сеть школ. Царь отмечает: «Пока только это и желательно!»

В этих резолюциях чувствуется, как противна царю идея всеобщего обучения, но он сдерживается и не высказывается прямо против. Но вот наивный губернатор (олонецкий — в отчете за 1896 год) докладывает с восторгом, что за год в его губернии «открыто 117 новых народных школ, что это небывалое явление и делается все это в целях всеобщего обучения». Последние слова царь подчеркнул и против них написал: «Излишняя торопливость совсем не желательна». Последние три слова в резолюции подчеркнуты. Это уже прямая директива!

6

Но не только о церкви и школе для народа думал Николай II. Истинный сын своего отца, он от него перенял вкус к телесным наказаниям. Не так давно в сборнике «Музей революции» было дано воспроизведение резолюций Александра III о разумности, желательности и необходимости телесного наказания в применении, конечно, к рабочим и крестьянам. Николай идет и тут по стопам родителя. В отчете за 1909 год с.-петербургский градоначальник высказывает мнение о желательности заключения хулиганов в рабочие дома с особо строгим режимом. Николая не совсем удовлетворяет это предложение. Он пишет: «Да, или розги, как сделано в Дании». Датская розга — быть может, единственная из особенностей западного быта, которую Николай хотел бы пересадить в Россию. Степной генерал-губернатор в отчете за 1912 год указывает на необходимость усиления уголовной репрессии за проступки хулиганского характера. На полях отчета выразительная пометка русского монарха: «Розги!» Вологодский губернатор в отчете за 1911—12 годы указывает на необходимость, в целях борьбы с хулиганством, устройства рабочих домов, в которых хулиганы отбывали бы положенный им арест и отработывали бы своим трудом причиненные ими убытки. Против этого указания царь пометает: «Да — после розог». Так реагировал Николай II на упадок веры и на процесс нравственного разложения человека, результатом которого является хулиганство.

Но некоторые явления народной жизни были отрадны царскому сердцу. «Введение питейной реформы, — писал в отчете за 1897 год виленский губернатор, — последовало вполне успешно и было встречено сочувственно всеми классами христианского населения». Царь начертал: «Прочел с удовольствием». А по поводу аналогичного указания в отчете

полтавского губернатора за 1896 год царь написал: «Отрадно видеть такое сознание самого народа». Итак, для народа — церковь, розга и казенное вино!

Но один раз Николай II оказался в смешном положении в вопросе о народном пьянстве, когда прочитал в отчете степного генерал-губернатора следующие слова: «Нужно облегчить возможность закрытия казенных лавок по приговорам обществ, нужно, чтобы население перестало считать водку “царской”». Царь подчеркнул последние слова: «водку царской», очевидно, очень поразился, задумался и собственной его императорского величества рукой начертать соизволил: «Обратить внимание».

7

Николай II был, конечно, царем дворянским. Классовый характер его «самодержавной власти» предопределял его отношение к крестьянству и к самому главному крестьянскому вопросу — о земле. Подозрительно относясь к просвещению крестьянских масс, Николай желал внедрения религиозного сознания, которое прежде всего должно было усвоить священный принцип собственности. А крестьяне как раз не могли понять одного — священного права помещика на землю.

Крестьянский вопрос был неразрешим для дворянского царя. Земля, земля — вот что нужно крестьянам! А землевладелец — дворянин, а право собственности — священо.

Генеральша Богданович приводит в своих воспоминаниях любопытнейший разговор царя о крестьянах, имевший место в 1906 году. Царю сказали, что II Дума будет крестьянской. Царь высказал на это удовольствие, что крестьяне-де его любят. На это царю сказали, что крестьяне потребуют земли. Царь ответил: «Тогда им покажут шиш». На это пришлось сказать: «Они взбунтуются». Ответ царя: «Тогда их войска усмирят».

Покорное крестьянство, руководимое преданным дворянством, живущим на земле, — в этом направлении должен, по мнению царя, разрешаться вопрос.

Когда началась война и миллионы русских мужиков были брошены на поток и разорение, царские министры решили прийти на помощь крестьянской нужде... после войны. Суждения об этом в Совете министров происходили в марте и апреле 1915 года. Совет министров полагал, что необходимо сейчас же позаботиться относительно образования земельного фонда в несколько миллионов десятин для распродажи его после войны на льготных условиях наиболее отлившимся и наиболее пострадавшим чинам армии и флота. Такой фонд может быть образован из скупки Крестьянским

банком колонистских земель и земель германских, австрийских и венгерских подданных и выходцев из земель, имеющих у Банка сейчас, из земель казенных, а также земель сибирских, кавказских и туркестанских. После войны эти земли продавать бывшим чинам армии и флота и выдавать им ссуды на обзаведение хозяйством. Царь отнесся с полным одобрением к проекту. «Необходимое и благое дело. Вполне одобряю и дам свои указания. Вся суть вопроса в широкой скупке Крестьянским банком колонистских земель. Присутствие к ней немедленно, а для пополнения образуемого запаса — наладить теперь же подготовку земель казенных».

Вот и все, на что могли надеяться крестьяне после войны!

8

Об отношении царя к рабочим и рабочему вопросу красноречиво говорят следующие резолюции.

Гродненский губернатор в отчете за 1895 год докладывает, что в 1895 году мирное течение фабричной деятельности в Белостокском промышленном районе было нарушено забастовкой рабочих, толчком к которой послужило неправильное толкование закона 3 июня 1886 года, определяющего взаимоотношения фабрикантов и рабочих. «Хотя рабочим и разъяснялось, что закон направлен к ограждению прав рабочих от произвола фабрикантов, для чего и учреждается фабричная инспекция, однако закон был встречен с недоверием». По мнению губернатора, это движение рабочих, вызвавшее забастовку, представляло последствие влияния лиц, живущих вне России и старавшихся произвести смуту. В конце концов, дело ограничилось губернаторским посещением фабрик и разъяснением неосновательности поступков рабочих, без применения принудительных мер. В заключение губернатор доложил царю свое сантиментальное размышление: «Настоящий случай обнаружил, как мало, к сожалению, распространено просвещение среди рабочих, стоящих, однако, по своему развитию вообще выше простых земледельцев. Если б рабочая масса была более развита, она, без сомнения, не поверила бы наваянному извне извращенному и ложному толкованию закона и только с признательностью отнеслась бы к заботам правительства о них». Царь оказался дальновиднее простодушного губернатора: мы знаем, что народного образования он определенно боялся. На полях доклада он изложил свое мнение по поводу заключения губернатора: «Это не верно: стачки выдумала образованная Европа».

В 1897 году скатеринославский губернатор в отчете указывал, что развитие горнозаводской и фабричной промыш-

ленности в нравственном отношении дало отрицательные результаты: с одной стороны, громадный прилив пришлых рабочих «пагубно повлиял на местное население, в особенности на молодежь, которая, отстав от своих патриархальных обычаев, стала предаваться разгульной жизни, легко доступной, благодаря крупному заработку на заводах, с другой стороны — не установившиеся отношения между владельцами и рабочими дают повод к частому возникновению недоразумений, легко переходящих в крупные беспорядки». Против указания на высокий заработок царь написал: «Обращаю на это самое серьезное внимание министра финансов».

Николай смотрел в корень вещей. Поменьше образования для рабочих (от него стачки), поменьше заработка (от большого заработка разгул и вольная жизнь), но зато побольше фабричной полиции. Владимирский губернатор в отчете за 1897 год докладывает царю о волнениях среди рабочих и намечает следующий вывод: «Представлялось бы крайне желательным и вполне правильным при настоящих условиях фабрично-промышленной жизни создать специальную фабричную полицию (против этих строк царь написал: «Что сделано в этом смысле?»)... установив определенные нормы для определения ее численного состава, сообразно с числом рабочих».

Это заключение понравилось царю, и он положил резолюцию: «Скорейшее создание такой полиции настоятельно необходимо». Последние два слова им подчеркнуты.

Аналогичные резолюции можно прочесть на ряде губернаторских отчетов. Так, губернатор пишет, что в среде рабочих замечается недоверие к заводчикам и представление о громадных прибылях, полученных хозяевами путем эксплуатации рабочего труда, а при таком положении дел малейшее недоразумение между фабрикантами и рабочими влечет за собой необходимость немедленно принимать самые серьезные меры для предотвращения возможных крупных беспорядков, и администрация должна быть настолько сильна, чтобы иметь возможность предупредить печальные столкновения. «Для достижения сего необходимо усилить штаты полиции в районах наибольшего сосредоточения заводско-фабричной деятельности, к чему мною уже приняты меры», — пишет губернатор. Царь отчеркивает эти строки и на полях против них пишет: «Следует теперь же».

Срочное введение фабричной полиции представлялось царю средством разрешения рабочего вопроса. Прimitивное политическое мышление на этом и застывало. Царь органически был неспособен, не хотел продумывать рабочий вопрос ни в целом, ни в деталях. Отмахнулся фабричной

полицией и успокоился. По примитивности подхода это заключение напоминает беспримерное по своей нелепости мнение о том, как оградить войска от тлетворного влияния революции. Один из умных командующих округом после революции 1905 года, исходя из того положения, что гражданская свобода и борьба партий не должна касаться армии, предложил для ограждения армии «...устроить отдельные новые казармы, а старые оградить заборами». — «Безусловная истина», — написал царь против последней фразы.

9

Такова немудреная мудрость царская. С этой мудростью, с этим багажом резолюций правил Николай великой страной два десятка лет с лишним. Обыкновеннейший из обыкновенных гвардейских поручиков оказался на престоле в самые ответственные, необычайные исторические моменты. Его положение напоминает положение человека, который, зная только арифметику, должен решать задачи по теоретической механике. Прозарствовав 17 лет и усвоив теорию и практику государственного управления, Николай выразил в сжатой форме основной принцип управления: «...я нахожу, что дальнейшее экономическое преуспевание населения может быть обеспечено лишь последовательным, неуклонным надзором за тем, чтобы неблагонадежными элементами население не увлекалось в сторону несвойственной народу политической жизнью и социальными учениями. Облечение власти на местах достаточными полномочиями в борьбе с такими элементами, вносящими в жизнь народа смуту, является безусловно необходимым». Вот здесь-то и подарил перлом царской мудрости Николай. «Предупреждать и не опаздывать. В этом вся суть управления!»

И всем своим царствованием, всем своим управлением Николай блестяще оправдал истину своего афоризма. Он ничего не предупредил и всюду опоздал. Из цепи непрерывных опозданий сложилась и история его отречения от престола.

Глава IV

ОСНОВНАЯ ЧЕРТА ДУШЕВНОГО СКЛАДА

1

Обыкновенный, «ниже среднего» человек должен заниматься трудами царствования. Он и занимается ими, как чиновник. Без особой охоты, без любви, даже без особого вниканья в смысл работы. Николай II аккуратно являлся

ежедневно на царскую службу и справлял ее. Он овладел внешними приемами управления; багаж сведений, потребных для управления, как мы видели, был невелик, даже просто скуден. Образование, полученное им, не давало содержания навыкам управления; эту мудрость он воспринимал практически — по стопам родителя, по стопам многочисленных родственников, по заветам старших сановников, из них же первым был К.П.Победоносцев. С течением времени круг советников расширился; в него вошли люди, никоим образом не уполномоченные на руководство русским самодержцем — престижитаторы, шарлатаны, старцы, аферисты. Об этом надо говорить обстоятельно, а пока достаточно подчеркнуть *необыкновенную обыкновенность* Николая II. Надо помнить, что ежели человек знает несколько арифметические действия, то алгебраических и геометрических задач он решать не может. Можно было бы предъявлять требования к Николаю, но взятки гладки, взять нечего. Современников, приходивших с ним в соприкосновение, — иностранных дипломатов, соотечественников, удостаивавшихся аудиенций, царь обманывал внешней манерой обращения — необычайным лоском, утонченной вежливостью и тонким воспитанием. У Николая была наследственная особенность Романовых: подобно Александру I, Николаю I, Александру II, он шармер, прельститель, когда это ему нужно. Собеседники выходили очарованные и не знали, как объяснить распространенные слухи о внутренней некультурности царя, о ничтожности его образования, о непритязательности его вкусов. А слухи подтверждались его ближайшими сотрудниками — министрами, которые при частых встречах могли составить представление уже не по внешности только.

С этой серостью, обыкновенностью в полном соответствии находится одна черта характера Николая, имеющая существеннейшее значение для объяснения его поведения в самые трагические моменты его царствования. Не надо доказывать, что на царствование самого маленького из Романовых пали, несомненно, самые крупные события в истории Русской Империи, события, грандиозности которых историк может только дивиться и поражаться. И что же, что же? Все эти события оставляли Николая совсем непоколебленным; они, как облака, проходили мимо него; лучше сказать, он проходил мимо них, как будто не замечая их. У него не было чувства восприимчивости; средний, малоразвитый обыватель был наделен этим чувством в гораздо большей мере, чем Николай II. Чувствительность Николая была понижена чрезвычайно, она была ниже уровня, обязательного для нормального человека. Невосприимчивый, нечувствительный, Николай был еще малосознательным в том смысле, какое

дает этому слову современность. «Несознательный ты, право!» Рабочий был несознательным, а затем задумался, поработал мозгами и начал превращаться в сознательного, а Николай II как вступил на престол несознательным самодержцем, так и остался таким несознательным на все свое царствование.

Витте подметил эти свойства характера Николая. «Государь по натуре индифферент-оптимист. Такие лица ощущают чувство страха только тогда, когда гроза перед глазами, и, как только она отодвигается за ближайшую дверь, оно мигом проходит. Его чувство притуплено для явлений, происходящих на самом близком расстоянии пространства или времени». Если Витте и пристрастен к своему царю, то вот еще свидетель из другого лагеря царедворцев — Рыздзевский, товарищ министра внутренних дел, заведывавший полицией. «Царь более чем индифферентно относится ко всему, что творится в России (в конце 1904 года!); он ничего не понимает. На все тревожные донесения, которые ему представляются, он только делает пометку красным карандашом, из которой видно, что он их читает, но затем ни слова ни с кем про них не говорит, ничего не спрашивает, не советуется».

2

Несознательность, нечувствительность, невосприимчивость основательно документируются и ярко иллюстрируются, прежде всего, высказываниями самого царя в его дневниках. Уже самый внешний вид дневников, написанных почерком удивительно ровным, четким, неизменным с первого дня до последнего, свидетельствует об удивительной душевной невозмутимости писавшего. А содержание дневников так же ровно и однообразно, как почерк, как аравийская пустыня. Замечателен один и тот же на всем протяжении фон царских записей — заметки о погоде; царь не может обойтись без них; с усердием любителя-метеоролога, сидящего на захолустной метеорологической станции, записывает царь состояние погоды. Чем-то примитивным веет от этого постоянного сопоставления изменений в природе и событий в жизни автора дневника! Однообразному фону записей соответствует однообразное отношение решительно ко всем событиям, записанным в дневнике. Равнинность дневника моментами становится даже страшной.

Ну, вот запись, сделанная 15 июля 1904 года. В этот день случилось событие, выходящее из ряда обыкновенных: был убит Плеве, министр из тех, на кого Николай возлагал свои надежды. Смерть Плеве тоже была необыкновенная: разорвало бомбой. Что же записал и как себя чувствовал Николай II?

Записал: «Утром П.П.Гессе [дворцовый комендант. — П.Щ.] принес тяжелое известие об убийстве Плеве брошенной бомбою, в Петербурге, против Варш[авского] вокзала. Смерть была мгновенная. Кроме него убит его кучер и ранено семь человек, в том числе командир моей роты Семеновского полка кап[итан] Цветинский — тяжело. В лице доброго Плеве я потерял друга и незаменимого министра вн[утренних] д[ел]. Строго Господь посещает нас своим гневом. В такое короткое время потерять двух столь преданных и полезных слуг!» — Так записал, а что чувствовал или, вернее, чувствовал ли, предоставляем читателю судить по окончанию записи: «На то Его святая воля! Тетя Маруся завтракала. Принял Муравьева с подробностями этого мерзкого случая. — Гуляли с мамá. Покатался с Мишей в море. Обедали на балконе — вечер был чудный». — Вот и все, все мысли, чувствования Николая II. Вкус к жизни и к маленьким удовольствиям не понизился ни на одну десятую градуса.

Плеве убили не на глазах, у Варшавского вокзала, а вот смерть в своем дворце: «Утром нашей подъемной машиной был придавлен до смерти несчастный машинист по собственной неосторожности». Замечательно, что царь отмечает собственную неосторожность рабочего, а затем он сохраняет полнейшее равнодушие: «Гулял долго. Погода холодная, ясная»...

Нельзя не вспомнить о возмутительных по своему хладнокровию записях о событиях 9 января 1905 года. «9 января. Воскресенье. Тяжелый день. В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца», — записывает царь. Обратите внимание на несознательность царя: желание рабочих дойти до Зимнего дворца, в котором не было царя, мыслится им как действие преступное, достойное наказания. Дальше следует хладнокровная и убежденная фраза: «Войска должны были [но почему? — П.Щ.] стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых». Дальше обычная сакраментальная формула, спасающий графарет: «Господи, как больно и тяжело!» А затем возврат к утехам жизни, к сладкой царской обывательщине: «Мама приехала к нам из города прямо к обедне. Завтракали со всеми. Гулял с Мишей». Значит, как раз во время расстрела Николай с семьей истово молился Богу, а потом принимал пищу. А на другой день все было уж совсем хорошо: «Завтракал дядя Алексей. Принял депутацию уральских казаков, приехавших с икрой. Гулял. Пили чай у мамá». Ну, ясно: чувствительность ниже нормального уровня и полная невосприимчивость.

«Нечувствительность» Николая разительна в его отношениях к войне.

Все Романовы любили военные занятия и воображали себя людьми военными и полководцами, верховными вождями христолюбивого воинства. И Николай II также мнил себя военным специалистом и жалел только о том, что престол российский застиг его в чине полковника и он не мог уже повышаться в военных чинах. Подобно своим предкам-царям, относился он к военному делу поверхностно. На первом плане для него была внешность, качество войск определялось на смотрах, и смотры, парады, полковые праздники были любимым развлечением Николая II. Эти воинственные зрелища подымали «дух» царя. «Выправка, равнение, тишина в строю и церемониальный марш были поразительны — радостно было смотреть», — записывал царь в дневнике. Здесь-то тысячи глаз, тысячи муштрованных взоров вливались в него, и он, центр настороженного внимания, именно здесь сознавал себя властелином и самодержцем, верил в гипноз своего имени и власти.

Любил Николай смотры и парады военных частей. Все смотры были, как один, и тем не менее царь всегда давал каждому по несколько строк в своем скупом дневнике. «Прохождение было отличное — часть представилась отлично — церемониальный марш был отличен» и т.д. И быт установился прочный, перед фронтом царь выпивал чарку вина или объезжал солдатские столовые, затем царь снимался в общей группе с офицерами, а потом царь принимал завтрак или обед в офицерском собрании. Речь, конечно, идет о привилегированных, столичных полках. Здесь в кругу преданного и высокородного офицерства можно было позволить себе и отступления от норм тихой, семейной жизни, можно было вспомнить времена юности и ранней молодости. «Провел (в офицерском собрании Уланского полка) 2 1/2 часа самым приятным образом. Ничто меня так не подбадривает, как посещение воинской части», — записывает царь. Действительно, в собраниях предлагалась роскошная закуска и обильная выпивка (все эти случаи отмечал Николай на память). Тут уж царь разрешал себе вино и елей. «Объехав все столовые нижних чинов и порядочно нагрузившись водкой, доехал до офицерского собрания. Здесь был большой завтрак». «Намок», «нагрузился» — обычные термины, которые пускал в ход Николай для описания своего состояния в дни парадов и смотров.

Так было в мирное время, а во время войн учащались смотры, и царь разъезжал по России, осматривая отходившие на войну части. Прибавлялась к быту еще одна церемония: благословение уходящих на войну иконами, которые

предварительно выбирались им вместе с женой. Таким образом, и царица принимала участие в военных занятиях. Особенно много икон и образов было роздано царем в японскую войну. Верховный вождь русской армии пребывал в столице и выезжал временами по русской провинции, благословлял части образами и иконами. Здесь начиналось и оканчивалось его соприкосновение с войной, на которую он посылал десятки и сотни тысяч русских мужиков. Мужики шли и умирали не столько от вражеской руки, сколько от неустойчивости и неурядиц, созданных плохим управлением плохих генералов, тоже получивших благословения верховного вождя. Мужики гибли на суше и на море; российское воинство претерпевало неслыханные поражения, но как переживал все это самодержец, безоглядно и неосмысленно ринувшийся в авантюру на Дальнем Востоке!

4

Тут, при разрешении этого вопроса, мы сталкиваемся с основной чертой душевного склада — невосприимчивостью и нечувствительностью. Трагическая сторона войны была чужда Николаю до смешного. Точно солдаты были деревянные и испускали игрушечную кровь.

В период японской войны Николай чувствовал себя на редкость хорошо и физически и душевно. Быть может, 1904 год с этой точки зрения был самым выдающимся. Александра Федоровна была беременна, не в первый, правда, раз, но зато теперь уже по всем предсказаниям должен был появиться мальчик-наследник. Сам Николай, 35-летний мужчина, был в расцвете своих физических сил и здоровья. Радости жизни воспринимались с упоительной обостренностью. С каким тщательным вниманием заносит он в дневник свои чувства по поводу прогулок и всяких физических занятий. Он замечательно убежденно заботился о своем здоровье. Государственные занятия были для него тягостны, особенно чтение докладов. Нередко бывали дни, когда он помечал в дневнике: «От всего этого (т.е. чтения бумаг) окончательно ослаб головой» или «был в размягченном виде». Прогулки исцеляли его от головной слабости. Прогулка по временам осложнялась: царь то ездил верхом, то катался на велосипеде. Во время прогулки стрелял ворон. Стрельба по воронам была любимым удовольствием Николая, в известной мере заменявшим охотничьи радости. И обо всяком убийстве вороны царь записывал в дневник. Особенно много расстрелял ворон Николай в 1904 году в японскую войну. Странный параллелизм явлений: японцы («паршивый враг», — выражался Николай) там, на полях Маньчжурии, уничтожали русских му

жиков, а здесь, в Царском Селе, властелин, пославший их на убой, с восторженным упорством предавался уничтожению ворон. «Гулял долго, убил ворону... Гулял долго и убил двух ворон... Ездил на велосипеде, убил двух ворон, вчера одну ... — продолжал прогулку и убил пять ворон...» А еще Николай любил кататься на моторах и на байдарках, один и с родственниками. Возился с собаками у моря: погулял с Мишей (вел. кн. Михаилом Александровичем) вдоль моря, ища уток; гуляли с мама, искали грибов; летом «баловался» в речке, по которой ходил голыми ногами; ранней весной гулял и работал над остатками снега в теневой части сада. Любил поиграть с собаками и испытывал искреннюю скорбь при потере любимых собак. Однажды он счел необходимым информировать своего дядю — великого князя Владимира Александровича: «Месяц тому назад у меня случилось небольшое, но чувствительное горе: я лишился своего верного пса Имана».

А на Востоке умирали русские люди, отнюдь не причиня чувствительного горя «августейшему» сердцу.

5

В эпоху русско-японской войны чисто военные инстинкты верховного вождя русской армии удовлетворялись, так сказать, в проекции. Расстрел ворон и охота. Охота прежде всего. Нарочито подготовленная искусными царскими егерями в заповедных местах, где плодилась дичь для царской забавы, охота была, в сущности, бойней и давала обильную добычу. Вот охоты осенью 1904 года, той осенью, когда на театр военных действий отправлялась несчастная эскадра адмирала Рожественского, 7 октября охота в Елисаветинской даче за Гатчино. С царем поехало 8 охотников. «Погода стояла отличная, тихая, без солнца. Всего убито 490 штук. Мною: 10 тетеревей, рябчик, куропатка, 2 русака и 45 беляков, вальдшнеп, всего 60 штук». 14 октября облава в Туганицах. «Облава была удачная, летела масса пера... Всего убито 210 штук. Мною: 11 тетеревей, с[ерая] куропатка, вальдшнеп» и т.д., всего 27 штук. «Во время третьего загона получил телеграмму Рожественского о приходе в Виго с отрядом броненосцев». 21 октября облава за Бабигоном. Убито 511, царем — 50. 11 ноября охота в Знаменском фазаннике, началась в 10 1/2, кончилась в три, с часовым перерывом для завтрака, значит, продолжалась 3 1/2 часа. Царь убил 144 фазана, а всего вместе охотники 506 фазанов. 18 ноября царь убил двух хороших лосей на месте, 24 ноября — одного лося с хорошими рогами, но с 4 отростками. А глухариные тока <...> и т.д.

А по вечерам, когда приходилось сидеть дома, царь играл в карты, в безик, наклеивал фотографии в альбомы, играл

даже в четыре руки, по временам читал вслух жене. Любил он литературу легкую, смешную, иллюстрированные юмористические журналы. В период беременности царь катал жену в кресле, а вообще, «завалиться спать пораньше» было также большим удовольствием, которое отмечалось в дневнике.

6

Ну, а война, события, военные победы, поражения! В этой обстановке, которая только что очерчена, восприимчивость не могла быть сколько-нибудь значительной. Из состояния безразличного восприятия царя не выталкивали ни военные события, ни та вулканическая жизнь, которой жила Россия в 1904 г. (взрывы — убийство Бобрикова, убийство Плеве).

Эпически спокойны записи Николая о поражениях на войне. Между двумя глухариными токами царь получил известия о крупном поражении. «21 апреля, среда. От Куропаткина пришло несколько донесений с подробностями боя 19 ап[реля], в кот[ором] участвовало 5 стрелковых полков с 4 батареями и более 3 дивизий японцев с большим количеством артиллерии. После полного обхода нашего левого фланга, отряду ген[ерала] Кашталинского пришлось отступить». (Точно охота на лосей. «Взяли два круга, но стрелять не пришлось, так как быки прорвались назад, вышли на линию только коровы.») «К сожалению, кроме огромных потерь людьми (544 фазана. — П.Щ.) — орудия и пулеметы были оставлены на позиции, ввиду того, что все лошади были перебиты. Тяжело и больно». «Тяжело и больно» воспринимать потерю орудий и пулеметов, потерю верного пса Имана, а потеря людей не воспринимается вовсе: кроме людской гибели, все хорошо! Вот и все, что непосредственно относится к поражению, а о самочувствии автора дневника говорит продолжение записи под этим и следующими днями. «Погода была серая, с сильным ветром. После доклада принял 33 чел[овек]. Весь вечер много занимался». «В час ночи поехал на тот же ток, посчастливилось на этот раз, и я убил 5 глухарей. Ночь стояла чудная»... Анализ, даже не глубокий, всей приведенной записи не оставляет сомнения, что известие о поражении, нанесенном царской армии, не вызвало в венценосном вожде никаких эмоций: он оказался просто нечувствителен. Точно все было в порядке вещей. Нечувствительность и невосприимчивость в таких натурах, как Николай, прекрасно вяжутся с «покорностью воле Божьей». На помощь приходят религиозные трафареты: «на все воля Божья, Господь нам будет в помощь» и иная религиозная словесность, которой охотно пользовался Николай.

Николай получил известие о сдаче Порт-Артура. Записал: «Потрясающее известие от Стесселя о сдаче Порт-Артура японцам, ввиду громадных потерь и болезненности среди гарнизона и полного израсходования снарядов. Тяжело и больно, хотя оно и предвиделось, но хотелось верить, что армия выручит крепость. Защитники все герои и сделали более того, что можно было предполагать. На то, значит, воля Божья». Как доходит до воли Божьей, так сейчас же легче: с глаз долой, из сердца вон. Эту запись следует сопоставить с рассказом современника о том, как царь принял падение Порт-Артура. «Депеша о капитуляции Порт-Артура была получена царем на станции Барановичи, во время пути. Новость, которая удручила всех, любящих свое отечество, царем была принята равнодушно, не видно было на нем и тени грусти. Тут же начались рассказы Сахарова (военного министра), его анекдоты, и хохот не переставал. Сахаров умел забавлять царя <...> Это ли не печально и не возмутительно. Не дай Бог, чтобы это проникло в народ, к недругам».

Свидетельство современника совпадает с нашим впечатлением от записи в дневнике.

1 января 1905 года Николай начал дневник привычным и успокаивающим обращением: «Да благословит Господь наступивший год, да дарует он России победоносное окончание войны, прочный мир и тихос, безмятежное житие!»

Не вышло по царской молитве! 1905 год был годом великих поражений и первой революции. В мае погибла при Цусиме русская эскадра. Гибель была разительна, легендарна. Вестью о ней был потрясен весь мир, не только русский народ. И вот обращаешься к дневнику, перелистываешь страницы четкого, бисерного почерка, ждешь, что взорвало наконец тихую, безмятежную жизнь автора Цусимы. Ничуть не бывало. Вот последовательные записи дневника (без выпуска). «16 мая ... Ездил верхом, гулял и катался в байдарке. Сегодня стали приходить самые противоречивые вести и сведения о бое нашей эскадры с японским флотом — все насчет наших потерь и полное молчание о их повреждениях. Такое поведение ужасно гнетет. Ольга, Петя и Кирилл обедали. Ездили в Павловск с нами». «17 мая. Тяжелые и противоречивые известия продолжали приходить относительно неудачного боя в Цусимском проливе. (Царь не любил верить в неприятное, он все еще не верил в поражение. — П.Щ.) Имел три доклада. Гуляли вдвоем. Погода была чудная, жаркая. Пили чай и обедали на балконе». «18 мая. Дивная погода. После доклада принял 90 офицеров. Завтракал Сергей. Миша приехал проститься, т[ак] к[ак] вечером уезжает в Берлин на свадьбу кронпринца и Сесиль. Сделал хорошую прогулку верхом. На душе тяжело, больно, грустно. Обедали на балконе

и покатались в Павловске». «19 мая. Теперь окончательно подтвердились ужасные известия о гибели всей почти эскадры в двухдневном бою. Сам Рожественский, раненный, взят в плен!! День стоял дивный, что прибавляло еще больше грусти на душе. Имел три доклада. Завтракал Петюша. Ездил верхом». А на следующий день исчезли и следы грусти. «20 мая. Было очень жарко. Утром слышали гром вдали. Принял многих. Завтракали: Е.А.Нарышкина. Принял Трепова. Гулял и катался на байдарке». Вот и все. И Цусима не испортила настроения Николаю II.

Замечательно, что грандиозные поражения в японской войне не вызвали в Николае миролюбивых настроений и не погасили воинственных. Он не желал мира и вынужден был подчиниться давлению обстоятельств. И когда получено было известие от Витге о том, что переговоры о мире приведены к окончанию, царь не сразу понял, что случилось. Он «весь день ходил, как в дурмане, после этого», а на другой день записал: «Сегодня только начал осваиваться с мыслью, что мир будет заключен и что это, вероятно, хорошо, потому что так должно быть»...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Предлагаемая современному читателю книга принадлежит перу видного историка русского революционного движения, литературоведа, издателя Павла Елисеевича Щеголева (1877—1931).

П.Е.Щеголев вошел в науку как замечательный исследователь жизни и творчества великого русского поэта А.С.Пушкина. Работа «Дуэль и смерть Пушкина» является до сих пор наиболее обстоятельным и ценным трудом на эту тему, выводы ее стали отправными для всего последующего пушкиноведения.

Большой вклад внесен Щеголевым и в изучение движения декабристов. Его очерки-исследования посвящены «первому декабристу» В.Ф.Раевскому, герою выступления на Сенатской площади — П.Г.Каховскому, руководителю восстания Черниговского полка — С.И.Муравьеву-Апостолу, а также А.О.Корниловичу, Ф.П.Шаховскому и др.

Славной страницей биографии и творческой деятельности Щеголева явилось его участие в организации и редактировании первого в России легального журнала, посвященного революционному движению, «Былое» (1906—1907 и 1917—1926 гг.), а после его закрытия — «Минувшие годы» (1908 г.). Соредакторами журнала выступили также деятели освободительного и общественного движения В.Я.Богучарский и В.Л.Бурцев. Это был один из наиболее читаемых журналов того времени, его публикации не утратили своей значимости и по сей день. По свидетельству Д.П.Маковицкого, бывшего в 1904—1910 гг. домашним врачом Л.Н.Толстого, последний, как только получал почту, «оставлял у себя и читал каждую книгу «Былого» и сизнова перечитывал». Толстой считал, что этот журнал — «совсем революционного направления», «самый революционный журнал», и «если бы я был молод, то после чтения «Былого» я взял бы в обе руки по револьверу». Правительство сочло журнал опасным: в 1907 г. он был закрыт.

Но существовало и другое важное обстоятельство, самым непосредственным образом касавшееся одной из со-

кровенных тайн царской охраны — системы ее полицейского сыска. Редакция журнала, как стало известно полиции, располагала довольно большим количеством тех материалов, которые полицейское управление считало недоступными ни для кого из непосвященных. В числе этих материалов были и такие, которые направили партию эсеров на след величайшего предателя в ее центре — Евно Азефа. Эти данные сообщил М.О.Бакай (Михайловский), известный деятель политического сыска, в редакцию журнала «Былое», Бурцеву. Об этом же сообщил Богучарскому бывший директор Департамента полиции А.А.Лопухин. Азеф, догадывавшийся о своем разоблачении, потребовал от полиции решительных действий, в результате чего 31 мая был арестован Бакай и произведен обыск в редакции «Былого» и в типографии.

Щеголев еще не подозревал, что охранка уже установила роль редакции журнала в разоблачении Азефа: осенью 1907 г. он с целью доведения расследования до конца едет в Гельсингфорс, где и ставит в известность Бориса Савинкова о наличии предателя в партии эсеров и что таковым является некто Раскин. Дело в том, что Бакаю не была известна фамилия предателя, он лишь знал, что таковым является Раскин. Савинков, после свидания со Щеголевым, немедленно поставил об этом в известность «Ивана Ивановича», то есть Азефа (он же Раскин). Таким образом круг замкнулся, и не только на Азефе, но, прежде всего, и на самом Щеголеве и «Былом». Азеф потребовал не только ликвидации журнала, но также и немедленного ареста Бурцева и Щеголева. В итоге журнал закрыли, а Щеголев был вынужден спешно покинуть столицу согласно предписанию о его аресте и последующей высылке в Сестрорецк. Вскоре он был выслан в Юрьев, а затем в Любань Новгородской губернии. Венцом этой эпопеи явился его арест и последовавшее двухлетнее заключение в одиночной камере печально известной петербургской тюрьмы «Кресты».

Издание журнала было возобновлено в июльские дни 1917 г. и продолжалось до 1926 г.

По выходе из заключения в 1911 г. Щеголев продолжал свою активную научную работу. В это время он издает записки декабристов Н.В.Басаргина и братьев Бестужевых, жен декабристов — М.Н.Волконской-Раевской и П.Е.Анненковой-Гебль, а также воспоминания Г.Винского, В.М.Хижнякова, В.П.Колесникова, Е.Ф.Комаровского. В советское время им были подготовлены ценные публикации в Госиздате в сериях «Из белых мемуаров» и «Царская Россия».

Революционные события 1917 г. не оставили П.Е.Щеголева в стороне. С марта 1917 г. он становится членом учред-

денной Временным правительством Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию преступлений бывшей царской администрации. Он был назначен председателем Особой комиссии по выяснению деятельности Департамента полиции, получив тем самым возможность проникнуть в тайны охранного отделения, «святая святых» российского самодержавия. Перед комиссией прошли такие фигуры последнего царствования, как фрейлина Вырубова, премьер-министр Горемыкин, директор Департамента полиции Белецкий, последний министр внутренних дел Протопопов и многие другие. В общей сложности было допрошено 59 человек. В августе—сентябре комиссия должна была бы подготовить обвинительное заключение для предания суду некоторых должностных лиц, что по логике самого следствия означало бы предание суду самой системы. На этом самым категорическим образом настаивали и Щеголев, и Александр Блок, исполнявший обязанности главного редактора стенографического отчета комиссии. Комиссия, в которой заседали бывшие царские сановники и судебные деятели, не могла, конечно, поддержать подобную, весьма радикальную позицию и закончила свою работу при довольно-таки скромных результатах, ибо была связана параграфами существовавшего царского Свода законов и ухищренным юридическим мышлением всех ее членов. В комиссии допросы велись таким образом, чтобы установить преступление того или иного лица с точки зрения законов царского правительства. А отсюда и преимущественное внимание не к существу, а к формальной стороне дела.

Но для Щеголева эта работа не прошла бесследно. Как исследователь он получил в свои руки великолепный материал. Позднее это дало ему возможность осуществить монументальное семитомное издание документов следственной комиссии (Падение царского режима. М.; Л., 1924—1927), явившееся одним из первоисточников для изучения краха самодержавия. Данные этой публикации нашли свое отражение и в предлагаемой книге.

Деятельность в составе Чрезвычайной следственной комиссии определила и новое направление в дальнейших исследованиях Щеголева — историк заинтересовался функционированием органов политического сыска и как эти органы использовали провокацию в борьбе с революционным движением. По существу, все работы на эту тему с 1917 по 1930-е гг. связаны с именем Щеголева. Современниками отмечался тот факт, что публикация этих материалов не только раскрыла деятельность царской тюрьмы и охраны, но и в определенной степени являлась источниковедческой основой для

последующего изучения тайной истории русского самодержавия.

Учитывая колоссальный опыт исследователя, эрудицию и великолепное знание архивных материалов, советские государственные органы привлекали Щеголева в качестве эксперта по целому ряду политических процессов, разоблачавших бывших деятелей царской охранки. Так, в 1925 г. во время процесса по делу провокатора Окладского прокурор Н.В.Крыленко возбудил ходатайство перед судом «о расширении прав эксперта Щеголева, являющегося почти единственным в своем роде специалистом по истории революционного движения в России и знатоком архива Департамента полиции», и предложил «предоставить Щеголеву право на всем протяжении процесса, наравне со сторонами, задавать вопросы обвиняемому и свидетелям» (Процесс предателя-провокатора Окладского-Петровского в Верховном суде. Л., 1925). Эрудиция Щеголева в этих вопросах, по существу, определила и поведение того же Окладского на суде, который не смог опровергнуть показаний историка — знатока тех самых секретных архивов Департамента полиции, где нашлось и дело об «Окладском, который числился как потомственный почетный гражданин Петровский». «Да и что можно возразить? — писал корреспондент «Красной звезды». — Оказывается, Щеголев знает все. Он знает, например, что некий Миллер, с которым свел Окладского сам Дурново, не кто иной, как знаменитый провокатор Гогельман-Ландензан-Гартинг, который и работал вместе с Окладским по выяснению террористических групп среди интеллигентов Петербурга в начале 90-х годов (кружок Истомина-Фойницкого)» (Красная газета. 1925. № 10. 12 янв.).

Деятельность Щеголева как ученого в эти годы была многообразна и обширна. Он принимал участие в реализации ленинского плана «монументальной пропаганды» (факт этот не отражен в исторической литературе). Известный скульптор Л.В.Шервуд, которому было поручено общее руководство в осуществлении этого плана, свидетельствует, что участие Щеголева не свелось только к подбору необходимых материалов: им был выработан перечень лиц, заслуживающих увековечения, который и послужил ориентиром в работе петроградских скульпторов.

Много сил было вложено Щеголевым в организацию будущего Петроградского историко-революционного архива, а также Музея Революции, который стал первым музеем подобного типа не только в нашей стране, но и за рубежом. Музей был открыт в 1919 г. в особняке Кшесинской.

В 1920 г. при Госиздате Щеголевым была основана «Историко-революционная библиотека». Здесь под его редак-

цией вышло в свет 14 выпусков, посвященных А.Н.Радищеву, Н.И.Рысакову, П.А.Кропоткину, революционной эмиграции 70—80-х гг., В.И.Засулич, Н.А.Морозову, Г.А.Лопатину, шлиссельбургским узникам и мн. др.

Щеголев не завершил многое из задуманного, скоропостижно скончавшись 22 января 1931 года в Ленинграде.

По свидетельству его современника, известного литературоведа Н.В.Измайлова, Щеголев в жизни был очень коммуникабелен, «в спорах не раздражался, о серьезном не говорил, больше отшучивался». И далее: «Трудно найти человека более интересного, но и более противоречивого... Его знания, эрудированность и начитанность были огромны и разносторонни; его одаренность, можно сказать, его талантливость поражали с первой встречи. Я не знал и не знаю более блестящего, увлекательного и яркого собеседника, чем Щеголев... И эта его одаренность, талантливость искрились и «брызгали» из него в каждом его слове» (Русская литература. 1981. № 1. С. 102—103).

* * *

Интерес Щеголева к политической истории России последних лет царствования Романовых получил на первых порах неожиданное проявление. Своеобразным подступом к теме явилась пьеса «Заговор императрицы», написанная им в соавторстве с А.Н.Толстым. Выбор темы был явно не случайным и продиктован требованиями дня, ибо по-прежнему были сильны надежды белой эмиграции на реставрацию дома Романовых. Щеголев, блестящий знаток архивных материалов, обладавший незаурядным художественным мастерством, явился для Толстого именно тем человеком, который помог ему сориентироваться в теме. Исторические документы, на которых строилась пьеса, подобраны были Щеголевым. План произведения, его содержание были составлены совместно.

Основу исторического материала, использованного Толстым и Щеголевым, составляла переписка последних Романовых, стенографические отчеты допросов и показаний Чрезвычайной следственной комиссии. По словам Щеголева, опубликованные и неопубликованные материалы дали так много для пьесы, что авторам почти не пришлось прибегать к выдумке. В основу пьесы была положена версия, согласно которой Григорий Распутин намеревался произвести дворцовый переворот для возведения на престол Александры Федоровны, уготовив ей роль Екатерины II. Современники оценили пьесу как «революционную хронику», «политическую сатиру», которую можно только рекомендовать рабочему зрителю. Пьеса имела успех. Достаточно сказать, что

только в Москве и Ленинграде она шла на шести сценах одновременно, а также в 14 городах страны. Пьеса была поставлена и за рубежом. Так, в 1927 г. на сцене Берлинского театра Эрвина Пискатора она шла под названием «Распутин, Романовы, война и восставший против них народ». На генеральной репетиции пьесы присутствовал А.В.Луначарский, который отметил динамизм и революционность постановки. Успех пьесы был столь очевидным, что авторам предложили написать киносценарий на этой основе, что ими и было сделано. Был определен и постановочный состав будущего фильма, но работа, в силу ряда причин, не была доведена до конца.

В 1927 г. Щеголев публикует под своей редакцией сборник документов «Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы». Эти материалы, большинство которых увидело свет в СССР впервые именно на страницах этого сборника, явились основой для будущего исследования историка, которое и было опубликовано в 1927 г. в номерах «Нового мира». На следующий год исследование это, существенным образом дополненное, вышло отдельной книгой. Только через 63 года появилась возможность нового издания этого сочинения Щеголева, которое и было подготовлено автором настоящего послесловия.

Щеголев, при работе над исследованием, впервые ввел в научный оборот фрагменты дневника Николая II за 1916—1917 гг.

Интересна история этого источника в целом. В Центральном Государственном архиве Октябрьской революции хранятся все дневники русского царя (50 тетрадей в сафьяновом переплете), которые он вел в течение 36 лет, с 1 января 1882 г. (когда ему исполнилось 14 лет) вплоть до 30 июня 1918 г. К настоящему времени опубликованы записи: 1) «Дневник императора Николая II. 1890-1906 гг.» (Берлин. Книгоиздательство «Слово», 1923; 2) с 1 октября по 31 декабря 1905 г.— «Из дневников последнего русского царя» (Вопросы истории. 1988. № 8); 3) с 1 июля по 31 июля 1914 г.— «Николай Романов в первые дни войны» (Красный архив. 1934. № 3); 4) с 16 декабря 1916 г. по 30 июня 1918 г. (Красный архив. 1927. № 1—3; 1928. № 2).

Обильно цитирует Щеголев и переписку Николая и Александры Федоровны (Берлин; М.; Л. Т. 1—5. 1922—1927). В этом же году была опубликована переписка царя с матерью, относящаяся к 1905 г. (Красный архив. 1927. № 3). Ранее (в 1923 г.) была опубликована переписка царя с германским императором Вильгельмом II.

Использование опубликованных материалов Ставки Верховного главнокомандующего и штаба командующего

армиями Северного фронта в февральской буржуазно-демократической революции (Красный архив. 1927. № 2) сообщает книге Щеголева особую основательность.

Что же нового несла в себе эта книга? Ответ на этот вопрос давало само название. Автор поставил перед собою и с успехом решил сложнейшую задачу написания психологического портрета последнего монарха на фоне трагических событий, сопутствующих отречению Николая II и краху династии. Анализ всей доступной к тому времени литературы* позволил дать Щеголеву убийственную характеристику Николая — «средний человек», «без каких-либо горизонтов» которого «российский престол застал врасплох», и он «принял царство, как чиновник — должность». На престоле сидел царь с кругозором «среднего гвардейского поручика (высказывание С.Ю.Витте.— Ю.Е.), с органической неспособностью к длительным мыслительным процессам».

Щеголев намеревался в дальнейшем развить положения и выводы этой книги. Он собирался написать обстоятельный труд, посвященный последнему царю, под названием «Николай II и Россия». Об этом замысле свидетельствуют сохранившиеся в архиве наброски, варианты будущей книги, в их числе фрагменты глав: «Молодость», «Царское служение», «Николай и война», «Николай и революция», «Распутин» Кое-что из этого замысла получило свое оформление. Так, в марте—апреле 1927 г. в вечерних выпусках «Красной газеты»

* После революции вышло много книг, посвященных личности последнего русского царя. Литература этого периода имела ярко выраженный разоблачительный характер. Ее авторы писали о малой образованности царя, нестойкости его в своих суждениях, недостаточном высоком культурном уровне и определенной «наивности» в государственных делах, что усугублялось и его чисто отрицательными человеческими качествами: лицемерием, бессердечием, жестокостью. Эти авторы характеризовали царствование Николая как самую мрачную страницу русской истории, считали, что русская революция органически связана с этим периодом, является его порождением. Причины «великой катастрофы», по их мнению, копились давно, и личность главы государства, его индивидуальные свойства могли только лишь ускорять и задерживать болезненный процесс, который все равно бы привел самодержавие к его естественному концу. Революция была неизбежна, и это был главный вывод многих исследований того времени. Как писал в 1917 г. историк К.Н.Успенский, «народ еще безмолвствовал, и безмолвствовал потому, что с нахлынувшим смрадом и ужасом распутино-романовского режима бороться было невозможно и бесполезно. Можно было только снести всю эту скверну с измученного лица Русской земли» (Успенский К.Н. Очерк царствования Николая II // Голос минувшего. 1917. № 4. С. 37). Новая волна литературы приходится на 1920-е гг. Ей присущ более серьезный, аналитический подход. Здесь необходимо отметить работы И.Василевского «Романовы», Н.Н.Фирсова «Николай II», С.Любоша «Последние Романовы», В.П.Семенникова «Монархия перед крушением» и многие другие.

(Ленинград) Щеголев публикует фрагменты будущей книги, как-то: «Николай II: Опыт характеристики. Молодость», «Царское служение», «Протокол отречения Николая II», «Царева мудрость», «Арест Николая и Александры Романовых», «Основная черта душевного склада». Интерес представляет развернутый план главы о Распутине, составление которого относится к 1929 г.

Но осуществить намеченное не удалось.

Кандидат исторических наук Ю.Н. Емельянов

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Александр I (1777-1825), с 1801 г. русский император
Александр II (1818-1881), с 1855 г. русский император
Александр III (1845-1894), с 1881 г. русский император
Александр Георгиевич (Сандро), герцог Лейхтенбергский, князь Романовский, флигель-адъютант
Александр Михайлович (Сандро) (1866-1917), вел. кн., внук Николая I, муж вел. кн. Ксении Александровны; их дочь — Ирина, жена Ф.Ф.Юсупова
Александра Федоровна (Фредерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина) (1798-1860), дочь прусского короля Фридриха-Вильгельма III, жена Николая I
Александра Федоровна (Алиса-Виктория-Елена-Луиза-Беатриса) (25.04.1872-17.07.1918), принцесса Гессен-Дармштадтская, жена Николая II
Алексеев Михаил Васильевич (1857-1918), генерал от инфантерии; в 1914-1915 гг. начальник штаба Юго-Западного фронта и главнокомандующий Северо-Западным фронтом; в 1915-1917 гг. начальник штаба Верховного главнокомандующего; с марта по 21 мая (3 июня) 1917 г. Верховный главнокомандующий. После Октябрьской революции один из организаторов на Кавказе белогвардейской «Добровольческой армии», стал в марте 1918 г. ее «Верховным руководителем» и главой правительства
Алексей Александрович (1850-1908), вел. кн., сын Александра II, генерал-адмирал, главный начальник флота и Морского ведомства
Алексей Николаевич (30.07.1904-17.07.1918), цесаревич, сын Николая II и Александры Федоровны
Альфред Эрнст-Альберт (1844-1900), сын королевы Виктории, герцог Эдинбургский, герцог Саксен-Кобург-Готский, муж вел. кн. Марии Александровны, дядя Александры Федоровны; его дочь Виктория была женой Эрнеста, вел. герцога Гессенского, брата русской императрицы
Анастасия Николаевна (05.06.1901-17.07.1918), вел. кн., четвертая дочь Николая II и Александры Федоровны
Андрей Владимирович (1879-1956), вел. кн., двоюродный брат Николая II, командир батареи гвардейской конно-артиллерийской бригады, покровительствовал М.Ф.Кшесинской
Апрак см. Оболенская
Баденская, принцесса см. Мария Максимилиановна, принцесса Баденская
Балашев Николай Петрович (1871-?), обер-егермейстер, член Государственного совета
Бекетов Николай Николаевич (1827-1911), физико-химик, академик
Беляев Михаил Алексеевич (1863-1918), генерал от инфантерии, с января по 1 марта 1917 г. военный министр; в 1918 г. был арестован и расстрелян
Бобриков Николай Иванович (1839-1904), генерал-адъютант; в 1884-1898 гг. начальник штаба войск гвардии и С.-Петербургского воен-

ного округа, с 1898 г. — финляндский генерал-губернатор; убит 3 июня 1904 г. в здании Сената Евгением Шауманом, сыном бывшего сенатора

Богданович Александра Викторовна, жена генерала Е.В.Богдановича, мемуаристка (см.: Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник / Предисл. Е.Вавилова. М.; Л., 1924)

Болдырев Василий Георгиевич (1875—после 1932), во время первой мировой войны находился на штабных и командных должностях; в 1918 г. член контрреволюционных организаций «Национальный центр» и «Союз Возрождения»; в сентябре—ноябре 1918 г. член Уфимской Директории и главком ее войск; в 1920—1922 гг. занимал различные военные посты в белогвардейских правительствах Дальнего Востока; после освобождения края был арестован, в тюрьме сделал заявление о желании служить Советской власти и в 1926 г. был амнистирован. Автор работ по военной истории и тактике, а также воспоминаний «Директория. Колчак. Интервенты» (М., 1925. Ч. 1—3.)

Брусилов Алексей Алексеевич (1853—1926), генерал от кавалерии; с марта 1916 г. командующий Юго-Западным фронтом; с 22 мая (4 июня) по 19 июля (1 августа) 1917 г. Верховный главнокомандующий (затем заменен был Л.Г.Корниловым); в 1917—1920 гг. ответственных постов не занимал; 2 мая 1920 г. приказом РВС назначен председателем Особого совещания при Главкоме; в 1923—1924 гг. инспектор кавалерии, с 1924 г. состоял для особо важных поручений при РВС СССР; автор мемуаров «Мои воспоминания» (1929)

Бубликов Александр Александрович (1875—?), инженер, депутат IV Государственной думы, член партии прогрессистов, комиссар Временного правительства, позднее министр путей сообщения, после Октябрьской революции эмигрировал

Бунге Николай Христианович (1823—1895), экономист, академик, в 1881—1886 гг. министр финансов, проводил политику государственного финансирования промышленности

Виктория (1819—1901), с 1837 г. королева Великобритании (последняя из Ганноверской династии), бабушка имп. Александры Федоровны

Вильгельм II Гогенцоллерн (1859—1941), в 1888—1918 гг. германский император и прусский король, свергнут ноябрьской революцией 1918 г., бежал в Голландию

Вильчаковский Сергей Николаевич, генерал-майор, помощник начальника Царскосельского дворцового управления, председатель Царскосельского эвакуационного комитета; автор воспоминания «Пребывание государя императора в Пскове в марте 1917 года» (Русская Летопись. 1922. № 18)

Витте Сергей Юльевич (1849—1915), граф, государственный деятель; с октября 1905 по апрель 1906 г. возглавлял Совет министров, в октябре 1905 г. настоял на программе уступок буржуазии, нашедшей свое выражение в манифесте 17 октября 1905 г.

Владимир Александрович (1847—1909), вел. кн., третий сын Александра II, дядя Николая II, генерал-адъютант, генерал от инфантерии

Восейков Владимир Николаевич (1868—?), генерал-майор свиты е.и.в., дворцовый комендант, автор воспоминаний «С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта императора Николая II» (Гельсингфорс, 1936)

Воронцовы см. Воронцов-Дашков И.И.

Воронцов-Дашков Иларион Иванович (1837—1916), граф, министр императорского двора и уделов, в 1905—1915 гг. наместник Кавказа; его жена — Елизавета Андреевна, урожд. Шувалова; их дети — Ирина, Майя, София (Софка), Александр (Сашка) и Иван (Ваня)

Гессе Петр Павлович (1846-1905), генерал-адъютант, дворцовый комендант в 1904 г., имел большое влияние в дворцовых сферах

Гирс Николай Карлович (1820-1895), дипломат; после 1878 г., ввиду болезни А.М.Горчакова, фактически управлял Министерством иностранных дел, в 1882-1895 гг. министр иностранных дел

Голицын Николай Дмитриевич (1850-1925), князь, сенатор, член Государственного совета, с декабря 1916 по февраль 1917 г. последний председатель Совета министров; был близок к императрице Александре Федоровне, после февральской революции отошел от политической деятельности

Гомзин, комендант императорского поезда

Граббе Александр Николаевич (1864-?), граф, генерал-майор свиты е.и.в., в 1911 г. командовал л.-гв. Казачьим е.и.в. полком, с 1914 г. командир собств. е.и.в. Конвоя

Греков, поручик, военный комендант Николаевского вокзала в Петрограде в феврале 1917 г.

Гучков Александр Иванович (1862-1936), фабрикант, основатель и лидер партии октябристов, член и председатель III Государственной думы; в 1915-1917 гг. председатель Центрального военно-промышленного комитета и член Особого совещания по обороне; в первом составе Временного правительства (март-май 1917 г.) военный и морской министр; один из организаторов корниловщины, боролся против Советской власти, эмигрировал в Берлин. Умер в Париже

Данилов Георгий (Юрий) Никифорович (1866-1937), в 1914-1917 гг. генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего, затем начальник штаба Северного фронта; автор воспоминаний «На пути к крушению. (Очерки из последнего периода русской монархии)» (Ганновер-1928; Берлин-1929)

Дедюлин Владимир Александрович (1858-1913), генерал-адъютант, в 1905 г. петербургский градоначальник, с 1906 г. дворцовый комендант

Долгоруков Василий Александрович (в тексте — Валя) (1868-1918), князь, генерал-майор свиты е.и.в., гофмаршал высочайшего двора; во время войны находился в Ставке при Николае II

Дубенский Дмитрий Николаевич (1868-?), генерал-майор, редактор-издатель журнала «Русское чтение»; автор воспоминаний «Как произошел переворот в России» (Рига, 1923)

Дурново Иван Николаевич (1834-1903), в 1889-1895 гг. министр внутренних дел, с 1895 г. председатель Комитета министров

Ежов, инженер, начальник императорских поездов

Елизавета Федоровна (Элла) (1864-1918), принцесса Гессен-Дармштадтская, родная сестра императрицы Александры Федоровны, жена вел. кн. Сергея Александровича

Замысловский Егор Егорович (1841-1896), проф. русской истории Петербургского университета

Иван IV Васильевич (1530-1584), с 1533 г. великий князь Московский, с 1547 г. первый русский царь

Иванов Николай Иудович (1851-1919), генерал-адъютант, с июля 1914 г. до марта 1916 г. командовал войсками Юго-Западного фронта, затем состоял при царе. 27 февраля (12 марта) 1917 г. был назначен командующим войсками Петроградского военного округа. После Октябрьской революции бежал в Киев, а затем на Дон; в октябре-ноябре 1918 г. командовал белоказачьей Южной армией, разбитой под станицей Вешенской

Кашталинский Николай Александрович (1849-?), генерал, участник русско-японской войны, с 1908 г. в отставке

Кирилл Владимирович (1876-1938), вел. кн., двоюродный брат Николая II, в эмиграции был одним из претендентов на русский престол

Клембовский Владислав Наполеонович (1860-1921), генерал, с мая 1917 г. главнокомандующий Северного фронта, участник корниловского мятежа, после Октябрьской революции служил в Красной Армии

Кошкарев Борис Дмитриевич (1866-?), в 1916 г. псковский губернатор

Ксения Александровна (1875-1960), дочь Александра III, сестра Николая II, с 1894 г. в супружестве с вел. кн. Александром Михайловичем, с 1919 г. жила в Лондоне

Куропаткин Алексей Николаевич (1848-1925), генерал от инфантерии, командующий русскими войсками в Маньчжурии; в первой мировой войне командовал армией и Северным фронтом (1916); в 1916-1917 гг. туркестанский генерал-губернатор

Курош, вице-адмирал

Кшесинская-2 Матильда Феликсовна (1872-1971), в 1890-1917 гг. артистка балета Мариинского театра, фаворитка членов императорской фамилии

Кшесинская-1 Юлия Феликсовна (1866-?), в 1883-1902 гг. артистка балета Мариинского театра

Ламздорф Владимир Николаевич (1844-1907), граф, в 1900-1906 гг. министр иностранных дел

Леер Генрих Антонович (1829-1904), генерал-лейтенант, проф. стратегии в академиях Генерального штаба (в 1889-1898 гг. ее начальник), артиллерийской и инженерной

Лейден Эрнст (1832-1910), известный немецкий клинист, терапевт в России консультировал Александра III и других членов царской фамилии

Лейхтенбергский герцог см. Александр Георгиевич, герцог Лейхтенбергский

Лукомский Александр Сергеевич (1868-1939), генерал-лейтенант; с октября 1916 по апрель 1917 г. генерал-квартирмейстер Ставки; в июне-августе 1917 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего; активный участник корниловского мятежа, был арестован, но при содействии генерала Н.Н.Духонина бежал и участвовал в формировании Добровольческой армии, с сентября 1918 г. помощник главнокомандующего армией; в июле 1919 — январе 1920 г.— председатель денкинского правительства — «Особого совещания»; в марте 1920 г. уехал в Турцию, автор «Воспоминаний» (1922. Т. 1-2)

Львов Георгий Евгеньевич (1861-1925), князь, юрист; после февральской революции (до июля 1917 г.) глава двух первых кабинетов Временного правительства; эмигрировал во Францию

Мария Александровна (тетя Мари) (1853-1920), вел. кн., дочь Александра II, тетка Николая II, с 1874 г. в супружестве с Альфредом Эрнестом-Альбертом, герцогом Эдинбургским, герцогом Саксен-Кобург-Готским

Мария Максимилиановна (тетя Маруся) (1841-1914), племянница Александра II, герцогиня Лейхтенбергская, затем принцесса Баденская

Мария Николаевна (14.06.1899-17.07.1918), вел. кн., третья дочь Николая II и Александры Федоровны

Мария Федоровна (Мария-София-Фредерика-Дагмара) (1847-1928), дочь датского короля Христиана IX, с 1866 г. жена Александра III, мать Николая II

Машков, поручик

Мнлюков Павел Николаевич (1859-1943), политический деятель, историк, публицист, один из организаторов партии кадетов и с 1907 г. председатель ее ЦК и редактор газеты «Речь», член Государственной думы 3 и 4 созывов; в дни февральской революции добивался сохранения монархии; министр иностранных дел в первом кабинете Временного правительства; с 1920 г. в эмиграции; в годы второй мировой войны выступал против сотрудничества русской эмиграции с фашистами, приветствовал успехи Красной Армии

Михаил Александрович (Миша) (1878-1918), вел. кн., генерал-майор, член Государственного совета, брат Николая II, в 1899-1904 гг. — наследник престола; в 1914-1917 гг. командовал Кавказской туземной конной дивизией; 3 марта 1917 г. отказался от престола, предлагаемого ему манифестом 2 марта. В феврале 1918 г. был арестован в Гатчине, увезен в Пермь, а затем расстрелян

Мордвинов Анатолий Александрович (1870-?), флигель-адъютант, в 1906-1913 гг. адъютант вел. кн. Михаила Александровича, автор воспоминаний (Париж, 1925)

Мрозовский Иосиф Иванович (1857-?), генерал от артиллерии; до начала первой мировой войны командовал гренадерским корпусом; с осени 1915 по февраль 1917 г. главнокомандующий войсками Московского военного округа

Муравьев Николай Валерианович (1850-1908), юрист; в качестве прокурора Петербургской судебной палаты выступал обвинителем на процессе народовольцев в марте 1881 г., в 1894-1905 гг. министр юстиции, затем посол в Италии

Нарышкин Кирилл Анатольевич (Кира) (1868-?), генерал-майор свиты е.и.в., начальник Военно-походной канцелярии

Нарышкина (урожд. кн. Куракина) Елизавета Алексеевна (1840-?), статс-дама, гофмейстерина имп. Александры Федоровны, председательница Петербургского вспомогательного попечительства для помощи больным и раненым воинам

Непенин Адриан Иванович (1871-1917), вице-адмирал, с 1914 г. начальник службы связи, с сентября 1916 г. командующий Балтийским флотом; 4 марта 1917 г. убит восставшими матросами в Гельсингфорсе

Николай I (1796-1855), с 1825 г. русский император

Николай II (06.05.1868-17.07.1918), с 1894 г. русский император

Николай Николаевич (Младший; Николаша) (1856-1929), вел. кн., внук Николая I, генерал-адъютант, в 1904-1914 гг. командовал войсками гвардии и С.-Петербургского военного округа, а также (в 1905-1908 гг. председатель Совета Государственной обороны); в 1914-1915 гг. Верховный главнокомандующий, смещен по настоянию имп. Александры Федоровны, опасавшейся усиления его влияния; с августа 1915 — по март 1917 г. командующий войсками Кавказского фронта; при отречении Николай II вновь назначил его Верховным главнокомандующим, но тот был вынужден отказаться под давлением Советов и Временного правительства; в марте 1919 г. эмигрировал из Крыма в Италию, затем во Францию. Среди белой эмиграции считался претендентом на русский престол

Нилов Константин Дмитриевич (1856-?), адмирал, генерал-адъютант, с 1905 г. флаг-капитан Николая II

Оболенская (урожд. Апраксина; в тексте Апрак), княгиня, устроительница санитарного поезда

Оболенские; речь идет о детях Оболенского Николая Николаевича, генерал-адъютанта, командира гвардейского корпуса, — Оболенской Екатерине Николаевне и Оболенской Елизавете Николаевне, фрейлинах имп. Александры Федоровны

Ольга Александровна (1882-1952), вел. кн., младшая дочь Александра III, в первом браке была замужем за принцем П.А.Ольденбургским, в 1916 г. развелась и вышла замуж за полковника В.А.Куликовского; в 1919-1948 гг. жила в Копенгагене, затем переехала в Канаду, где и умерла в Торонто

Ольга Николаевна (03.11.1895-17.07.1918), вел. кн., старшая дочь Николая II и Александры Федоровны

Ольденбургский П.А. см. Петр Александрович, герцог Ольденбургский

Павел Александрович (1860-1918, по другим данным — 1919), вел. кн., сын Александра II, командир гвардейского корпуса

Павел I (1754-1801), с 1796 г. русский император

Петр I Алексеевич (1672-1725), с 1682 г. русский царь (совместно с Иваном Алексеевичем до 1696 г.), с 1721 г. первый русский император

Петя см. Петр Александрович, герцог Ольденбургский

Петр Александрович (Петя), герцог Ольденбургский, первым браком женатый на вел. кн. Ольге Александровне

Плеве Вячеслав Константинович (1846-1904), в 1902-1904 гг. министр внутренних дел и шеф корпуса жандармов, убит эсером Е.С.Сазоновым

Победоносцев Константин Петрович (1827-1907), юрист, в 1880-1905 гг. обер-прокурор Святейшего Синода, имел исключительное влияние на Александра III

Протопопов Александр Дмитриевич (1866-1918), промышленник и помещик, член партии октябристов, депутат Государственной думы 3 и 4 созывов, с 1914 г.— товарищ председателя Думы. В сентябре 1916 г. с помощью Распутина стал министром внутренних дел; был одним из наиболее доверенных лиц Николая II. Попытка вооруженной силой подавить февральскую революцию; был расстрелян по приговору ВЧК

Пузыревский Александр Казимирович (1845-?), генерал-лейтенант, проф. военного искусства академии Генерального штаба

Распутин (Новых) Григорий Ефимович (1864 или 1865-1916), авантюрист, фаворит императора Николая II и его жены; сумев внушить Николаю II, что сможет спасти больного гемофилией наследника Алексея, Распутин пользовался неограниченным влиянием на царя и царицу. Его убийство Ф.Ф.Юсуповым, В.М.Пуришкевичем и великим князем Дмитрием Павловичем было вызвано стремлением спасти от дискредитации царскую власть

Родзянко Михаил Владимирович (1859-1924), политический деятель, один из лидеров партии октябристов, помещик Екатеринославской губ.; в 1906-1907 гг. член Государственного совета, депутат Государственной думы 3 и 4 созывов (1907-1917 гг.); после победы февральской революции возглавлял Временный комитет Государственной думы; в 1918-1920 гг. находился при армии Деникина, эмигрировал в Югославию, где и умер. Автор мемуаров «Крушение империи» (1927)

Рожественский Зиновий Петрович (1848-1909), вице-адмирал, командующий 2-й Тихоокеанской эскадрой, потерпевшей поражение в Цусимском сражении

Рузский Николай Владимирович (1854-1918), генерал от инфантерии; с августа 1915 по апрель 1917 г. командующий Северным фронтом, затем в отставке по болезни

Рыдзевский Константин Николаевич (1852-?), генерал, в 1904-1905 гг. министр внутренних дел, командир Отдельного корпуса жандармов, руководил карательными экспедициями в Витебской, Могилевской и Минской губерниях

Савина Мария Гавриловна (1854-1915), с 1874 г. актриса Александринского театра

Саввич Сергей Сергеевич (?-?), генерал от инфантерии, до и в начале войны был комендантом Владивостокской крепости и командиром 4-го Сибирского армейского корпуса; в мае 1915 г.— начальник штаба армий Юго-Западного фронта, позже — генерал-квартирмейстер

Сазонов Николай Федорович (1843-1902), актер Александринского театра

Сандро см. Александр Михайлович и Александр Георгиевич, герцог Лейхтенбергский

Сахаров Виктор Викторович (1848-?), генерал-лейтенант, начальник Главного штаба, начальник штаба войск Румынского фронта

Сергей см. Сергей Михайлович

Сергей Александрович (1857-1905), вел. кн., сын Александра II, дядя Николая II, в 1891-1905 гг. московский генерал-губернатор и командующий Московским военным округом, убит эсером И.П.Каляевым

Сергей Михайлович (1868 или 1869-1918), вел. кн., инспектор полевой артиллерии

Сесиль см. Цецилия-Августа

Стессель Анатолий Михайлович (1848-1915), генерал-лейтенант начальник укрепленного района в Порт-Артуре, за сдачу крепости приговорен военным судом к смертной казни, но был помилован царем

Столыпин Петр Аркадьевич (1862-1911), государственный деятель, с 1906 г. министр внутренних дел и председатель Совета министров, убит эсером Д.Г.Богровым в Киеве

Сухомлинов Владимир Александрович (1848-1926), генерал-адъютант, в 1909-1916 гг. военный министр

Татьяна Николаевна (29.05.1897-17.07.1918), вел. кн., вторая дочь Николая II и Александры Федоровны

Трепов Дмитрий Федорович (1855-1906), в 1896-1905 гг. московский обер-полицеймейстер, с 1 января 1906 г. петербургский генерал-губернатор

Ухтомский Эспер Эсперович (1861-1921), кн., поэт и публицист, с 1896 г. редактор-издатель газеты «С.-Петербургские ведомости», собиратель документов по истории России

Федоров Сергей Петрович (1869-1936), хирург, в 1903-1936 гг. проф., начальник кафедры госпитальной хирургии Военно-медицинской академии и одновременно (1926-1936 гг.) директор первого в СССР Ленинградского института хирургической невропатологии

Феодосий Углицкий (30-е гг. XVII в. -1696), святой, архиепископ Черниговский

Филипп Низьер Вашоль («наш друг», 1850-1905), уроженец Лиона, врач-шарлатан, получивший по Высочайшему повелению звание доктора медицины и чин действительного статского советника и имевший влияние на царскую чету до появления Распутина

Фредерикс Владимир Борисович (1838-1927), граф, генерал-адъютант, член Государственного совета; с 1897 г. министр императорского двора и уделов, один из ближайших сановников Николая II, после Октябрьской революции эмигрант

Фридрих-Вильгельм, сын Вильгельма II, кронпринц

Хабалов Сергей Семенович (1858-1924), генерал-лейтенант, с февраля 1917 г. командующий войсками Петроградского военного округа; 28 февраля 1917 г. арестован и заключен в Петропавловскую крепость. В

сентябре того же года дело против него было прекращено, и 11 ноября он был уволен из армии, после чего эмигрировал

Цабель Сергей Александрович (1871-?), генерал-майор, в 1910-1914 гг. начальник штаба инспекторской инженерной части Петербургского военного округа, с 1914 г. командир собств. е.и.в. Железнодорожного полка Цветинский, капитан Семеновского полка, ранен при покушении на Плеве

Цезарь Гай Юлий (100-44 до н.э.), государственный и военный деятель Древнего Рима, оратор

Цецилия (Сесиль)-Августа, жена Фридриха-Вильгельма, кронпринца, дочь великого герцога Мекленбург-Шверинского

Чхеидзе Николай (Карло) Семенович (1854-1926), один из лидеров меньшевизма, депутат Государственной думы 3 и 4 созывов; в 1917 г. член Временного комитета Государственной думы и Председатель Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов; после Октябрьской революции председатель Закавказского сейма (1918), с 1919 г. председатель Учредительного собрания — меньшевистского правительства Грузии, с 1921 г. в эмиграции

Шидловский Сергей Илиодорович (1861-1922), депутат III и IV Государственных дум; в 1915-1917 гг. председатель Бюро «Прогрессивного блока»; во Временном правительстве член Главного земельного комитета; с 1918 г. активной политической деятельности не вел; с 1920 г. в эмиграции

Шульгин Василий Витальевич (1878-1976), публицист, член Временного комитета Государственной думы; 2 марта 1917 г. вместе с А.И.Гучковым предъявил Николаю II требование об отречении; после Октябрьской революции один из организаторов борьбы против Советской власти; в 1925-1926 гг. нелегально приезжал в СССР, с 1937 г. отошел от активной политической деятельности; в 1944 г. арестован в Югославии и препровожден в СССР, в 1956 г. амнистирован. В 60-х гг. обратился к русской эмиграции с призывом отказаться от враждебного отношения к Советской власти; автор воспоминаний «Дни» (1925), «1920-й год» (1927) и «Три столицы» (1927)

Эверт Алексей Ермолаевич (1857-1926), генерал от инфантерии; с августа 1915 г. главнокомандующий армиями Западного фронта, в марте 1918 г. уволен в отставку; жил в Смоленске, затем в Верее, занимаясь пчеловодством (М.К.Касвинов в книге «Двадцать три ступени вниз» (М., 1978. С. 332) говорит о том, что Эверт был убит на фронте в конце 1917 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

Последний рейс Николая Второго	3
Глава I. Накануне	3
Глава II. Последний рейс императора	12
Глава III. Ответственное	23
Глава IV. Предупреждать и не опаздывать - вот в чем суть управления	33
Глава V. «Даешь отречение»	36
Глава VI. Крах	47
Глава VII. После отречения	60
К характеристике Николая Второго	63
Глава I. Молодость	63
Глава II. Царское служение	73
Глава III. Царева мудрость	76
Глава IV. Основная черта душевного склада	86
<i>Послесловие</i>	96
<i>Именной указатель</i>	104

Павел Елисеевич Щеголев

ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС НИКОЛАЯ II

Редакторы А.Н.Казакевич, Н.Л.Стебаева
Художественный редактор М.А.Вакарчук
Технический редактор Л.П.Емельянова
Корректор Л.В.Петрова

ИБ 2215

Сдано в набор 5.10.90. Подписано в печать 10.01.91. Формат 84x108/32
Бумага тип №2. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,88.
Усл. кр.-отт. 6,09. Уч.-изд. л. 6,51. Тираж 200 000 экз. Изд № 32кв.
Зак. № 1-53. Цена 4 р. 50 к.

Издательство «Книга», 125047, Москва, ул. Горького, 50.
Издание подготовлено при участии ХА «Гласность», г. Запорожье
Набрано на компьютере издательства «Книга»
Отпечатано на Киевской книжной фабрике
252054, Киев-54, ул. Воровского, 24